

Санкт-Петербург.

БОЖЕСТВЕННАЯ

К

ОМЕРКА

ЧИСТИЛИЩЕ

ДАНТЕ

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ.

ЧИСТИЛИЩЕ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА В. И. ГУБИНСКАГО.

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ.
ЧИСТИЛИЩЕ.

ПЕРЕВОДЪ В. В. ЧУЙКО.

Съ 72 рисунками французскихъ художниковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА В. И. ГУБИНСКАГО.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Августа 1894 года.

Типо-Литографія И. А. Липвинова. Изм. п., 12 р., № 14.

Я увидѣлъ около себя одинокаго старца... (стр. 4).

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Послѣ воззванія къ музамъ, поэтъ рассказываетъ, что при восходѣ солнца, очутившись съ Виргиліемъ на какомъ-то островѣ, онъ встрѣтилъ тамъ Катона изъ Утики, который объясняетъ странникамъ, какъ попасть въ Чистилище. Данте и Виргилій направляются къ морю. Тамъ, Виргилій обмылъ лицо Данте росой и ооясалъ его тростникомъ.

Приготовляясь къ плаванію по болѣе покойнымъ водамъ, теперь чѣлнй моего гѣнія приподнимаетъ паруса, оставляя за собой столь ужасное море;

И буду я воспѣвать это второе царство, гдѣ человѣческій духъ очищается и становится достойнымъ подняться къ небу.

И такъ, да возстанетъ мертвая поэзія, о, священные музы, ибо я вашъ, и пусть здѣсь Калліона нѣсколько приподниметъ тонъ ¹⁾,

Вторая мой пѣснь тѣмъ голосомъ, которымъ несчастныя Шериды были такъ поражены, что отчаялись въ своемъ прощеніи ²⁾.

Сладостный цвѣтъ восточнаго сапфира, сливающейся съ чистымъ воздухомъ съ этого перваго круга ³⁾,

Возвратить радость моимъ глазамъ, какъ только я вышелъ изъ мертвой атмосферы, опечалившей и мои взоры, и мое сердце.

Прекрасная планета ⁴⁾, располагающая къ любви, заставляла улыбаться весь Востокъ, затмѣвая знакъ Рыбъ, шедшій за нею.

Я повернулъ направо и, обративъ свое вниманіе на другой полюсъ, увидѣлъ четыре звѣзды ⁵⁾, которыя со времени перваго человѣка не были видимы.

Небо точно радовалось ихъ блеску. О, страна сѣвера, страна по истинѣ вдовья, ибо тебѣ не дано созерцать ихъ.

Когда я пересталъ созерцать ихъ, повернувъ немного въ другому полюсу, къ тому пункту, гдѣ Колесница исчезла ⁶⁾,

Я увидѣлъ около себя одинокаго старца, достойнаго по своей вѣщности такого почтенія, какого не можетъ внушать даже отецъ своему сыну ⁷⁾.

У него была длинная борода съ просѣдью, подобная его волосамъ, падавшая двойной косою на его грудь.

Лучи четырехъ священныхъ свѣтилъ освѣтили его лицо такимъ блескомъ, что я его видѣлъ такъ же хорошо, какъ еслибы солнце было передъ нимъ.

«Кто вы, идущіе противъ теченія слѣпаго потока, убѣгающіе отъ вѣчной темницы?» сказалъ старецъ, трихнувъ своей почтенной бородой.

«Кто вель вась? Кто былъ вашимъ свѣтильникомъ, чтобы выйти изъ глубокой ночи, которая дѣлаетъ всегда черной адскую долину?»

«Неужели законы бездны уничтожены? Или, можетъ быть, въ Небѣ измѣнили намѣреніе, если вы, осужденные, приходите къ моимъ пещерамъ?»

Мой руководитель тогда далъ мнѣ понять словами, жестами и

взглядами, чтобы я былъ почитателенъ, преклонилъ колѣна и опустилъ взоры.

Затѣмъ онъ отвѣчалъ: «я пришелъ сюда не по собственной волѣ; Дама, сошедшая съ неба ⁸⁾, просила меня помочь этому, сопровождая его.

«Но если твоя воля состоитъ въ томъ, чтобы мы подробнѣе объяснили тебѣ наше истинное положеніе, — моя воля не въ чемъ не можетъ тебѣ отказать.

«Этотъ человѣкъ еще не увидѣлъ своего послѣдняго вечера, но онъ былъ такъ близокъ къ нему, благодаря своему безумію, что ему оставалось лишь немного времени.

«И такъ какъ я уже сказалъ, я былъ призванъ къ нему, чтобы его спасти, и не было другой дороги, кромѣ этой, по которой я пошелъ.

«Я показавъ ему всю преступную дорогу; а теперь я намѣренъ показать ему души, очищающіяся подъ твоимъ надзоромъ...

«Какъ я его велъ, было-бы теперь слишкомъ долго разсказывать тебѣ: свыше нисходитъ свѣтъ, помогающій мнѣ вести его сюда, чтобы онъ тебя видѣлъ и выслушалъ.

«Поэтому удостой привѣтствовать его пришествіе; онъ ищетъ свободы столь дорогой, какъ это знаетъ тотъ, который ради нея презираетъ жизнь.

«Ты это знаешь, ты, который не нашелъ смерть горькой и оставилъ въ Утикѣ брѣнное тѣло, которое въ великій день будетъ столь свѣтлымъ.

« Вѣчные законы не были измѣнены для насъ. Этотъ человѣкъ принадлежитъ къ числу живущихъ, и Минось не удерживаетъ меня; я нахожусь въ кругу, гдѣ находятся чистые взоры

Твоей Мариці, которая словно умоляетъ еще тебя, о, святое сердце, взять ее снова въ подруги; изъ-за любви къ ней, смягчись къ намъ.

«Позволь намъ пройти по твоимъ семи царствамъ; я благодарю ее за это, если ты только позволишь, чтобы тамъ была рѣчь о тебѣ».

«Мариція такъ правилась моимъ взорамъ, когда я былъ на землѣ, — отвѣчалъ онъ тогда, — что все, чего она желала, она получала отъ меня.

«Теперь, когда она обитаетъ по другой сторонѣ преступнаго потока, она уже не можетъ тронуть меня, вслѣдствіе закона провозглашеннаго, когда я вышелъ изъ ада ⁹⁾.

«Но если небесная Дама, какъ ты говоришь, одушевляетъ тебя и направляетъ, то ты вовсе не нуждаешься въ этихъ сладостныхъ похвалахъ; тебѣ стоитъ только сослаться на нее.

«И такъ, ступай; опоясай его гибкимъ, ровнымъ тростникомъ ¹⁰⁾, обмой ему лицо и сотри съ него все пятна,

«Ибо не годится, чтобы, съ взорами, покрытыми какою-либо тучей, онъ предсталъ передъ Ангеломъ Рая.

«Тамъ, на этомъ островкѣ, вокругъ котораго бѣшутъ волны, растутъ тростники на мягкой, тишистой почвѣ.

«Никакое растеніе съ листвою не можетъ укрѣпиться тамъ и произрастать, ибо оно не въ состояніи гнуться подъ напорами волнъ;

«Потомъ не возвращайтесь тѣмъ-же путемъ. Восходящее солнце укажетъ вамъ, съ какой стороны взойти на гору удобной тропинкой».

И онъ исчезъ. А я всталъ молча, подошелъ къ своему путеводителю и направилъ на него свои взоры.

И онъ началъ: «сыгъ мой, слѣдуй за мною, повернемъ назадъ, ибо тутъ эта поляна все понижается до послѣднихъ краевъ».

Разсвѣтъ прогонялъ уже часъ утра, скрывающійся передъ нимъ, и издали я замѣтилъ дрожаніе моря.

Мы шли по пустынной полянѣ, какъ люди, ищущіе дорогу, которую они потеряли, полагая, что идутъ понапрасну, пока не найдутъ ее.

Когда мы подошли къ мѣсту, гдѣ роса борется съ солнцемъ и, защищаемая тѣнью, не можетъ испариться,

Мой учитель слегка положилъ свои открытыя руки на свѣжую траву, а я, догадываясь о его намѣреніи,

Подставилъ ему свои щеки, влажныя отъ слезъ. И тогда, благодаря ему, на щекахъ выступили тотъ цвѣтъ, который былъ скрытъ. Адомъ.

Тогда мы достигли пустынного берега, который никогда еще не видѣлъ плавающимъ на его водахъ человѣка, могущаго возвратиться на землю.

Тамъ онъ меня опоясать, какъ тотъ ему повелѣлъ. О, чудо! Едва лишь онъ вырвалъ одно скромное растеніе, какъ другое подобное же выросло сейчасъ-же

Въ томъ мѣстѣ, откуда онъ вырвалъ первое¹¹⁾.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- ¹⁾ «Vos, o, Calliope, precor, aspirate canenti». (*Виргилій*).
- ²⁾ Периоды — дочери Пьеруса, царя Пеллы, въ Македоніи. Они вызвали на состязаніе въ пѣніи музъ, были побѣждены ими и затѣмъ превращены въ сорокъ (Овидій, V, Метаморфозы).
- ³⁾ Т. е. небо луны, по системѣ Птолемея.
- ⁴⁾ Планета Венера. Для пониманія этого мѣста необходимо вспомнить, что солнце находилось въ знакѣ Овна («Адъ», пѣснь первая) и что знакъ Рыбъ, долженствующій взойти раньше солнца, по необходимости поблѣднѣлъ подъ лучами, болѣе яркими, Венеры, которую называли тогда Діаной, или «той, которая предшествуетъ дню».
- ⁵⁾ Ломбарди видятъ въ этихъ четырехъ звѣздахъ четыре кардинальных добродѣтели: благоразуміе, справедливость, силу и воздержанность. Ниже Данте называетъ эти звѣзды *Luci Santi* (священныя свѣтила). Это тѣ-же звѣзды, которыя впоследствии, въ формѣ прекрасныхъ нимфъ, образуютъ свиту Беатриче (пѣснь XXXI «Чистилища»).
- ⁶⁾ Колесница Большой Медвѣдцы.
- ⁷⁾ Катонъ Утичскій. Въ этомъ мѣстѣ Данте подражаетъ Виргилію (восьмая книга «Энеиды»): *Secretosque pius; his dantem jura Catonem.*
- ⁸⁾ Беатриче («Адъ», пѣснь вторая).
- ⁹⁾ По пришествіи на землю Христа («Адъ», пѣснь четвертая).
- ¹⁰⁾ Эмблема терпѣнія, простоты и смиренія.
- ¹¹⁾ Подражаніе Виргилію:

Uno avulso non deficit alter
Aureus, et simili frondescit virga metallo.

Энеида, VI.

Вокруг меня столпились эти счастливыя души... (стр. 11).

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

При восходѣ солнца поэты увидѣли приближающуюся къ берегу барку, наполненную душами и направляющуюся въ Чистилище. Среди нихъ Данте узнаетъ своего друга, музыканта Казелла. Онъ проситъ его спѣть что-нибудь. Казелла поетъ одну изъ лучшихъ канцонъ Данте. Другія души останавливаются и слушаютъ. Катонъ упрекаетъ ихъ въ медленности и совѣтуетъ имъ спѣшить къ горѣ Чистилища.

Солнце достигло уже горизонта, меридианъ котораго покрываетъ Иерусалимъ самой высокою своею точкой,

И ночь, которая движется въ противоположную сторону¹⁾, выходитъ изъ Ганга, держа въ рукахъ вѣсы, которые выпускаетъ изъ рукъ, когда беретъ верхъ надъ днемъ.

И такъ, тамъ, гдѣ появлялось солнце, бѣлыя и румяныя щеки Авроры становились, вслѣдствіе старости, оранжевыми.

Мы находились еще на берегу моря, подобно людямъ, задумавшимся о своемъ пути, и сердце которыхъ несется впередъ, когда тѣло остается недвижнымъ.

Но вотъ, подобно тому, какъ съ приближеніемъ утра Марсъ сквозь густой туманъ краснѣетъ съ стороны запада, надъ морской волной,

Точно такъ же (о, если-бы я могъ его созерцать второй разъ!) я увидѣть свѣтъ, скользящій по морю столь быстро, что никакая птица не могла-бы его догнать.

Отвернувъ немного глаза, чтобъ спросить объ этомъ своего путе-водителя, я увидѣлъ свѣтъ уже болѣе яркимъ и въ болѣшихъ раз-мѣрахъ.

Потомъ съ каждой стороны свѣта появилось что-то бѣлое, изъ котораго видѣлось опять-таки другое бѣлое, подобное первому.

Мой учитель молчалъ до тѣхъ поръ, пока первая бѣлая форма не раскрыла своихъ крыльевъ. Тогда, узнавъ кормчаго,

Онъ воскликнулъ: «скорбій, скорбій преклони колѣна! Вотъ Ангель Божій! Сложи на груди руки; на будущее время ты будешь видѣть только такихъ служителей.

«Посмотри, какъ онъ пренебрегаетъ человѣческими средствами: ему не нужны ни весла, ни паруса, кромѣ своихъ крыльевъ у этихъ береговъ, столь отдаленныхъ отъ всего живого.

«Посмотри, какъ онъ простираетъ ихъ къ Небу, волнуя воздухъ своими вѣчными перьями, не измѣняющимися, подобно волосамъ смерт-ныхъ».

По мѣрѣ того, какъ приближалась къ намъ божественная птица, она становилась свѣтлѣе, и глазъ не могъ уже выносить ея пламени.

Я опустилъ взоръ, между тѣмъ какъ ангель причаливалъ къ берегу столь легкую, воздушную лодку, что она едва лишь чуть-чуть погружалась въ воду.

На носу стоялъ Божественный Кормчій и блаженство озаряло его черты, и болѣе ста духовъ находились въ лодкѣ.

«In exitu Israel de Ægypto» (Когда вышелъ Израиль изъ земли Египетской), пѣли они хоромъ, въ униссонъ, съ важною достойной этого псалма.

Потомъ, когда онъ освѣтилъ ихъ знаменіемъ Священнаго Креста, они вышли изъ лодки на берегъ, а онъ отчалилъ такъ же легко, какъ и причалилъ.

Толпа духовъ, оставленная тамъ, казалось, была незнакома съ этимъ мѣстомъ и осматривала его, какъ человѣкъ, осматривающій новую вещь.

Солнце разливало день во все стороны и своими струями прогоняло Козерогъ съ цѣлой половиной неба.

Прибывшая толпа приподняла чело и сказала: «если знаете, укажите намъ путь, ведущій къ горѣ».

Виргилій отвѣтилъ: «можетъ быть вы думаете, что мы знакомы съ этимъ мѣстомъ, но мы—такіе-же пилигримы, какъ и вы;

«И только что передъ вами пришли сюда, но по другой дорогѣ, столь крутой и трудной, что взойти на гору будетъ для насъ простой забавой!»

Души, замѣтивъ по моему дыханію, что я принадлежу къ числу живущихъ, поблѣднѣлъ отъ удивленія,

И, подобно тому, какъ вокругъ вѣтника, несущаго масляничную вѣтвь, и когда никто не боится тѣноты,

Такъ вокругъ меня столпились эти счастливыя души, забывъ сдѣлать себя красными²⁾.

Я увидѣлъ одну изъ нихъ, приближающуюся ко мнѣ съ такою любовью, чтобы обнять меня, что и я невольно сдѣлалъ то-же самое.

О, тѣни, доступныя лишь зрѣнію! Три раза я обвивалъ ее моими руками, и три раза мои руки падали мнѣ на грудь³⁾.

Удивленіе, я думаю, выразилось на моемъ лицѣ, ибо тѣнь улыбнулась и отошла, а я, слѣдуя за ней, еще приблизился.

Пѣжно она мнѣ сказала, чтобы я остановился; тогда я узналъ кто она и попросилъ ее, чтобы она остановилась, желая поговорить съ нею.

Она мнѣ отвѣчала: «подобно тому, какъ я любилъ тебя подѣ

оболочкой тѣла, такъ я люблю тебя, освобожденный отъ тѣла; поэтому я и останавливаюсь; но ты, зачѣмъ ты идешь сюда?»

«О, мой Казелла ⁴⁾, я совершаю этотъ путь, чтобы возвратиться въ миръ живыхъ, къ которому я еще принадлежу. Но почему ты являешься сюда такъ долго послѣ твоей смерти?»

Онъ мнѣ отвѣчалъ: «ничего несправедливаго не было мнѣ сдѣлано тѣмъ, кто провозитъ насъ какъ и когда ему угодно, хотя нѣсколько разъ онъ отказывалъ мнѣ въ проѣздѣ,

«Ибо справедливая воля управляетъ его волей. Но истинѣ, вотъ три мѣсяца, какъ онъ принимаетъ тѣхъ, кто желаетъ войти съ полнымъ миромъ ⁵⁾».

«Такъ я, находившійся на берегу моря, гдѣ вода Тибра становится грязной, — я былъ принятъ имъ съ доброжелательствомъ,

«Вблизи того устья, гдѣ онъ расправляетъ свои крылья, ибо тамъ собираются всегда тѣ, которые направляются къ Ахерону» ⁶⁾.

Я отвѣчалъ ему: «если новый законъ не отнялъ у тебя память или употребленіе тѣхъ любовныхъ пѣсенъ, которыя успокоивали всѣ мои печали,

«Утѣшь немного мою душу, которая, явившись сюда вмѣстѣ съ тѣломъ, такъ встревожена».

«Любовь, говорящая моему уму» ⁷⁾, — стала онъ пѣть съ такой нѣжностью, что его нѣжный голосъ и теперь еще звучитъ въ моей душѣ.

Мой учитель и я, и тѣни, окружавшія пѣвца, всѣ мы были столь восхищены, что, казалось, никакая другая мысль не могла насъ тронуть.

Мы шли тихо, внимательно прислушиваясь къ этому пѣнію, какъ вдругъ почтенный старецъ воскликнулъ: «что это значить, 'пзгъ-женные духи?»

«Что это за нерадѣніе? Зачѣмъ вы медлите? Бѣгите на гору, чтобы стряхнуть съ себя кору, мѣшающую Богу проникнуть къ вамъ!»

Подобно тому, какъ голуби, соединившись для собиранія зеренъ или плевель, улетаютъ спокойно, не воркуя по своему обыкновенію,

Но если что-либо ихъ испугаетъ, быстро бросаютъ свою пищу, ибо болѣе важная забота овладѣла ими, —

Такъ и эти вновь прибывшія души оставили пѣсню и направились къ берегу, какъ человекъ, не знающій, куда направляеть онъ свои шаги.

И наше бѣгство было не менѣе быстрое.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

1) Т. е. въ противоположную сторону отъ Овна, гдѣ находился Данте, какъ сказано въ первой пѣснѣ «Ада».

2) Т. е. забывъ совершить омовеніе.

3) Подражаніе Виргилію:

*Ter sonatus eram collo dare braccia circum,
Ter frustra compressa manus effugit imago,
Per levibus ventis volucrique simillima somno.*

4) Казелла—извѣстный флорентійскій музыкантъ, другъ Данте, котораго пѣніе поэтъ любилъ слушать.

5) Т. е. принимаетъ всѣхъ тѣхъ, которые воспользовались индульгенціями юбилея, открытаго въ декабрь мѣсяцѣ 1300 года Бонифаціемъ VIII.

6) Портъ Остія, около Рима.

7) *Amor che nella mente mi ragiona* — начало одной изъ лучшихъ канцонъ Данте.

Наконецъ мы подошли къ подножью горы... (стр. 16).

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Данте и Виргилій направляются къ горѣ Чистилища. Достигнувъ подножья горы, они останавливаются, находя, что подъемъ слишкомъ крутъ. Толпа душъ, направляющихся какъ и они къ горѣ, показываетъ имъ дорогу. Одна изъ этихъ душъ—Манфреда, король Пульи и Сицилій, разговариваетъ съ Данте.

Въ то время, какъ этотъ внезапный побѣгъ разсѣивалъ по полямъ эти души, которыя приближались къ горѣ, куда привлекаетъ насъ разумъ ¹⁾,

Я подошелъ къ своему вѣрному товарищу: какъ могъ я безъ него продолжать мое странствованіе? Кто поддержалъ-бы меня до самой вершины горы?

Мнѣ показалось, что онъ не доволенъ самимъ собой. О, совѣсть, чистая и высокая! Какъ самый ничтожный проступокъ становится для тебя горькимъ укусеніемъ!

Когда, наконецъ, онъ умѣрилъ этотъ быстрый ходъ, отымающій у движенія все его благородство, мой духъ, сначала сдавленный,

Направилъ свое вниманіе къ точкѣ, къ которой стремился, и обратилъ мой взоръ къ этой горѣ, вершина которой подымается къ самому высокому небу.

Солнце, которое позади меня горѣло краснымъ цвѣтомъ, было передомно передо мной, потому что мое тѣло было пренятствіемъ его лучамъ.

Я обернулся назадъ, боясь быть оставленнымъ, какъ вдругъ я увидѣлъ, что только передо мною земля была темнѣе.

И мой защитникъ сказалъ мнѣ: «почему эта боязнь? Зачѣмъ тебѣ обращаться назадъ? Развѣ ты думаешь, что я не съ тобой? Развѣ я не твой путеводитель?»

«Вечеръ уже находится тамъ, гдѣ погребено тѣло, которое отбрасывало отъ себя мою тѣнь. Не онъ-ли теперь обладаетъ имъ, отнявъ его у Бриджизы ²⁾?»

«Если теперь никакая тѣнь не распространяется отъ меня, то не удивляйся этому болѣе, чѣмъ зрѣлицу небесъ, ибо лучъ не бросаетъ тѣнь на другой лучъ.

«Божественное могущество дѣлаетъ наши тѣла, подобныя вашимъ, способными чувствовать боль, и холодъ и жаръ; но какъ это дѣлается—оно не открываетъ намъ.

«Безуменъ тотъ, кто надѣется, что нашъ разумъ въ состояніи будетъ проникнуть въ безконечную тайну, которая содержитъ одну сущность въ трехъ лицахъ.

«Родъ человѣческой, удовлетворишься quia ³⁾. Если-бы ты могъ все видѣть, то было-бы лишнимъ, чтобы Марія зачала.

«Ты видѣлъ такихъ, которые желали напрасно, и которые, вмѣсто того, чтобы ихъ желаніе было удовлетворено, мучаются вѣчнымъ незнаніемъ.

«Я говорю объ Аристотелѣ, Платонѣ и многихъ другихъ». Сказавъ это, онъ опустилъ чело, замолчалъ и, казалось, былъ взволнованъ ⁴⁾.

Наконецъ мы подошли къ подошью горы. Тамъ мы находимъ такія крутыя скалы, что самыя сильныя ноги оказались-бы намъ бесполезны.

Самая пустынная, самая дикая дорога между Леричи и Турбіей ⁵⁾, въ сравненіи съ этою, кажется широкою и удобною лѣстницею.

«Теперь кто знаетъ, съ какой стороны спускается тропинка, сказать учитель, останавливаясь, — по которой могъ-бы пойти тотъ, у кого нѣтъ крыльевъ?»

И въ то время, какъ онъ съ опущенной головою думалъ о дорогѣ, и въ то время, какъ я смотрѣлъ вверхъ на скалы,

На лѣвой сторонѣ я замѣтилъ толпу душъ, направившихся по направленію къ намъ, и, однако, казалось, что онѣ не шли — такъ медленно онѣ подвигались.

«Подними глаза, — сказалъ я учителю, — вотъ съ этой стороны намъ дадутъ совѣтъ, если ты не можешь получить его отъ самого себя».

Тогда онъ посмотрѣлъ на меня и отвѣчалъ мнѣ болѣе спокойнымъ тономъ: «пойдемъ въ ихъ сторону, ибо онѣ идутъ медленно; будь въ доброй надеждѣ, мой дорогой сынъ!»

Эта толпа была еще далеко, и я долженъ сказать, что и послѣ тысячи шаговъ, которые мы сдѣлали, между нею и нами оставалось еще такое разстояніе, которое хорошій пращникъ прошелъ-бы однимъ взмахомъ,

Какъ вдругъ всѣ онѣ подошли къ крутой скалѣ и остановились, какъ человѣкъ, который, не увѣренный въ пути, смотритъ и останавливается.

«О, имѣвшіе добрый конецъ, души уже избранныя, — воскликнулъ Виргилій, — ради того сладостнаго мира, который, какъ я думаю, ожидается всѣми вами,

«Скажите намъ, съ какой стороны гора понижается, чтобы мы

Скорѣй, скорѣй преклони колѣна! Вотъ Ангель Божій...
(Чистилище, Пѣснь II, стр. 10).

могли взойти на нее, ибо потеря времени чувствуется болѣе тѣмъ, кто знаетъ ему дѣлу».

Подобно тому, какъ барашки выходятъ изъ своей ограды по одному, по два, по три, а другіе останавливаются боязливо, опуская къ землѣ глаза и мордочки,

И чтѣ дѣлаетъ первый, то дѣлаютъ остальные, влѣзая ему на спину, если онъ останавливается, простые и мирные, не зная почему они такъ дѣлаютъ,—

Такъ и я увидѣлъ, какъ направила къ намъ первая душа этой счастливой толпы, съ цѣломудреннымъ лицомъ и скромной походкой.

Когда онъ увидѣли, что по правую мою сторону и влѣдствіе моего тѣла свѣтъ былъ остановленъ на землѣ, такъ что образовалась отъ меня тѣнь на скалѣ,

Онъ остановились, потомъ на нѣсколько шаговъ отступили; и всѣ остальные, шедшія за ними, не зная почему, сдѣлали то-же самое.

«Безъ вашего вопроса, я признаюсь вамъ, что вы имѣете передъ собой человѣческое тѣло; вотъ почему солнечный свѣтъ такъ прервавъ на землѣ.

«Не удивляйтесь, но вѣрьте, что не безъ позволенія, сошедшаго съ неба, онъ старается переступить черезъ это препятствіе».

Такъ говорилъ учитель. Тогда эти достойныя тѣни сказали: «въ такомъ случаѣ поверните и идите прямо»,—и всѣ дѣлали намъ знакъ жестомъ руки.

И одна изъ этихъ душъ сказала: «кто-бы ты ни былъ, подвигаясь такъ, обрати на меня свои взоры и поищи въ своей памяти, не видѣлъ-ли ты меня когда-нибудь».

Я обернулся къ нему и посмотрѣлъ на него внимательно; онъ былъ бѣлокуръ и красивъ, и пріятной виѣшности; но рубецъ раздѣлялъ на двѣ одну изъ его бровей.

Когда я скромно извинился въ томъ, что никогда его не ви-

дѣль, онъ сказалъ мнѣ: «ну, такъ посмотри!» и показалъ мнѣ рану въ верху груди.

Потомъ продолжалъ, улыбаясь: «я — Манфреди ⁶⁾, внукъ императрицы Констанціи. Умолию тебя, когда ты вернешься на землю,

«Посѣти мою прекрасную дочь, эту мать чести Сициліи и Арагоніи ⁷⁾, и скажи ей истину, если она слышитъ противное.

«Когда мое тѣло было пронзено двумя смертельными ударами ⁸⁾, я, рыдая, поручилъ себя тому, кто охотно прощаетъ.

«Моя грѣхи были ужасны, но безконечная Доброта имѣетъ столь длинныя руки, что беретъ всѣхъ тѣхъ, кто обращается къ ней.

«Если бы пастырь Козенцы, который былъ посланъ Климентомъ на поиски мопхъ костей ⁹⁾, умѣлъ видѣть въ Богѣ лицо его милосердія,

«Мои кости и теперь еще пахнулись-бы во главѣ моста, около Бекевента, подъ стражей тяжелыхъ камней.

«Но теперь дождь смачиваетъ ихъ, вѣтеръ шевелитъ ихъ, вѣгъ королевства, почти на берегу Верде, гдѣ онѣ были брошены подъ проклятіемъ потушенныхъ факеловъ.

«Но ихъ проклятіемъ божественная любовь не такъ еще изгнана, чтобы она не могла возвратиться, пока надежда зеленѣетъ и цвѣтетъ.

«Правда, что тотъ, кто умираетъ обвиненный святою церковью, хотя подъ конецъ онъ и раскаивается, долженъ оставаться внѣ этого берега

«Тридцать разъ столько времени, сколько онъ оставался въ своемъ упорствѣ, если только этотъ приговоръ не будетъ сокращенъ добрыми молитвами.

«И такъ, ты видишь, какую радость ты мнѣ можешь оказать, сообщивъ моей доброй Констанціи, какъ ты меня видѣлъ, и какое запрещеніе меня удерживаетъ,

«Ибо молитвы тамъ во многомъ облегчаютъ намъ пребываніе здѣсь».

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹⁾ Къ горѣ Чистилища.

²⁾ Бриндизи, гдѣ умеръ Virgilij. По собственному его желанію, выраженному передъ смертію, прахъ римскаго поэта былъ перевезенъ въ Неаполь и тамъ похороненъ. Около старой гроты Позолина (къ юго-западу отъ Неаполя) находится древній римскій колумбарій, который считается гробницей Virgilija. Въ дѣйствительности невозможно утверждать, что именно въ этомъ мѣстѣ былъ похороненъ великій поэтъ, написавшій въ Неаполь, какъ извѣстно, «Георгики» и «Энеиду», но несомнѣнно, что въ некоторое время онъ жилъ въ виллѣ на Позилинѣ и былъ похороненъ по близости. (Virgilij умеръ 21 сентября 19 года до Р. Хр.). По мѣстному преданію, Петрарка посѣтилъ эту гробницу вмѣстѣ съ королемъ Робертомъ и посадилъ на ней лавръ. Утверждаютъ, что гробница существовала еще въ 1326 году, значить еще при жизни Данте, и на ней находилась тогда знаменитая надпись:

Mantua me genuit, Calabri rapuere, tenet nunc
Parthenope: cecini pascua, rura, duces.

Теперь ничего этого не существуетъ, но въ 1554 году была сдѣлана слѣдующая надпись:

Quid cineres? tumuli haec vestigia: conditur olim
Iste hic qui cecinit pascua, rura, duces.

³⁾ «State contenti, umana gente, al *quia*». Придерживаясь итальянскаго текста, мы оставляемъ всѣ подобныя латинскіе термины схоластики.

⁴⁾ Самъ Virgilij принадлежалъ къ числу этихъ избранныхъ людей. Онъ,

подобно явь, находится въ предверіи «Ада», какъ это мы видѣли въ четвертой пѣснѣ «Ада». Вотъ почему онъ останавливается взволнованный.

⁵⁾ *Леричи* (прежній *Ercis Partus, Castrum Iicis*) — небольшой городокъ въ генуэзской провинціи, въ 8 километрахъ отъ Специи, съ небольшимъ портомъ на западной сторонѣ залива. *Турбіа* — французская деревня въ департаментѣ Морскихъ Альпъ, въ 18 километрахъ отъ Ниццы, въ настоящее время станція желѣзной дороги, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Монако.

⁶⁾ *Manfredi*, или, по-французски, *Mainfroy*, король Пульи и Сицилій, внукъ императрицы Констанціи, о которой Данте упоминаетъ также и въ «Райѣ», пѣснь III).

⁷⁾ Дочь Манфреда также называлась Констанціей. Данте говоритъ: «*genetrice dell'onor di Sicilia, e d'Aragona*» (мать чести Сицилій и Арагоніи), потому что Констанція, жена доня Пьетро имѣла двухъ сыновей, Фредерика, короля Сициліи, и доня Якова, который по смерти отца сдѣлался королемъ Арагоніи.

⁸⁾ Манфреда былъ убитъ въ сраженіи при Черперано (объ этомъ Данте упоминаетъ также и XXVIII пѣснѣ «Ада»). Здѣсь Манфреда говоритъ, что его грѣхи были ужасны, потому что его обвиняли въ томъ, что онъ умертвилъ своего отца Фредерика, своего брата Конрадина и, кромѣ того, Ломбарды утверждаютъ, что онъ велъ «эпикурейскую жизнь».

⁹⁾ Пастырь Козенцы, т. е. епископъ этого города (въ Калабріи). Онъ былъ отправленъ папой Климентом IV извлечь изъ земли тѣло Манфреда, отлученнаго отъ церкви за его преступленія и ересь. Епископъ приказалъ перенести его тѣло, которое было погребено близъ Беневентскаго моста, въ Верде, по соседству Асколи. «Проклятіе потушенныхъ факеловъ» — это особеннаго рода церемонія. Когда папа отлучалъ отъ церкви, онъ быстрымъ движеніемъ переворачивалъ внизъ свѣчу, такъ что она потухала.

Не отступай; продолжай идти до верхушки горы... (стр. 22).

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

По узкой и крутой тропинкѣ Данте, поддерживаемый Виргилиемъ, вступаетъ на площадку скалы. Тамъ онъ находитъ лѣннцевъ, или тѣхъ, которые казались только передъ самою смертью. Въ преддверьи Чистилища они остаются столько времени, сколько они прожили. Между ними Данте узнаетъ Белаку — музыканта.

Когда влѣдствіе радости или страданія, которыми поражена какая-нибудь изъ нашихъ способностей душа сосредоточивается въ самой себѣ,

То оказывается, что она не обращаетъ вниманія ни на какую другую способность, — истина, обнаруживающая заблужденіе тѣхъ, которые думаютъ, что въ насъ душа рождается и развивается на другой душѣ ¹⁾.

По этой причинѣ, когда слышишь или видишь нѣчто, сильно поглощающее душу, направленную къ этому предмету, — время проходить и человекъ не замѣчаетъ этого;

Ибо одна есть слушающая способность, другая — способность, охватившая всю душу; одна какъ-бы связана, другая — свободна.

Въ этомъ я могъ убѣдиться на опытѣ, слушая этотъ духъ и восхищаясь имъ; солнце прошло уже пятьдесятъ градусовъ ²⁾,

А я этого совѣтъ и не замѣтилъ, когда мы подошли къ мѣсту, гдѣ эти души крикнули намъ: «здесь предметъ вашихъ желаній».

Обитатель виллы ³⁾, въ то время, когда виноградъ окрашивается въ темный цвѣтъ, заграждаетъ связкой терновника дорожку часто гораздо болѣе широкую,

Чѣмъ была дорожка, по которой мой учитель и я стали восходить, когда толпа душъ отдѣлилась отъ насъ.

Достигаешь Сангъ-Лео, спускаешься къ Юли, восходишь съ помощью ногъ до самой верхушки Бисмантуи ⁴⁾, но здѣсь нужно летать,

Говорю я, съ помощью легкихъ крыльевъ и перьевъ всякаго желанія, позади того, кто, веди меня, давалъ мнѣ надежду и освѣщалъ мой путь.

Мы шли между двухъ крутыхъ скалъ; съ каждой стороны ихъ стѣны тѣснили насъ, и земля, по которой мы шли, заставляла насъ прибѣгать къ помощи рукъ и ногъ ⁵⁾;

Когда мы достигли верхняго берега и открытой поляны, я сказалъ: «учитель, какую дорогу мы выберемъ?»

Онъ отвѣтилъ мнѣ: «не отступай; продолжай идти за мной до верхушки горы, пока мы не встрѣтимъ кого-нибудь кто-бы могъ руководить нами».

Верхушка такъ высока, что взглядъ не достигалъ до нея, а косогоръ болѣе величественъ чѣмъ линия, проведенная отъ середины квадранта къ центру ⁶⁾.

Я уже былъ утомленъ, когда сказалъ: «о, дорогой отецъ! Обернись и обрати вниманіе на то, что я останусь одинъ, если ты не остановишься».

«Слынь мой, дотащись до этого мѣста», — сказалъ онъ, указы-

вая мнѣ на возвышенность, которая съ этой стороны окружала гору.

Эти слова подстрекнули меня такъ сильно, что я сдѣлалъ усиліе идти за нимъ, ползая до тѣхъ поръ, пока эта возвышенность не осталась у моихъ ногъ.

Тамъ мы оба сѣли, обращенные къ востоку, откуда мы шли, ибо пріятно посмотрѣть на пройденный путь.

Сначала я направилъ мой взоръ на нижнюю часть, потомъ поднялъ его къ солнцу и удивлялся тому, что его лучи ударяютъ насъ съ лѣвой стороны. 7).

Поэтъ замѣтилъ, какъ я былъ пораженъ, смотря на колесницу свѣта, бывшую между нами и Аквиліономъ;

Почему онъ сказалъ мнѣ: «если-бы Касторъ и Поллуксъ 8) сопровождали это зеркало, бросающее свой блескъ и вверхъ и внизъ,

Мы-бы увидѣли краснѣющій зодіакъ поворачивающимся еще ближе къ Медвѣдицамъ, въ особенноти, если-бы онъ не сходилъ съ своего обычнаго пути.

«И если ты хочешь понять, какъ это случилось, то погрузись въ себя и представь себѣ, что гора Сіонъ и эта гора находятся на землѣ,

«Такъ что у обѣихъ — одинъ и тотъ-же горизонтъ, но два различныхъ полушарія; ты увидишь, что путь, по которому такъ неудачно проѣхала колесница Фаэтона

«По необходимости, проходить въ одномъ полушаріи по одной сторонѣ горы, а въ другомъ полушаріи — по другой сторонѣ, если только твой умъ внимательно разсмотритъ вещи.»

«Конечно, учитель, отвѣчалъ я, никогда еще я не видѣлъ такъ ясно, какъ вижу въ настоящую минуту, когда мой умъ, казалось, измѣнилъ мнѣ.

«Ибо полукругъ высшаго движенія, называемый экваторомъ, въ извѣстномъ искусствѣ, и остающийся всегда между солнцемъ и землею,

«По причинамъ, которыя ты мнѣ объяснилъ, удаляется отъ этой

горы къ сѣверу, когда евреи видѣли этотъ-же самый полукругъ около жаркихъ странъ.

«Но если ты позволишь, я-бы желать узнать, сколько времени намъ приходится еще идти, ибо эта гора подымается выше, чѣмъ могутъ подняться мои взоры».

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «эта гора такова, что вначалѣ въ особенности трудно по ней восходить, но чѣмъ далѣе подвигаешься, тѣмъ меньше она утомляетъ».

«Поэтому, когда путь покажется тебѣ такъ-же пріятенъ, и ты будешь восходить по горѣ такъ-же легко, какъ намъ пріятенъ на склонѣ воды ходъ лодки,

«Когда ты будешь находиться въ концѣ этой дорожки — тамъ только ты отдохнешь. Ничего другого не прибавляю, потому что то, что я сказалъ, считаю истиннымъ».

Въ то время, какъ онъ оканчивалъ эти слова, нѣкій голосъ раздался около насъ: «можетъ быть, ты будешь принужденъ присѣсть и раньше».

При звукѣ этого голоса, каждый изъ насъ обернулся и мы увидѣли на лѣвой сторонѣ большой камень, который мы не замѣтили, ни онъ, ни я.

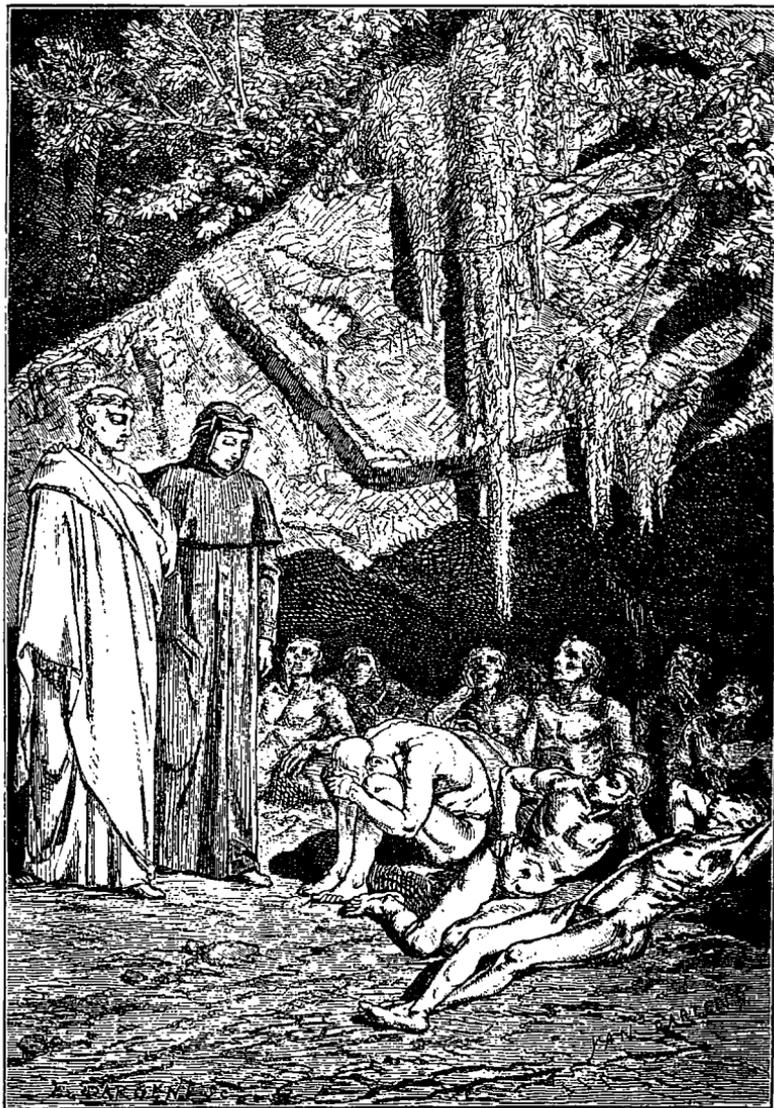
Мы подошли къ нему и увидѣли многія души, сидѣвшія въ тѣни скалы, какъ люди, усѣвшіеся изъ тѣнноти.

Одна изъ нихъ, казавшаяся усталой, сидя между другими душами, охватила руками колѣна и наклонила къ нимъ свое лицо ⁹⁾.

«О, дорогой учитель, — сказалъ я, — посмотри на этого, который кажется болѣе лѣтнимъ, чѣмъ сели-бы лѣтноть была его родной сестрой».

Тогда эта душа обернулась къ намъ, направляя взглядъ изъ-подъ лядвей, и сказала: «ну, такъ поднимайся на верхъ, если ты такой смѣльчакъ!»

Тогда я узналъ, кто такой былъ этотъ духъ, и усталость, которая еще учащала мое дыханіе, не помѣшала мнѣ подойти къ нему. И когда

Одна изъ нихъ, казавшаяся усталой, сидя между другими душами, охватила руками колѣна и наклонила къ нимъ свое лицо.
(Чистилище, Пѣснь IV, стр. 24).

Я приблизился къ нему, онъ чуть-чуть приподнял голову, говоря: «хорошо-ли ты понимаешь, почему солнце направляетъ свою колесницу со стороны твоего лѣваго плеча?»

Его дѣйствительныя и отрывочныя слова заставили меня улыбнуться. Потомъ я началъ: «Белакка, теперь я уже не жалѣю тебя ⁴⁰);

«Но скажи мнѣ, почему ты пріеѣлъ на этомъ мѣстѣ? Ждешь-ли ты путевода, или ты подчинился своимъ прежнимъ привычкамъ?»

Тогда онъ сказалъ: «о, братъ! Зачѣмъ подыматься на верхъ, если Божья птица на стражѣ у дверей мѣста искупленія не позволитъ мнѣ войти туда?»

«Прежде всего необходимо, чтобы Небо удержало меня вѣкъ этого мѣста столько времени, сколько я прожилъ, потому что я отложилъ до самаго конца добрыя вѣдѣнія.

«Если только не придетъ мнѣ на помощь молитва, восходящая отъ сердца, живущаго въ благодати,—зачѣмъ мнѣ другая молитва, которая не будетъ услышана Небомъ?»

Но уже поэтъ воеходилъ впереди меня, говоря: «слѣдуй за мною; ты видишь, что солнце касается меридіана, а ночь

«Покрывается уже своей ногой Маррокко» ⁴¹).

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

¹⁾ Ломбарди полагаютъ, что Данте указываетъ въ этомъ мѣстѣ на софистовъ, о которыхъ восьмой соборъ (Cont. XI) сказалъ: «Apparet quosdam in tantum impietatis venisse, ut hominem duas animas habere impudenter dogmatizent».

²⁾ Солнце пробѣгаетъ 15 градусовъ въ часъ; слѣдовательно съ восхода прошло 3 часа 20 минутъ.

³⁾ L'uom della villa—обитатель или человекъ виллы; это выраженіе Данте употребляетъ здѣсь вмѣсто работника, который присматриваетъ за винограднымъ садомъ виллы.

⁴⁾ Санъ-Лео—городъ въ герцогствѣ Урбинскомъ; Ноли—городъ и портъ между Финалемъ и Савоне. Бисмантуа—большая гора, около Реджии, въ Ломбардіи.

⁵⁾ «Это показываетъ, — замѣчаетъ Гранжье, — какъ трудно восходить на гору Чистилица, ибо, восходя, необходимо было употребить въ дѣло какъ ноги, которыя олицетворяютъ здѣсь волю, такъ и руки, олицетворяющія добрые поступки».

⁶⁾ Образъ этотъ заимствованъ изъ области геометріи. Въ текстѣ сказано:

La somno era alto, che vincea la vista
E la costa superba piu assai
Che da mezzo quadrante a centro lista.

По мнѣнію Арто де-Монтора, эти стихи становятся понятны благодаря слѣдующей геометрической постройкѣ: съ одного конца горизонтальной линіи проведите перпендикуляръ такой-же величины, какъ и горизонтальная линія. Взявъ за центръ точку пересѣченія этихъ двухъ линій, радиусомъ одной изъ нихъ опишите дугу, которая-бы касалась конца обѣихъ линій: это и называетъ Данте квадрантомъ, т. е. четвертой частью круга. Затѣмъ, изъ центра проведите линію, которая-бы раздѣляла дугу на двѣ равныя части, что Данте называетъ lista da mezzo quadrante al centro. (Линія отъ середины квадранта къ центру). Но такъ какъ наклонъ этой линіи не достаточенъ для того, чтобы объяснить высоту горы, которая, по словамъ поэта, superba piu assai, то проведите отъ центра квадранта другую линію, которая-бы piu assai приближалась къ перпендикулярю; эта линія и укажетъ на наклонъ горы—наклонъ, который, будучи болѣе 45°, приближается болѣе, чѣмъ первая линія, къ 90°, т. е. къ перпендикулярю. — Это доказываетъ, что Данте былъ хорошимъ геометромъ.

⁷⁾ Данте удивляется тому, что, стоя лицомъ къ востоку, видитъ солнце по лѣвую руку, потому что въ Европѣ человекъ, въ тотъ-же часъ и въ

ту-же пору года, обращенный къ востоку, видитъ солнце по правую руку. Это означаетъ, что въ эту минуту Данте находится на другомъ полушаріи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь поэтъ подражаетъ Лукрецію (кн. III).

Ignotum vobis, Arabes, vinistis in orbem,
Umbras mirati nemorum non ire sinistras.

⁸⁾ Астрономическое объясненіе положенія, въ которомъ находились оба поэта по отношеніи къ солнцу. Необходимо помнить, что они находились тогда на другомъ полушаріи.

⁹⁾ «Abscondit piger manus suas sub ascellas suas, et laborat si eas ad os convertit».
(Саломонъ).

¹⁰⁾ Извѣстный въ свое время гитаристъ.

¹¹⁾ Поэтъ хочетъ сказать, что въ эту минуту на горѣ Чистилища былъ полдень, полночь на Сіонѣ и разсвѣтъ въ Мавританіи. Въ «Метаморфозахъ» Овидія солнце слѣдующее говоритъ Фалгону:

Dum loquor, hesperio positas in littore metas
Humida nox tetigit.

И двѣ изъ нихъ, какъ бы вѣстники, побѣжали намъ на встрѣчу и сказали...
(стр. 29).

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Достигнувъ болѣе высокаго мѣста, поэтъ встрѣчаетъ тѣхъ, которые, кончивъ жизнь насильственной смертью, изгнѣли, однако, время покаяться и примириться съ Богомъ. Многіе изъ нихъ рассказываютъ поэту свою трагическую смерть, между прочимъ, Яконо дель-Кассеро и Буонконте-Па.

Я уже покинулъ эти души и шелъ по слѣдамъ моего путевода, когда вдругъ, позади меня и показывая на меня пальцемъ,

Одна изъ нихъ воскликнула: «посмотри! кажется, что солнечный лучъ не блеститъ по лѣвой сторонѣ того, который идетъ послѣднимъ; онъ движется точно живой».

Я обернулся при звукѣ этихъ словъ и увидѣлъ эти души, съ удивленіемъ смотрѣвшія на меня и на нечезнувшій свѣтъ по лѣвой сторонѣ моего тѣла.

«Зачѣмъ тебѣ затруднять свой умъ, — сказали учитель, — зачѣмъ замедлять путь и какое тебѣ дѣло до того, что здѣсь говорятъ?»

«Слѣдуй за мною и пусть себѣ говорятъ что хотятъ эти люди.
Будь подобенъ солидной башнѣ, которой вершина никогда не па-
даетъ отъ дуновенія вѣтра,

«Шбо всегда человекъ, въ которомъ мысль слѣдуетъ за мыслью,
отдаляетъ отъ себя цѣль, ибо порывъ одной ослабляетъ другую» ¹⁾).

Что могъ я отвѣтить, кромѣ: «иду?». Такъ я и отвѣтилъ, и
мое лицо покрывлось нѣсколько той краснотой, которая иногда
дѣлаетъ человека достойнымъ прощенья.

Однако, многія души подвигались по дорогѣ и пѣли Мизерере
стихъ въ стихъ.

Когда онѣ замѣтили, что влѣдствіе моего тѣла я не пропускалъ
лучей, онѣ переменяли свое пѣніе на длинное и сильное *O* ²⁾).

И двѣ изъ нихъ, какъ бы вѣстники, побѣжали намъ на встрѣчу
и сказали: «скажите, кто вы?»

Мой учитель сказалъ: «вы можете возвратиться и сказать тѣмъ,
кто васъ послалъ, что тѣло вотъ этого человека есть настоящее тѣло.

«Если онѣ остановились, чтобы посмотрѣть на его тѣнъ, какъ
я думаю, то имъ въ достаточной степени было отвѣчено; пусть онѣ
почтять его, ибо онъ можетъ быть имъ полезенъ».

Никогда еще не видѣлъ я, при началѣ ночи, воспламененные
пары поднимающимися въ чистомъ воздухѣ, или солнцемъ разсѣваю-
щими тучи августа такъ быстро,

Какъ эти души, еще быстрѣе возвратившіяся откуда пришли; но
придя туда, онѣ возвратились къ намъ съ другими, какъ отрядъ
войска, летящій во весь опоръ.

«Эти люди, окружающіе насъ, — очень многочисленны, — сказали
поэтъ, — они приходятъ къ тебѣ съ просьбами; однако ты продолжай
свой путь, но идя выслушивай ихъ».

«*O*, душа, идущая, чтобы быть счастливой, съ тѣми-же ко-
нечностями, съ которыми ты родилась, — восклицали они, — умѣрь
немного твои шаги.

«Посмотри, не выдаль-ли ты кого-нибудь изъ насъ, о которомъ ты могъ-бы принести вѣсти на землю. Но зачѣмъ ты продолжаешь идти? Отчего не хочешь остановиться?»

«Всѣ мы покончили жизнь насильственной смертью, и всѣ мы были грѣшники до послѣдняго часа нашей жизни; и только тогда свѣтъ неба озарилъ насъ,

«Такъ что кающіеся и получившіе прощенье мы вышли изъ жизни въ миръ съ Богомъ, который теперь подстрекаетъ насъ желаніемъ видѣть его».

Я отвѣчалъ: «почему въ вашихъ измѣненныхъ чертахъ не узнаю я никого изъ васъ? Но если вы хотите, чтобы я что-либо для васъ сдѣлалъ, духи рожденные для счастья,

«Скажите мнѣ, и я это сдѣлаю во имя того мира, который увлекаетъ меня за этимъ путеводителемъ и заставляеть меня искать его изъ одного міра въ другой».

И одна изъ этихъ душъ начала: «каждый изъ насъ довѣряется твоему благорасположенію, безъ всякой клятвы, которая-бы связывала тебя, лишь бы безсилье не уничтожило твою волю.

«И я, который говоритъ прежде всѣхъ другихъ, прошу тебя, если когда-либо ты увидишь страну, лежащую между Романіей и королевствомъ Карла³⁾,

«Надѣли меня своими молитвами въ Фано, чтобы тамъ молили Бога обо мнѣ и чтобы я могъ очиститься отъ моихъ столь тяжелыхъ грѣховъ.

«Я родился въ этомъ городѣ, но тяжелыя раны, изъ которыхъ лилась кровь, оживлявшая меня, я получилъ въ странѣ Антеноридовъ,

«Тамъ, гдѣ я считалъ себя въ безопасности. Д'Эсте приказалъ сдѣлать это—онъ, который ненавидѣлъ меня больше, чѣмъ того требовала справедливость.

«Но еслибъ я убѣжалъ въ Мирю, въ то время, какъ я былъ достигнуть въ Ориако, я былъ-бы еще тамъ, гдѣ дышать;

«Но я бѣжалъ въ болотистое мѣсто, гдѣ камышъ и грязь такъ окутали меня, что я упалъ, и тамъ я увидѣлъ озеро моей крови, растлавшееся на землѣ».

Потомъ другая душа мнѣ сказала: «если когда-либо исполнится желаніе, увлекающее тебя къ высокой горѣ, удостой, съ нѣжной жалостью, помощи моему.

«Я—изъ Монтефельтро и звали меня Буонконтѣ⁴⁾; ни Джіованна, ни другіе не заботятся обо мнѣ; вотъ почему я иду вмѣстѣ съ этими душами съ поникнутымъ челомъ».

Я ему сказалъ: «какая сила или какое несчастіе выхватило тебя такъ далеко отъ Кампальдино, что тамъ никто не зналъ твоей могилы?»

«О, отвѣчалъ онъ, у подножья Казентино протекаетъ рѣка, по названію Арчіано, истекающая изъ Аппенинъ, подъ Эремо⁵⁾.

«Туда, гдѣ ея имя теряется, я пришелъ съ пронзеннымъ горломъ, влачась пѣшкомъ и обагривъ кровью землю.

Тамъ я потерялъ зрѣніе и мои слова замерли на словѣ Марія; тамъ я упалъ и отъ меня осталось только мертвое тѣло.

«Я тебѣ скажу правду и ты ее перескажешь среди живущихъ. Ангелъ Божій взялъ меня, а тотъ изъ ада кричалъ: «о, ты, изъ Неба, зачѣмъ ты у меня его отнимаешь?»

«Ты уносишь вѣчную часть его за одну маленькую слезу, которая его отнимаетъ у меня, но я обращаюсь иначе съ другой его частью»⁶⁾.

«Ты знаешь, какъ сгущается въ воздухѣ этотъ влажный паръ, который становится водою, какъ только онъ поднимается туда, гдѣ его охватываетъ холодъ;

«Присоединяя умъ къ той злой волѣ, которая всегда желаетъ зла, злой духъ расшевелилъ дымъ и вѣтеръ, съ помощью силы, свойственной его природѣ⁷⁾.

«Потомъ, какъ только день потухъ, онъ покрылъ тучами долину

отъ Прато-Магно ⁸⁾ до верхушки Аппенина, и такъ покрывъ небо,
«Что густой воздухъ превратился въ воду; сталъ идти дождь и
овраги впитали въ себѣ то, чего земля не могла поглотить;

«Потомъ, следуя привычкѣ большихъ водъ, вода низверглась
въ царскую рѣку съ такой быстротой, что ничто не могло ее
удержать.

«Въшедши Арциано нашель мое похолодѣвшее тѣло на своемъ
берегу и унесъ его въ Арно, раздѣлавъ на моей груди крестъ,

«Который я сдѣлалъ изъ моихъ рукъ, когда подавило меня
страданіе. Рѣка бросала меня на свои берега, на дно; потомъ по-
крыла свою жертву пескомъ».

«О, когда ты возвратишься въ міръ и отдохнешь отъ долгаго
пути, — продолжалъ третій духъ послѣ второго,

«Вспомни обо мнѣ: я — Пиа. Сиенна создала меня, Маремма
меня уничтожила. Это знаетъ очень хорошо тотъ, который не за-
долго передъ тѣмъ,

«Женясь на мнѣ, надѣлъ на мой палецъ свое кольцо» ⁹⁾).

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

1) *Pluribus intentus minor est ad singula sensus.*

2) *Mutar lor canto in un O lungo e roco.*

3) Анконская Мархія, находившаяся между Романіей и королевством Неаполитанскимъ, управляемымъ тогда Карломъ II, изъ Анжуйскаго дома. Фано — городъ Анконской Мархіи. Городъ, построенный Антеноромъ, есть Павія. Говорящая тѣнь — Якопо дель-Кассеро, дворянинъ изъ Фано. Онъ часто оскорблялъ Аццона III д'Эсте, который приказалъ умертвить его въ Ориаго, близъ Падуи. Дель-Кассеро говоритъ, что когда на него пали разбойники, посланные убить его, онъ-бы могъ спасти свою жизнь, если-бы бѣжалъ въ Миру, городокъ около Бренцы, но онъ искалъ спасенія въ бо-лотахъ, гдѣ и былъ умерщвленъ.

4) Буонконте — сынъ Гвидо Монтефельтро, о которомъ была рѣчь въ XXVII пѣснѣ «Ада». Джіованна была жена Буонконте. Гвельфы и гиббеллины готовились къ битвѣ при Камнальдино (около Казентино), когда Гульельмо, епископъ Аренцо, отиравилъ Буонконте слѣдить за движеніями гвельфовъ, войско которыхъ почти все состояло изъ флорентинцевъ, подъ начальствомъ Корсо Донати. Буонконте, возвратившись, совѣтовалъ Гульельмо не нападать на непріятели; но епископъ, полагаясь на свою силу, рѣшился сражаться и былъ убитъ въ этомъ сраженіи вмѣстѣ съ Буонконте.

5) Монастырь Камалдуловъ.

6) Это мѣсто напоминаетъ разсказъ Гвидо въ XXVII пѣснѣ «Ада».

7) «Несомѣнно, что въ теологіи демоны имѣютъ силу вызывать дождь, градъ, снѣгъ и подобныя вещи, какъ это доказываетъ св. Августинъ въ восьмой главѣ своего «Града Господня»: *omnis transformatio corporalium rerum quoc fieri potest per aliquam virtutem naturalem, per doemonem fieri potest* (Граджье).

8) Прато-Магно нынѣ зовется Прато-Веккіо — это мостъ, отдѣляющій Вальдарно отъ Казентино. Данте придумываетъ здѣсь все это предположеніе, потому что оказалось невозможнымъ отыскать на полѣ сраженія тѣло Буонконте.

9) Ша дея Толомеи, жена Нелло делла-Пьетра. Таинственный мракъ окружаетъ трагическую исторію Пин, подобно загадочному разсказу, влагаемому поэтомъ въ ея уста. Полагаютъ, что, измѣнивъ своему мужу, или-же будучи несправедливо обвиненной въ измѣнѣ, она была отведена мужемъ въ Мареммы, гдѣ и умерла, вслѣдствіе злокачественныхъ испареній, отъ маларіи. По мнѣнію другихъ, мужъ, въ припадкѣ бѣшенства, выбросилъ ее изъ окна.

Таковъ былъ и я среди этой густой толпы, повертывалъ лицо то сюда, то туда, и освободился отъ нихъ своими общаніями.

Тамъ былъ Аретинъ ²⁾, отъ жестокой руки Гино ди Такко получившій смерть, и тотъ, другой, который утонулъ охотясь ³⁾.

Тамъ, съ приподнятыми руками молилъ Федерико Повелло ⁴⁾, и тотъ лизанецъ ⁵⁾, который обнаружилъ величіе души добраго Марзукко.

Я увидѣлъ графа Орсо ⁶⁾ и ту душу, отдѣленную отъ своего тѣла ненавистью и завистью, какъ она сама говорила, а не за содѣланныя преступленія, —

Я говорю о Пьеръ-де-ла-Броссъ ⁷⁾, а потому пусть Донна Брабантская остерегается, чтобы со временемъ не попасть въ толпу печали.

Когда я освободился отъ этихъ тѣней, которыя молили о томъ, чтобы другіе молились за нихъ, желая ускорить минуту, когда они будутъ святыми,

Я началъ: «кажется, ты открыто отрицаешь, о, свѣтъ мой! въ одномъ изъ твоихъ текстовъ, что молитва смягчаетъ приговоры Неба ⁸⁾,

«И, однако, эти души именно за этимъ ко мнѣ обращаются; неужелъ же ихъ надежда обманчива? Или, можетъ быть, я не вѣрно понялъ твои слова?»

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «то, что я написалъ, очень ясно, и ихъ надежда не обманываетъ ихъ, если разсмотрѣть дѣло здраво:

«Ибо вершина суда не понижается, оттого что пламя любви исполняетъ въ мгновеніе то, что должны были бы исполнить тѣ только, которые находятся здѣсь.

«И тамъ, гдѣ я устанавливаю этотъ пунктъ, грѣхъ не могъ быть искупленъ молитвой, потому что эта молитва была отдѣлена отъ Бога.

«А потому не останавливайся на этомъ глубокомъ предчувствіи и по-

дожди, не подтвердить ли тебѣ этого Та, которая будетъ свѣтомъ между истиной и твоимъ разумомъ.

«Не знаю, понимаешь-ли ты меня: я говорю о Беатриче; ты увидишь ее на вершинѣ этой горы, радостную и счастливую».

Я сказалъ ему: «мой добрый путеводитель, пойдемъ поскорѣе, теперь уже я не утомляюсь такъ, какъ утомлялся прежде; и посмотри, какую тѣнь бросаетъ теперь гора».

«Весь этотъ день мы будемъ идти, отвѣчалъ онъ, — и пройдемъ, сколько будемъ въ состояніи, но фактъ не имѣетъ той формы, которую ты себѣ воображаешь».

«Прежде чѣмъ ты будешь на верху, ты увидишь возвращающагося того, который уже скрывается за горой, такъ что ты не можешь прекратить его лучи».

«Но посмотри на эту неподвижную душу, которая, стоя одна, поодаль, смотритъ на насъ: она укажетъ намъ ближайшій путь».

Мы подошли къ ней. О, ломбардская душа! Какъ ты казалась гордой и презрительной! Какъ движеніе твоихъ глазъ было серьезно и благородно!

Она ничего не говорила, но смотрѣла на насъ, точно отдыхающій левъ⁹⁾!

Виргилій подошелъ къ ней, прося ее указать ему самую удобную дорогу; но она не отвѣчала на его вопросъ,

Однако пожелала узнать, изъ какой мы страны и какова была наша жизнь. Дорогой учитель началъ: «Мантуа...» Вдругъ тѣнь, которая стояла сгорбившись,

Поднялась съ мѣста, на которомъ стояла и сказала: «о, мантуанецъ! Я — Сорделло, изъ твоей земли!» И оба обнялись¹⁰⁾.

О, Италия, постоянный дворъ страданія, барка безъ кормчаго среди великой бури, не царица народовъ, а публичный домъ¹¹⁾.

Эта прекрасная душа поспѣшила, при одномъ имени своей родной страны, празднично привѣтствовать ея гражданина.

А теперь не могутъ жить безъ вражды тѣ, которые живутъ въ этой странѣ, и тѣ, которыхъ окружаютъ одни и тѣ-же стѣны и и одинъ и тотъ же ровъ, пожираютъ другъ друга.

Ищи, несчастный, вокругъ своихъ береговъ, потомъ посмотри въ своемъ лонѣ, есть-ли въ тебѣ хоть одинъ уголокъ, который радовался бы миру.

Къ чему послужило тебѣ то, что Юстиніанъ подтянулъ твою узду, если сѣдло никѣмъ не занято? Безъ этой узды твой позоръ былъ бы не такъ великъ.

О, поколѣніе, которое должно было-бы быть покорно и которое должно было-бы позволить Цезарю сѣсть въ сѣдло, если-бы ты понималъ, что Богъ тебѣ говоритъ;

Посмотри, какъ это животное стало упрямо, потому что не было наказуемо шпорами, съ тѣхъ поръ, какъ ты положилъ руку на его узду!

О, Альбрехтъ Нѣмецкій! ¹²⁾ ты, который покидаешь его, съ тѣхъ поръ какъ оно стало непокорно и дико, и который бы долженъ завладѣть сѣдломъ.

Такъ пусть-же справедливый приговоръ падетъ съ звѣзднаго неба на твою кровь, и пусть онъ будетъ новъ и очевиденъ, чтобы твой преемникъ ужаснулся;

Ибо ты и твой отецъ, удерживаемые алчностью, все допустили, чтобы садъ имперіи былъ опустошенъ.

Посмотри на Монтеки и на Капулетти, на Мональди и Филлипески ¹³⁾, беззаботный человекъ, какъ одни печальны, а другіе въ подозрѣніяхъ.

Приди, жестокій, приди смотрѣть на преслѣдованіе твоихъ дворянъ, исправь ихъ ошибки, и ты увидишь какъ Сантафіоре находится въ безопасности;

Приди посмотрѣть на твой плачущій Римъ, на эту покинутую вдову, которая и день и ночь кричитъ тебѣ: «о, мой Цезарь, почему ты не со мной?»

Приди посмотри́ть, какъ люди любятъ другъ друга, и если ты не имѣешь никакой жалости къ нимъ, то по крайней мѣрѣ стыдись своей славы.

И если я смѣю такъ сказать, о, верховный Юпитеръ ¹⁴⁾, который былъ распятъ за насъ на землѣ, обратились-ли въ другую сторону твои праведныя очи?

Или ты приготовляешь въ глубинѣ своихъ мыслей что-нибудь для насъ, что мы не въ состояніи понять?

Ибо земли Италіи всѣ переполнены тиранами, и Марцелломъ становитея всякій проходимецъ, образующій партію ¹⁵⁾.

Моя Флоренція, ты, можетъ быть, довольна этимъ отступленіемъ; оно не касается тебя: твой народъ такъ мудръ!

У многихъ справедливость обитаетъ въ сердцѣ, но ихъ сердце не торопится выпускать ее, чтобы не натягивать понапрасну лукъ; но твой народъ, напротивъ, имѣетъ справедливость на устахъ.

Многіе отказываются отъ общественныхъ должностей, но твой народъ отвѣчаетъ съ готовностью, прежде чѣмъ его призовутъ, и кричить: «подчиняюсь!»

И такъ, будь довольна, ибо у тебя есть для этого причины; ты богата, у тебя море, ты благоразумна. Если я говорю правду, слѣдствія не изобличаютъ меня.

Афины и Лакедемонія, создавшія древніе законы и бывшія столь цивилизованными, въ искусствѣ правленія были ничтожнымъ примѣромъ,

Въ сравненіи съ тобой, которая создаетъ столь тонкія учрежденія, что тѣ изъ нихъ, которыя ты прядешь въ октябрѣ, не выдерживаютъ и до половины ноября.

Сколько разъ въ эти времена, о которыхъ ты помнишь, ты мѣняла законы, монеты, учрежденія, обычаи и возобновляла членовъ города!

И если у тебя хорошая память, если ты видишь ясно, то

увидишь, что ты похожа на ту больную, которая не может выйти
себя мѣста на духовникѣ,

Но которая, поворачиваясь, всегда старается защититься отъ
страданій.

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹⁾ Il giuoco della Zara — азартная игра.

²⁾ Бенинказа д'Ареццо, извѣстный ученый юрисконсультъ; будучи ви-
каріемъ или помощникомъ подеста въ Сиенѣ, приговорилъ къ смерти одного
изъ братьевъ Гино-ди-Такко и одного изъ его племянниковъ, по прозванію
Turrito da Turrita, бывшаго разбойникомъ. Гино-ди-Такко, братъ и дядя
казненныхъ, бывший тоже разбойникомъ, черезъ нѣкоторое время отпра-
вился въ Римъ, гдѣ въ то время находился Бенинказа, вошелъ въ его домъ
и отсѣкъ ему голову, которую и унесъ въ Мареммы.

³⁾ Чіоне-ди-Тарлати, тоже изъ Ареццо.

⁴⁾ Сынъ графа Гвидо ди-Ватифолле; онъ былъ убитъ однимъ изъ
Востоли, по прозванію Фарнайuolo.

⁵⁾ Фарината, сынъ Марзукко де'Скоринджіани, изъ Пизы. Когда Фа-
ринага былъ умерщвленъ, его отецъ Марзукко присутствовалъ на похоро-
нахъ и поцѣловалъ руку убійцы его сына. Данте желалъ въ этомъ мѣстѣ
показать величіе души Марзукко. Манцони въ своемъ знаменитомъ романѣ
«I Promessi sposi» (Обрученные) подражалъ въ этомъ итальянскому поэту;

тотъ-же самый поступокъ онъ приписываетъ одному изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, Кристофоро.

6) Орсо, сынъ графа Наполеона ди-Барбайо, былъ убитъ графомъ Альберто ди-Монгони, своимъ дядей.

7) Секретарь и любимецъ короля Филиппа Прекраснаго. Королева (принцесса Брабантская) обвиняла его въ томъ, что онъ оскорбилъ ее. Въ дѣйствительности, онъ былъ невиненъ, но тѣмъ не менѣе былъ приговоренъ къ повѣшенію. Данте хочетъ сказать, что принцесса Брабантская, которая еще не умерла въ то время, когда онъ писалъ, — должна заботиться о томъ, чтобы за нее молились, иначе она рискуетъ попасть въ адъ.

8) *Desine fata deum flecti sperare precando.* (*Энеида*, I, I).

9) «Solo guardando a guisa di leon quando si posa» — стихъ этотъ почти слово въ слово повторилъ Торквато-Тассо въ своемъ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» (кнѣга X):

Tacito si ripose il fier Circasso
A guisa di leon quando si posa,
Girando gli occhi.

10) Сорделло, мантуашскій поэтъ, писавшій на провансальскомъ языкѣ и авторъ «Сокровища сокровищъ».

11) Въ итальянскомъ текстѣ еще болѣе энергическое выраженіе — *bordello*.

12) Т. е. Альбрехтъ Австрійскій, сынъ императора Родольфа, отказавшійся, подобно отцу, войти въ Италію.

13) Монтекии и Кондулетти — веронскіе гиббеллины; Мональди и Филиппески — гиббеллины изъ Орвieto.

1) *O somma Giove*

Che fosti 'n terra per noi crucifisto.

15) Неизвѣстно, о какомъ Марцеллѣ говоритъ здѣсь Данте. Въ древнемъ Римѣ многіе извѣстные граждане носили имя Марцелла. Самымъ знаменитымъ былъ, во-первыхъ, тотъ Марцеллъ, который осаждалъ Сиракузы, а во-вторыхъ — который былъ противникомъ Юлія Цезаря. Но, можетъ быть, поэтъ въ этомъ мѣстѣ говоритъ о Марцелло Маласпина, который принялъ Данте весьма дружественно и о которомъ будетъ еще рѣчь въ восьмой кнѣгѣ.

Взялъ его въ объятія въ той части тѣла, гдѣ меньшій обнимаетъ большаго... (стр. 42).

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Сорделло, узнавъ, что съ нимъ говоритъ Виргилій, преклоняется передъ нимъ и цѣлуетъ его колѣни. Затѣмъ онъ сообщаетъ поэтамъ, что ночью нельзя восходить на гору Честилица. Имъ необходимо ждать разсвѣта въ соседней долинѣ. Въ этой пѣтущей долинѣ пребываютъ души грѣшниковъ, которые забыли о покаяніи, будучи погружены въ заботы о власти и честолюбіи. Генрихъ Англійскій. Маркизь Монферра.

Послѣ того, какъ раза три или четыре были повторены пріѣтствія, Сорделло отошелъ въ сторону и сказалъ: «кто вы?»

«Прежде, чѣмъ души, достойныя подняться до Бога, начали направлять свои шаги къ этой горѣ, мои кости были погребены Октавіаномъ.

«Я, Виргилій, я потерялъ небо за то, что у меня не было вѣры; въ этомъ заключалось все мое преступленіе». Такъ отвѣчалъ мой руководитель.

Подобно тому, который видитъ передъ собой предметъ, приводящій его въ удивленіе, и который вѣрить, не вѣрить и говорить: «это такъ, это не такъ»;

Такимъ явился теперь Сорделло; потомъ онъ потупилъ рѣсницы и скромно подошелъ къ Вергилію, и взялъ его въ объятія въ той части тѣла, гдѣ меньшій обнимаетъ большаго ¹⁾).

О, слава латинягъ! сказалъ онъ, — которому нашъ языкъ показалъ, что онъ можетъ сдѣлать! О, вѣчная честь мѣсту, въ которомъ я родился!

«Какая заслуга или какая милость представляетъ меня тебѣ? Если я достоинъ услышать твои слова, скажи мнѣ, выходишь-ли ты изъ ада и изъ какого круга.»

«Черезъ все круги царства страданій, — отвѣчалъ онъ, — я пришелъ сюда; одна небесная добродѣтель меня ведетъ и я прихожу съ нею.

«Не за то, что я сдѣлалъ, а за то, чего я не сдѣлалъ, я потерялъ возможность видѣть это высокое солнце, которое ты желалъ и которое я узналъ слишкомъ поздно.

«Тамъ внизу есть мѣсто, опечаленное не мученіями, но лишь мракомъ; тамъ жалобы не раздаются, какъ крики, а только какъ стенанія.

«Тамъ пребываю я вмѣстѣ съ невинными младенцами, укушенными зубомъ смерти, прежде чѣмъ они были очищены отъ первороднаго грѣха.

«Я пребываю тамъ съ тѣми, которые не украсили себя тремя святыми добродѣтелями ²⁾ и которые, не зная пороковъ, имѣли другія добродѣтели и слѣдовали имъ.

«Но если ты знаешь и можешь, дай намъ какой-либо признакъ, по которому мы-бы могли прийти поскорѣе туда, гдѣ Чистилище имѣетъ свой настоящій входъ».

Онъ отвѣчалъ: «опредѣленнаго мѣста не назначено намъ; мнѣ дозволено подниматься на верхъ и ходить вокругъ; вездѣ, гдѣ я могу быть, я предлагаю тебѣ быть твоимъ путеводителемъ.

«Но такъ какъ день убываетъ, а восходить на верхъ ночью невозможно—поэтому лучше подумать о пристанищѣ.

«Тутъ направо находятся души, собравшіяся поодаль; если ты согласишь, я тебя поведу къ нимъ и ты познакомишься съ ними не безъ удовольствія».

«Какъ?—было ему отвѣчено,—тотъ, кто пожелаетъ восходить на верхъ ночью, встрѣтитъ препятствіе въ другомъ? Или, можетъ быть, у него не достанетъ силы?»

Добрый Сорделло провелъ пальцемъ по землѣ, говоря: «посмотри, ты не переступишь черезъ эту черту послѣ того, какъ солнце зайдетъ.

«Ничего другого не помѣшаетъ тебѣ восходить, кромѣ ночнаго мрака; но мракъ, влѣдствіе безпомощности, въ которую онъ ставитъ человѣка, останавливаетъ волю.

«При мракѣ можно вернуться назадъ и ходить по берегу вкругъ въ то время, какъ горизонтъ скрываетъ день».

Тогда мой учитель въ удивленіи отвѣчалъ: «такъ веди же насъ туда, гдѣ можно остановиться съ удовольствіемъ, какъ ты говоришь».

Мы немного удалились, когда я замѣтилъ, что въ горѣ была прорыта долина, подобная тѣмъ, которыя находятся на землѣ.

«Мы пойдемъ, — сказала тѣнь, —туда, гдѣ гора сама себя прорыла, и тамъ мы подождемъ новаго дня».

Между горой и долиной была извилистая дорожка, которая привела насъ къ одной сторонѣ долины, туда, гдѣ наклонъ не такъ крутъ, какъ по серединѣ, и прекращается.

Золото и тончайшее серебро, пурпуръ, бѣлила, индѣйское дерево, блестящее и полированное, свѣжій изумрудъ, въ то время какъ его ломаютъ,

Рядомъ съ травой и цвѣтами этой долины, какъ меньшее побѣждается.

Природа не только развернула здѣсь свои краски, но прелестью тысячи благоуханій образовала кромѣ того неизвѣстныя сочетанія.

Salve Regina пѣли сидящіи среди зелени и цвѣтовъ души, которыя не были видны со стороны, благодаря долинѣ.

»Прежде, чѣмъ солнце окончательно зайдетъ, — сказалъ мантуанецъ, который насъ туда провелъ, не требуйте, чтобы я повесть васъ къ нимъ;

«Съ этой возвышенности вы лучше увидите движенія и лица всѣхъ этихъ душъ, чѣмъ какъ если-бы вы были среди нихъ въ долинѣ.

«Тотъ духъ, спящій выше другихъ, который, кажется, не обращаетъ вниманія на то, что долженъ-бы дѣлать, и не открываетъ рта, при пѣніи другихъ,

«Былъ Родольфъ, императоръ³⁾. Онъ могъ излечить раны, вслѣдствіе которыхъ Италия умерла такъ, что теперь слишкомъ поздно оживлять ее другимъ.

«Другой, который взглядомъ точно утѣшаетъ его, управлять землей, гдѣ родится вода, которую Молдава переноситъ въ Эльбу, а изъ Эльбы въ море.

«Оттокаръ⁴⁾ было его имя, и еще въ колыбели онъ былъ лучше своего брата Венеслава, боролатого, ваяющагося въ сладострастіи и бездѣліи.

«А этотъ съ маленькимъ носикомъ, который такъ серьезно совѣщается съ тѣмъ, у кого такое благодушное лицо, умеръ, избѣгая и позора лилію⁵⁾.

«Посмотрите, какъ онъ колотитъ себѣ грудь! Посмотрите на этого другого, который, вздыхая, изъ ладони своей руки сдѣлалъ постель своей щекѣ⁶⁾.

«Это отецъ и тестъ язвы Франціи; они знаютъ его порочную и грязную жизнь, и отсюда ихъ острое страданіе.

«Тотъ, который кажется такимъ плотнымъ⁷⁾ и который такъ хорошо согласуется въ пѣніи съ тѣмъ, у кого такой большой носъ⁸⁾, опоясалъ себя веревкой всѣхъ почестей;

«И если-бы послѣ него остался королемъ этотъ молодой чело-

вѣкъ, который сидитъ позади него, храбрость, конечно, прошла-бы изъ вазы въ вазу,

«Чего нельзя сказать о другихъ его наследникахъ; Яковъ и Фредерикъ, конечно, имѣютъ царства, но ни одинъ изъ нихъ не получилъ лучшей части наследства.

«Рѣдко можно наблюдать, какъ восходятъ въ вѣтвяхъ челоуѣческія добродѣтели; такъ хочетъ тотъ, который ихъ даетъ, чтобы испрашивали ихъ только у него.

«Мои слова относятся также и къ тому духу, у котораго такой толстый носъ, а также и къ другому, къ Петру, поющему съ нимъ, по причинѣ котораго Шуля и Провансъ страдаютъ уже.

«По сколькоу растеніе выродилось изъ своего сѣмяни, по столько, — лучше чѣмъ Беатриче и Маргерита, — Констанція⁹⁾ похваляется еще своимъ мужемъ.

«Посмотрите на короля простой жизни, сидящаго поодаль, Генриха Англійскаго¹⁰⁾; этотъ болѣе счастливъ въ своихъ вѣтвяхъ.

«Тотъ, который почти расположился среди другихъ и смотритъ вверхъ, есть маркизъ Гильомъ, ради котораго Александрія и ея войско Заставляютъ плакать Монферату и Канавезу¹¹⁾.

П Р И М Ъ Ч А Н И Я.

- ¹⁾ Over il minor s'appiglia
²⁾ Теологическія добродѣтели.
³⁾ Императоръ Родольфъ былъ отцомъ императора Альбрехта, о которомъ говорится въ предшествующей пѣснѣ.
⁴⁾ Оттокаръ, король Богеміи.
⁵⁾ Филиппъ III, король французскій.
⁶⁾ Генрихъ Наварскій.
⁷⁾ Петръ III, король Арагоніи.
⁸⁾ Карль I, король обѣихъ Сицилій и графъ Прованскій.
⁹⁾ Констанція, жена Петра III; Беатриче и Маргерита — дочери Беранже V, графа Прованскаго.
¹⁰⁾ Сына Ричарда.
¹¹⁾ Гильомъ, маркизъ Монферра, умерщвленный жителями Александріи. Отсюда война между Александріей съ одной стороны и Монфератомъ и Канавезой — съ другой.

Чувствуя, как воздух разступался под их зелеными крыльями, змѣи убѣжаль... (стр. 50).

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

Когда наступилъ вечеръ, души, о которыхъ говорится въ предшествующей пѣснѣ, поютъ гимнъ. Два ангела, стражи долины, появляются съ блестящими мечами. Оба поэта, но прежнему сопровождаемые Сорделло, встрѣчаютъ Нино Висконти. Тогда появляется змѣя, котораго ангелы сейчасъ-же изгоняютъ. Разговоръ Данте съ Копрадомъ Маласина, который предсказываетъ ему его изгнаніе и приемъ, который онъ встрѣтитъ въ домѣ Маласинны.

Приходилъ уже часъ, возбуждающій сожалѣнія тѣхъ, которые плаваютъ, и смягчающій ихъ сердца въ тотъ день, когда они сказали «прости» своимъ дорогимъ друзьямъ;

Часть, когда новый пилигримъ, чувствующій себя раненымъ любовью, слышитъ вдали звукъ ¹⁾ колокола, который точно оплакиваетъ умирающей день;

Тогда-то я перестала слушать и увидать, что одна изъ этихъ душъ встала и съ протянутой рукой просила, чтобы ее выслушали.

Сложивъ и поднявъ обѣ руки, она направила свои взоры къ востоку, какъ-бы говоря Богу: «никого другого я не желаю».

«Te lucis ante» ²⁾ освободилось такъ благочестиво изъ ея усть и въ такихъ изъясныхъ звукахъ, что это заставило меня забыть самого себя.

И другія души тихо и благочестиво последовали за нею въ гимнъ, со взорами, направленными на небесныя колеса.

Направь, читатель, глаза свои на петлицу, ибо завѣса теперь состоитъ изъ такой тонкой ткани, что, конечно, проникнуть сквозь нее легко.

Затѣмъ я увидѣлъ эту благородную толпу, въ молчаніи, съ глазами приподнятыми къверху, точно ожидающую чего-то, скромную и блѣдную.

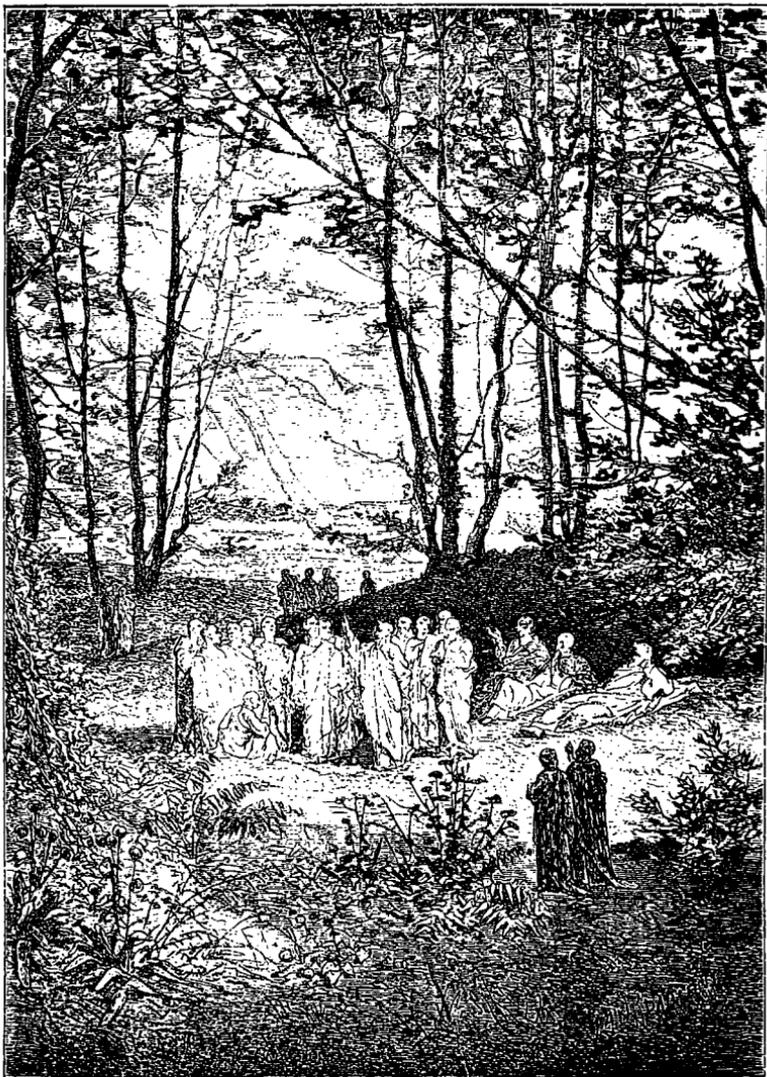
И увидѣлъ я выходящихъ съ небесъ двухъ ангеловъ съ двумя сияющими мечами, поломанными и безъ острія.

Зеленые, точно маленькіе, только-что рожденные, летя, были ихъ одежды, которыя, волнуемая перьями ихъ зеленыхъ крыльевъ, развѣивались позади и играли съ вѣтромъ.

Одинъ изъ нихъ нѣсколько выше насъ остановился, а другой спустился къ противоположному берегу, такъ что по серединѣ ихъ находилась толпа душъ.

Можно было рассмотреть ихъ бѣлокурую голову, но по ихъ лицу глазъ блуждалъ, какъ способность, ослабѣвающая отъ слишкомъ большихъ успій.

«Оба выходятъ изъ лона Маріи, — сказали Сорделло, — чтобы сторожить долину отъ змія, который сейчасъ появится» ³⁾.

Природа развернула здѣсь свои краски, но прелестью тысячи благоуханій образовала кромі того неизвѣстнаго сочетанія.

(Чистилище, Пѣснь VII, стр. 43).

А я, не знавшій, по какой дорожкѣ онъ долженъ прійти, я смотрѣлъ вокругъ, похолодѣвъ отъ ужаса, и прижимался къ моему вѣрному руководителю.

И Сорделло сказалъ еще: «теперь пойдемъ въ середину этихъ великихъ тѣней и будемъ съ ними говорить; имъ будетъ пріятно васъ видѣть».

Я не сдѣлалъ, казалось мнѣ, и трехъ шаговъ, какъ уже былъ внизу и увидѣлъ одну изъ нихъ, которая смотрѣла на меня такъ, какъ будто хотѣла признать меня.

Наступило уже время, когда воздухъ помрачается, но не до такой степени, чтобы не освѣщать между моими глазами и его то, что сначала они скрывали.

Тѣнь стала подходить ко мнѣ и я сталъ подходить къ ней. О, благородный судья Нино! ⁴⁾ Какъ я былъ счастливъ, когда увидѣлъ, что ты не находишься среди преступныхъ!

Мы не забыли обмѣняться самыми нѣжными привѣтствіями. Затѣмъ онъ меня спросилъ: «съ какихъ поръ пришелъ ты къ подножію горы, сквозь далекія воды?»

«О, сказалъ я ему, печальными мѣстами я пришелъ сюда сегодня утромъ; я еще нахожусь въ первой жизни, хотя и приобретаю другую, идя по этой дорогѣ».

Едва-лишь мой отвѣтъ былъ услышанъ, какъ Сорделло и онъ отступили, какъ люди, пораженные величайшимъ удивленіемъ.

Одинъ обернулся къ Виргилію, другой — къ душѣ, которая сидѣла по близости и воскликнула: «посмотри, Куррадо ⁵⁾, посмотри, что Богъ захотѣлъ допустить по своей милости.

Потомъ обернулся ко мнѣ: «именемъ той особенной благодарности, которую ты долженъ чувствовать къ тому, который такъ скрываетъ свое первое *почему*, что къ нему нѣтъ брода,

«Умоляю, когда ты будешь близъ широкихъ волнъ, скажи моей Джіованнѣ, чтобы она заступилась за меня тамъ, гдѣ отвѣчаютъ невиннымъ ⁶⁾».

«Я не думаю, что ея мать любить меня еще, потому что она оставила бѣды повязки, о которыхъ, несчастная, еще должна будеть пожалѣть⁷⁾».

«Глядя на нее, легко понять, какъ долго въ женщинѣ горитъ пламя любви, если взгляды и прикосновеніе не возжигаютъ ее часто.

«Ехидна, находящаяся на гербѣ Миланца, не сдѣласть ей такой красивой гробницы, какую-бы ей сдѣлать вѣтухъ Галдуры»⁸⁾».

Такъ онъ говорилъ, съ печатію на лицѣ той честной любви, которая умѣренно пламенѣеть въ сердцѣ.

Мои жадные глаза по прежнему обращались въ небо, туда, гдѣ движеніе звѣздъ медленнѣе, подобно частямъ колеса, ближайшимъ къ оси.

Мой руководитель сказалъ: «смигъ мой, чтѣ созерцаешь ты тамъ?»
А я ему: «я созерцаю эти три звѣзды, которыми полюю воспламененъ съ этой стороны⁹⁾».

Тогда онъ сказалъ: «четыре блестящія звѣзды, которыя ты видѣлъ сегодня утромъ, сошли внизъ, а эти взошли въ томъ мѣстѣ, гдѣ были прежнія»¹⁰⁾.

Въ то время, какъ онъ говорилъ это мнѣ, Сорделло привлекъ его къ себѣ, говоря: «вотъ нашъ врагъ», и онъ протянулъ палець, чтобы онъ посмотрѣлъ въ ту сторону.

Въ той части маленькой долины, которая ничѣмъ не защищена, находился змѣй, можетъ быть тотъ самый, который подалъ Евѣ горькій плодъ.

Между травой и цвѣтами ползла проклятая гадина, поворачивая отъ времени до времени голову къ спинѣ, облизывая себя, какъ звѣрь, который обмывається.

Я не видѣлъ, а потому и сказать не могу, какъ задвигались небесные ястребы, но я видѣлъ обоихъ носящихся въ воздухѣ.

Чувствуя, какъ воздухъ разступался подъ ихъ зелеными крыльями, змѣй убѣжалъ, а ангелы вернулись къ своему посту мѣрнымъ по-летомъ.

Тѣнь, подошедшая къ судѣй, когда онъ позвалъ ее, во время всей этой борьбы не переставала смотреть на меня.

«Да найдеть пламя, ведущее тебя къ небу; въ твоей волѣ столько воску, сколько нужно, чтобы подняться до Эмалевой горы»,

Сказала она. «Если ты знаешь что-нибудь о Валь-ди-Магра или о сосѣдней землѣ, скажи мнѣ это, ибо я былъ властелиномъ въ этихъ мѣстахъ.

«Я былъ названъ Куррадо Маласпина; я не древній этого имени, но я пропехожу отъ него. Къ моимъ я относился съ любовью, которая здѣсь очищается».

«О, сказалъ я ему, никогда я не посѣщалъ вашихъ странъ, но гдѣ можно жить въ цѣлой Европѣ, куда-бы не проникъ слухъ о нихъ?

«Слава, дѣлающая честь вашему дому, дѣлаетъ извѣстными вельможъ и страну, такъ что ихъ знаетъ даже тотъ, который никогда тамъ не былъ.

«И клянусь вамъ, — пусть-бы я былъ увѣренъ съ такою-же достовѣрностью, что достигну неба, — что ваше достойное племя не теряетъ чести, которая была ему доставлена ипагой и кошелькомъ.

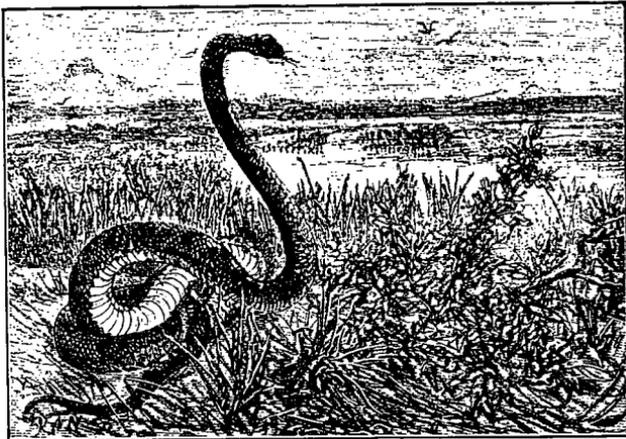
«Привычка и природа надѣлили его такими преимуществами, что хотя преступный глава міра сбиваетъ съ пути другихъ, одно лишь оно идетъ прямо и пренебрегаетъ злымъ путемъ».

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «иди-же теперь; и прежде, чѣмъ солнце погрузится семь разъ въ постель, которую Овенъ покрываетъ и держитъ своими четырьмя ногами,

«Это твое любезное мнѣніе будетъ прибито по срединѣ твоей головы, лучшими гвоздями, чѣмъ слава другихъ,

«Если только движеніе справедливости не остановится».

П Р И М Ъ Ч А Н И Я.

1) Это начало восьмой пѣсни было переведено Козловымъ слѣдующимъ образомъ:

Ударилъ часъ, когда готово измѣниться
 Желаніе пловца, крушимаго тоской:
 Въ тотъ день, какъ съ милыми друзьями онъ простится,—
 И любить онъ нѣжнѣй, и пальчикъ молодой,
 Услыша дальній звонъ, который будто плачетъ
 О днѣ мнующемъ, стремится съ нимъ душой.

Прекрасный стихъ:

«*Che raja 'l giorno pianger che si muore*»

напоминаетъ выраженіе англійскаго поэта Грея (который, вѣроятно, и заимствовалъ его у Данте) въ его стихотвореніи «Сельское кладбище»:

The curfew tolls the knell of parting day.

2) «*Te lucis ante terminum, rerum Creator optime*» — начало гимна св. Амвросія, который поется въ концѣ католической вечерни.

3) Символь искушенія.

4) Нино Висконти изъ Пизы, судья въ Галлурѣ, въ Сардиніи, глава гвельфской партіи и племянникъ графа Уголино дела-Герардеска, человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, справедливый и честный.

⁵⁾ Куррадо (или Конрадо) Маласпина, управитель Луниджіаны. Вальде-Магра, о которой идетъ рѣчь ниже, — провинція его владѣній. Его предокъ былъ тоже Куррадо Маласпина.

⁶⁾ Дочь Нино и жена Ричардо да-Кампино, изъ Тревизы. Нино умоляетъ Данте просить Джіованну заступиться за него передъ Богомъ, который виселетъ только молитвамъ чистыхъ душъ: намекъ на выраженіе св. Іоанна: «Deus peccatores non audit».

⁷⁾ Беатриче д'Эсте, жена Нино, послѣ смерти его, вышла замужъ за Галеаса Висконти, изъ Милана. Бѣлыя повязки были головными уборами вдовы.

⁸⁾ Миланскій Висконти имѣлъ въ своемъ гербѣ ехиду. Въ гербѣ Нино былъ пѣтухъ на золотомъ полѣ.

⁹⁾ Три теологическія добродѣтели.

¹⁰⁾ Четыре кардинальныя добродѣтели: благоразуміе, справедливость, сила, воздержанность.

Мнѣ показалось, что орель и я, мы горимъ... (стр. 55).

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Поэтъ рассказываетъ, что, заснувъ на зарѣ, онъ имѣлъ странное видѣніе. Проснувшись, онъ увидѣлъ, что находится у самаго входа въ Чистилище, около Виргилія. Врата Чистилища охраняются ангелами.

Подруга античнаго Титона ¹⁾, освободившись отъ объятій своего дорогаго друга, уже появилась въ своемъ бѣломъ одѣяніи на берегахъ Востока;

Ея чело блестѣло жемчугами, расположеніе которыхъ изображало холоднаго звѣря ²⁾, поражающаго людей своимъ хвостомъ.

Ночь сдѣлала уже три восходящихъ шага ³⁾ въ мѣстѣ, гдѣ мы были, и третій уже заставлялъ склоняться внизъ ея крылья,

Когда я, который носилъ съ собой все, что намъ досталось отъ Адама ⁴⁾, чувствуя себя побѣжденнымъ сномъ, улегся на травѣ, гдѣ мы сидѣли всѣ пятеро,

Въ часъ близкій къ утру, когда ласточка начинаятъ свои жалобныя пѣсни, можетъ быть, въ память своихъ первыхъ страданій⁶⁾;

Въ часъ, когда нашъ разумъ, болѣе освобожденный отъ тѣла, менѣе озабоченный земными мыслями, является почти божественнымъ въ своихъ видѣнiяхъ, —

Мнѣ показалось, что я вижу во снѣ Орла, витающаго въ небесахъ, съ золотыми перьями, съ раскрытыми крыльями, приготовляющагося спуститься на землю;

И мнѣ показалось, что я былъ тамъ, гдѣ Ганимедъ покинулъ своихъ, когда онъ былъ похищенъ для небеснаго собранiя⁶⁾.

И я думалъ про себя: «можетъ быть, этотъ орелъ имѣетъ привычку охотиться за добычей только въ этихъ мѣстахъ и, можетъ быть, онъ пренебрегаетъ ставить свои ноги въ другомъ мѣстѣ».

Потомъ, мнѣ показалось, что, покружившись немного, какъ молнiя, онъ спустился и похитилъ меня до самой огненной сферы⁷⁾.

Тамъ мнѣ показалось, что орелъ и я, мы горимъ, и этотъ пожаръ, хотя и воображаемый, былъ такъ ужасенъ, что нужно было, чтобы мой сонъ былъ прерванъ.

Иначе затрепеталъ Ахиллъ, вода своими открытыми глазами вокругъ себя и не зная, гдѣ онъ,

Когда его мать, взявъ его у Хирона, перенесла его въ своихъ объятiяхъ въ Скиросъ, откуда греки впоследствии вывезли его, —

Чѣмъ я задрожалъ: сонъ слетѣлъ съ моего лица и я поблѣднѣлъ, какъ тотъ, котораго пугаетъ холодъ.

Тотъ, который меня поддерживаешь, былъ одинъ рядомъ со мною. Солнце уже болѣе двухъ часовъ какъ взошло, и мое лицо было обращено къ морю.

«Не бойся, — сказалъ мой учитель, — ободрись, ибо мы находимся у хорошей пристани; не сокращай, но расширь въ себѣ смѣлость».

«Ты достигъ Чистилища, посмотри на ограду, которая его окру-

жасть и заключать въ себѣ; посмотри, вотъ входъ тамъ, гдѣ стѣна прерывается.

«Во время разсвѣта, предшествующаго дню, когда душа твоя дремала въ цвѣтахъ, въ эти мѣста, усипанныя ими,

Пришла Дама, которая сказала: «я — *Lucia⁸), позвольте мнѣ взять того, который здѣсь спитъ; я облегчу его, во время его странствованія».

«Сорделло остался, а также и другія благородныя тѣни; она тебя взяла и когда день сдѣлался яснымъ, она направилась къ горѣ, а я пошелъ по ея стѣдамъ.

«Здѣсь она тебя положила, показавъ мнѣ своими прекрасными глазами этотъ открытый входъ; затѣмъ она и твой сонъ исчезли вмѣстѣ».

Подобно человѣку, который успокаивается послѣ сомнѣній и который замѣняетъ свой страхъ спокойною увѣренностью, когда петля ему открыта,

Такъ и я пережился; и когда мой руководитель увидѣлъ меня, освобожденнаго отъ безпокойства, онъ направился къ высокой оградѣ, а я послѣдовалъ за нимъ, подымаясь.

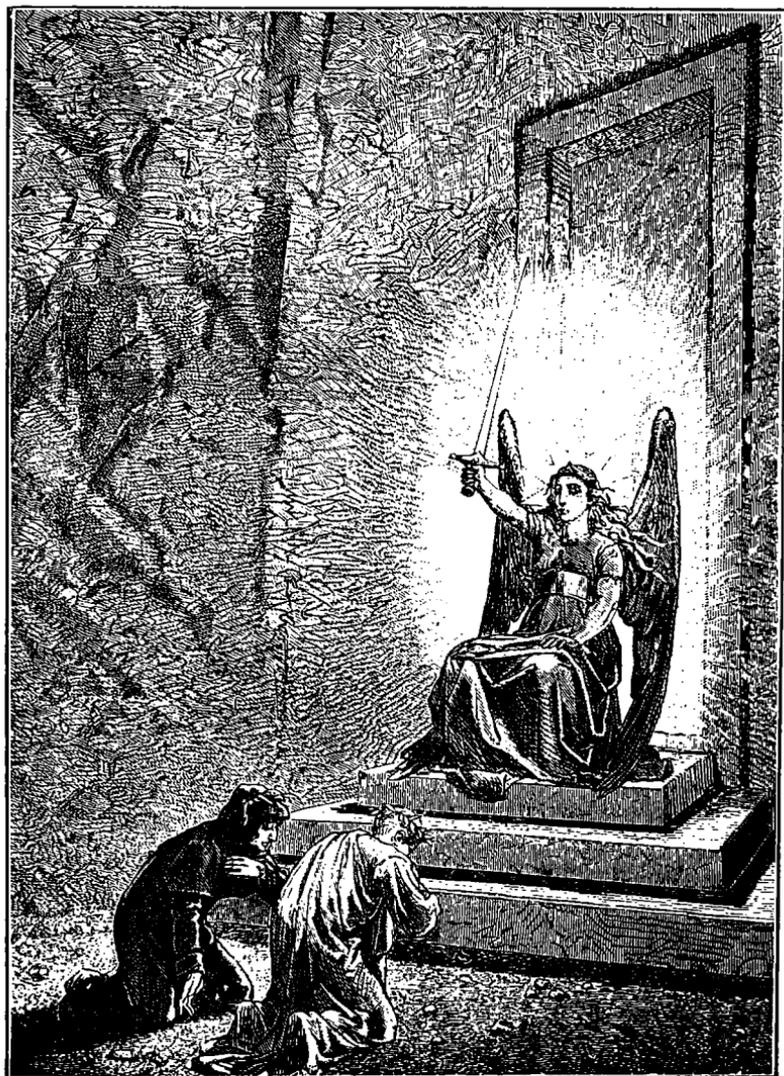
Читатель, ты видишь, какъ я повышаю тонъ моего предмета; не удивляйся-же тому, если я поддержу его болѣе высокимъ искусствомъ.

Мы пошли, и подошли къ той части, гдѣ сначала ограда показалась мнѣ проломанною, какъ-бы щелью, раздѣляющей на-двое стѣну;

Но я увидѣлъ врата, пониже ихъ — три ступени различнаго цвѣта и привратника, который пока не говорилъ ни слова.

И, открывая глаза все больше и больше, я замѣтилъ, что онъ сидитъ на верхней ступенькѣ и съ такимъ лицомъ, что я не въ состояніи былъ вынести его взгляда.

Въ рукахъ у него былъ голый мечъ, который такъ отражалъ

Въ рукахъ у него былъ голый мечъ, который такъ отражалъ на меня свои лучи, что я напрасно старался направить на него мои глаза.

(Чистилище, Пѣснь IX, стр. 56).

на меня свои лучи, что я напрасно старался направить на него мои глаза.

«Скажите съ того мѣста, гдѣ вы стоите, что вы хотите? — сказала онъ; — гдѣ вашъ провожатый? Остерегайтесь, чтобы вашъ проходъ не повредилъ вамъ».

«Небесная Дама, знакомая съ этими вещами, — отвѣчалъ ему мой учитель, — сказала намъ недавно: «идите, тамъ находятся врата».

«Да утвердить-же она ваши шаги, — отвѣчалъ благородный привратникъ; подойдите къ нашимъ ступенямъ⁹⁾».

Мы подошли. Первая ступень была изъ бѣлаго мрамора, столь чистая и столь блестящая, что я увидѣлъ себя въ немъ такимъ, какимъ я кажусь другимъ.

Вторая ступень, темно-синяго цвѣта, была сдѣлана изъ твердаго, обожженнаго камня, съ бороздками вдоль и поперекъ.

Третья и самая высокая показалась мнѣ сдѣланной изъ порфира такого-же краснаго, какъ кровь, брызнувшая изъ вены.

На этой ступени покоились ноги ангела Божьяго, который сидѣлъ на порогѣ вратъ, — порогѣ, сдѣланномъ, какъ мнѣ показалось, изъ алмаза.

По тремъ ступенямъ, по которымъ повела меня моя добрая воля, мой руководитель повелъ меня, говоря: «попроси смиренно, чтобы врата открылись».

Я набожно бросился къ его святымъ ногамъ и просилъ его изъ милосердія открыть мнѣ врата, но прежде я три раза ударился въ грудь.

Концомъ своего меча онъ начерталъ на моемъ челѣ семь разъ букву Р и сказалъ мнѣ: «когда ты войдешь, постарайся стереть эти пятна»¹⁰⁾.

Пепель или высохшая земля, взятая изъ рва, была-бы похожа цвѣтомъ на его одѣяніе; изъ подъ него онъ вынулъ два ключа.

Одинъ былъ золотой, другой — серебряный. Сначала бѣлымъ ключемъ, потомъ желтымъ онъ отворилъ врата, и я почувствовалъ себя счастливымъ ¹¹).

«Когда одного изъ этихъ ключей, — сказалъ онъ мнѣ, — не достасть и когда онъ неправильно повертывается въ замкъ, входъ не открывается.

«Одинъ изъ этихъ ключей дороже, но другой требуетъ большого искусства и знанія, потому что пружина освобождается имъ.

«Они мнѣ даны Петромъ, который сказалъ мнѣ, что лучше, если я ошибусь, отпирая двери, чѣмъ запирая ихъ, лишь-бы человекъ повергся къ моимъ ногамъ» ¹²).

Потомъ онъ толкнулъ дверь внутрь, говоря: «войдите, но знайте, что тотъ принужденъ выйти, кто обернется назадъ».

Тогда половины этихъ вратъ, сдѣланныя изъ твердаго и изъ звучнаго металла, повернулись на шарнирахъ;

Такъ сильно и съ такимъ шумомъ не зазвучала Тарпейская арка, когда былъ изгнанъ оттуда добрый Метель и когда она опустѣла ¹³).

Со вниманіемъ я обернулся въ сторону перваго звука, и мнѣ показалось, что голосъ пѣлъ среди другихъ голосовъ, очень нѣжныхъ: «Te Deum laudamus» ¹⁴).

То, что я слышалъ, производило на меня впечатлѣніе, которое испытываешь, когда пѣніе соединяется съ органомъ;

То слышишь, то не слышишь словъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹⁾ Титонъ, мужъ Авроры и отецъ Мемнона, былъ, слѣдуя мифологін, сыномъ Лаомедона. Аврора, восхищенная красотой Титона, похитила его на своей колесницѣ и выпросила у Юпитера для него безсмертія, но забыла выпросить для него вѣчной молодости, и онъ такъ состарился, что его принуждены были спеленать.

²⁾ Знакъ Скорпіона.

³⁾ Ночь у древнихъ дѣлилась на три части, называвшіяся: *sega*, *media* *nox*, *galli cantus*, *mane*, и каждая часть состояли изъ трехъ часовъ.

⁴⁾ Если-бы не грѣхъ Адама, у насъ не было-бы потребности во снѣ.

⁵⁾ Мнѡзъ Пронье.

⁶⁾ На гору Иду.

⁷⁾ Такъ называемая огненная сфера, по мнѣнію древнихъ философовъ, находилась надъ сферой воздуха, подъ небомъ луны.

⁸⁾ Лучія — олицетвореніе божественной благодати.

⁹⁾ Первая ступень есть символъ искренности; вторая — раскаянія; третья — удовлетворенія.

¹⁰⁾ Семь P. (Peccato) — символъ семи смертныхъ грѣховъ.

¹¹⁾ «Claves, — говоритъ одинъ изъ комментаторовъ св. Матвѣя, — sunt discernendi scientia et potentia qua dignos recipere, indignos excludere debet a regno coelurum». (Ключи суть наука различенія и сила, помощью которой она должна принимать достойныхъ въ царство Божіе и исключать оттуда недостойныхъ).

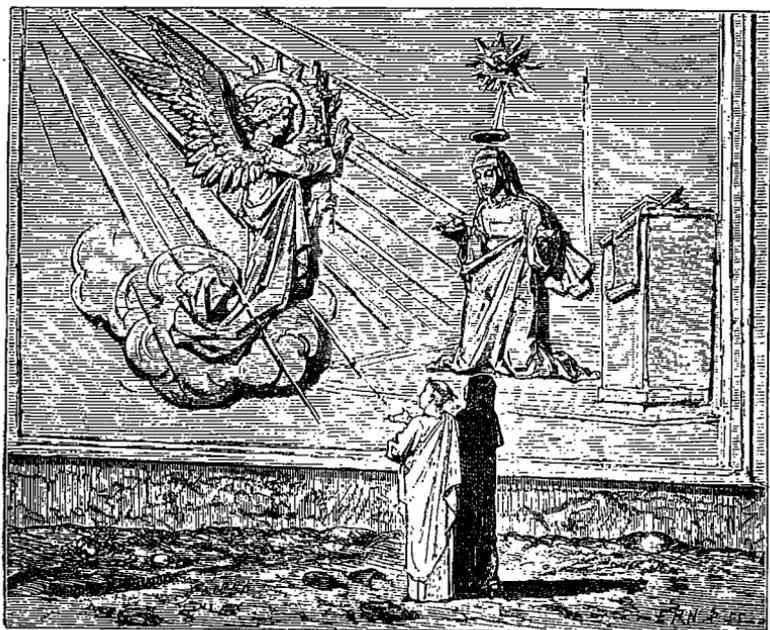
¹²⁾ У св. Златоуста мы читаемъ: si Deus benignus, quere sacerdos austerus? Ubi enim pater-familias est largus, dispensator non debet esse tenax» (если Богъ милостивъ, то почему священникъ долженъ быть строгъ? Тамъ, гдѣ отецъ семейства снисходителенъ, исполнитель не долженъ быть строгъ).

¹³⁾ Луканъ, въ третьей книгѣ «Фарсалы», говоря, что Цезарь приказалъ захватить общественное сокровище, не смотря на сопротивленіе Метелла, прибавляетъ:

Tunc rupes Tarpeia sonat, magnoque reclusas
Testatur stridore fores.

¹⁴⁾ «Тебя Бога хвалимъ» — гимнъ, сочиненный, по преданію, св. Амвросіемъ.

И въ ся позѣ можно было прочитатъ слово *Esse ancilla Dei...* (стр. 63).

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

Пройдя черезъ врата Чистилища, поэты поднимаются по извилистой и крутой дорожкѣ къ первому кругу, гдѣ очищается грѣхъ гордости. Они останавливаются на узкой возвышенности, по стѣнамъ которой находятся барельефы, изображающіе различные приѣмы смиренія, заимствованные изъ евангелія, библии и римской исторіи. Эти изображенія смиренія являются какъ-бы урокомъ для гордыхъ, искупающихъ въ этомъ первомъ кругѣ свой грѣхъ. Данте видитъ этихъ грѣшниковъ, ходящихъ съ ихъ тяжелой ношей.

Когда мы переступили черезъ порогъ двери, которую хитрая склонность человѣческихъ душъ оставляетъ часто безъ употребленія, ибо она представляетъ прямымъ путь кривой,

По звуку, изданному дверью, я узналъ, что она закрылась, и

если-бы я направилъ мои глаза къ ней, — какое оправданіе могло-бы быть достойно такого проступка?

Мы подымались по расщелинѣ скалы, извивающейся какъ съ одной стороны, такъ и съ другой, точно волна набѣгающая и убѣгающая.

«Здѣсь необходимо употребить немного искусства, — началъ мой учитель, — приближаясь другъ къ другу то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, въ сторону удаляющейся дороги».

И это сдѣлало наши шаги медленными и столь рѣдкими, что луна, тогда на убыли, ушла въ свою постель отдыхать,

Прежде, чѣмъ мы вышли изъ узкой дорожки. Но когда, наконецъ, мы освободились и очутились въ открытомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ гора понижается назадъ,

Я, усталый, и оба мы, неуверенные въ далыѣйшей дорогѣ, остановились на плоской возвышенности, болѣе уединенной, чѣмъ дорога въ пустынѣ.

Отъ края бездны до подножія крутого откоса, который все больше и больше подымается, пространство можно было-бы измѣрить въ три раза человѣческимъ тѣломъ,

И такъ далеко, какъ глазъ могъ проникнуть, по лѣвой или по правой сторонѣ, карнизъ плоской возвышенности мнѣ казался на одномъ разстояніи.

Наши ноги еще не вступили на эту дорогу, когда я замѣтилъ, что внутренняя сторона откоса, которая была отвѣсна и недоступна,

Была изъ бѣлаго мрамора и украшена барельефами, такими, что не только Поликлетъ¹⁾, но и сама природа восторгалась-бы ими къ своему стыду.

Ангель²⁾, сошедшій на землю съ вѣстью о мирѣ, призываетъ его слезами въ теченіе столькихъ лѣтъ, который озарилъ небо, послѣ того долгаго запрета,

Быль изображенъ передъ нами съ такой правдой, чертами столь

вѣрными и въ столь красивой позѣ, что онъ не казался безмолвнымъ изображеніемъ.

Можно было-бы присягнуть, что онъ говорил Ave, ибо тутъ-же была изображена Та, которая имѣетъ ключъ, чтобы открыть дверь къ высшей любви.

И въ ея позѣ можно было прочесть слово: *Ecce ancilla Dei*, также точно, какъ точно фигура оставляетъ свой отпечатокъ на воскѣ.

«Не останавливай вниманія на одной точкѣ»; — сказалъ мнѣ дорогой учитель, который имѣлъ меня съ той стороны, съ которой люди имѣютъ сердце.

Поэтому я посмотрѣлъ дальше и увидѣлъ, послѣ Маріи, съ той стороны, съ которой находился тотъ, который меня велъ,

Другую исторію, впечатлѣтельную въ скалѣ. Вотъ почему я пошелъ впереди Виргилія и приблизился, чтобы она находилась въ полѣ моего зрѣнія.

Тамъ, на мраморѣ была изображена колесница и быки, которые взяли священныи ковчегъ, столь грозный для всякаго, который хочетъ исполнить дѣло, не довѣренное ему³).

Впереди видно было много людей и эта толпа, раздѣленная на семь хоровъ, заставляла говорить два мои чувства: да, они поютъ! нѣтъ, они не поютъ!

Точно также и передъ дымомъ оміама, столь хорошо представленнымъ, мои глаза и мое обоняніе были въ раздорѣ между собой, относительно да и нѣтъ.

Съ приподнятымъ одѣяніемъ предшествовалъ благословенному сосуду смиренный псалмопѣвецъ, и въ эту минуту онъ былъ и больше и меньше, чѣмъ царь.

Передъ нимъ и на вершинѣ большого дворца, Мелхола разсматривала его, какъ женщина презрительная и печальная⁴).

Я оставилъ мѣсто, гдѣ находился, чтобы ближе посмотрѣть другую исторію, которая бѣжала позади Мелхолы.

Тамъ была изображена высокая слава того римскаго монарха, который своею великою добродетелью подвинулъ Григорія на великую побѣду⁵⁾.

Я говорю о Траянѣ, императорѣ. Вѣдная вдова держала узду его лошади, въ слезахъ и опечаленная;

Вокругъ него было много всадниковъ, и знамена съ золотыми орлами развѣвались надъ его головою по вѣль вѣтра.

Несчастная, среди всѣхъ, точно говорила: «господишь, отомсти за моего сына, который умеръ; это раздираетъ мнѣ сердце».

А тотъ ей отвѣчалъ: «подожди до тѣхъ поръ, пока я вернусь». А она, какъ человѣкъ, котораго подстрекаетъ страданіе:

«А если ты не вернешися?» А онъ ей: «тотъ, кто будетъ на моемъ мѣстѣ, отомститъ за тебя». А она: «какая польза будетъ тебѣ отъ того, что другой вынудитъ обязательство, о которомъ ты забываешь?»

Наконецъ онъ: «успокойся, я долженъ вынудить мой долгъ, прежде чѣмъ удалиться. Справедливость этого требуетъ и жалость удерживаетъ меня».

Тотъ, который никогда не видѣлъ новой вещи⁶⁾, создалъ этотъ видимый языкъ, новый для насъ, ибо онъ не находится на землѣ.

Въ то время, когда я восхищался изображеніями такого смиренія, столь дорогими для того, кто знаетъ работника,

«Вотъ тамъ много душъ, — шепталъ поэтъ, — идущихъ медленно. Онѣ поведутъ насъ къ высшимъ ступенямъ».

Мои глаза, нетерпѣливые созерцать новыя вещи, на которыя они жадны, не замедлили обратиться къ нему.

Я не хочу, читатель, чтобы ты падалъ духомъ, видя какъ Богъ хочетъ, чтобы долги платились.

Не обращай вниманія на форму мученія, думай лишь о томъ, что слѣдуетъ за нимъ, думай, что оно не можетъ продолжаться дольше великаго суда.

Я началъ: «учитель! то, что я вижу двигающимся по направлению къ намъ, не кажется мнѣ людьми, и я не знаю, что это можетъ быть—до такой степени мой взглядъ неувѣренъ».

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «тяжелое условіе ихъ мученій до такой степени пригибаетъ ихъ къ землѣ, что вначалѣ мои глаза сомнѣвались»;

«Но смотри внимательно и съ помощью своихъ глазъ воссоздай то, что подвигается подъ тяжелыми камнями. Ты и теперь можешь судить, какъ каждый изъ нихъ мучится».

О, гордые христіане, несчастные и слабые, которые, потерявъ духовное зрѣніе, довѣряетесь вашимъ ногамъ, увлекающимъ васъ назадъ!

Развѣ не видите вы, что мы—черви, рожденные для того, чтобы образовать этотъ ангельскій мотылекъ, который безъ защиты летитъ къ справедливости ⁷⁾.

Зачѣмъ вашъ умъ кичится, точно пѣтухъ? Вы не болѣе, какъ уродливыя насѣкомыя, черви, которыхъ ростъ не доконченъ.

Какъ для того, чтобы подпереть доску или крышу, — вмѣсто столба видишь фигуру съ колѣнами прижатыми къ груди,

И это рождаетъ изъ ложнаго страданія страданіе дѣйствительное въ тѣхъ, кто это видятъ, — такъ и я видѣлъ души, когда наблюдалъ ихъ внимательно.

Правда, что онѣ были болѣе или менѣе сгорблены, согласно тому, имѣли-ли на себѣ онѣ больше или меньше тяжести, и та, у которой было болѣе терпѣнія въ страданіи,

Казалось, говорила, жалуясь: «мнѣ больше не вмочь».

ПРИМЪЧАНІЯ.

¹⁾ Поликлеть — знаменитый греческий скульптор.
²⁾ Архангелъ Гавріиль, возвѣстившій Дѣвъ-Маріи рожденіе Иисуса Христа (Ев. отъ Луки, 1).

³⁾ Намекъ на исторію Озы, который былъ пораженъ смертью въ ту минуту, когда пробовалъ поддержать падавшій ковчегъ.

⁴⁾ Гордости Мелхолы казалось, что Давидъ принижаетъ царское величіе тапцуя передъ ковчегомъ. (См. Вторая книга «Царствъ», гл. 6, ст. 16).

⁵⁾ Папа Григорій Великій, читая однажды жизнь Траяна и видя великія добродѣтели этого императора, сталъ жалѣть его, потому что, будучи язычникомъ, онъ не могъ быть спасенъ. Тогда, войдя въ церковь, онъ такъ горячо сталъ молить Бога спасти душу Траяна, что Богъ услышалъ его молитву и Траянъ былъ выведенъ изъ ада. Но Богъ наказалъ Григорію никогда больше не просить ни объ одномъ невѣрномъ или язычникѣ (Гранжъе).

⁶⁾ Т. е. Бога.

⁷⁾ *Angelica farfalla* — ангелъ Божій. Эмблематическое изображеніе души человѣческой. Внизу доски, на которой награвирована была статуя стоящей Психеи, которая держитъ въ одной рукѣ мотылька, Канова при казалъ вырѣзать эти стихи Данте:

*Non v'accorgete voi, che noi siam vermi
 Nati a formar l'angelica farfulla.*

(Развѣ не видѣли вы, что мы — черви, рожденные для того, чтобы образовать этого ангельскій мотылекъ).

Неравномерно обремененныя, онѣ все подвигались... (стр. 68).

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

Молитва Гордецовъ. Виргилій спрашиваетъ у нихъ, по какой дорожкѣ легче восходить. Одинъ изъ Гордецовъ показываетъ се ему. Въ толибъ Данте узнаетъ миниатюриста Одерши д'Агобіо, который рассказываетъ ему исторію итальянскихъ живописцевъ.

«О, отецъ нашъ, живущій въ небѣ, не потому что ты заключенъ небесами, а потому, что ты одушевленъ великою любовью къ первымъ существамъ, находящимся тамъ,

«Да будутъ восхвалены твое имя и твоя воля всякимъ существомъ, какъ слѣдуетъ привѣтствовать твою верховную мудрость.

«Да придетъ къ намъ твое царствіе, ибо если оно не придетъ къ намъ, мы не можемъ идти къ нему, не смотря на весь нашъ разумъ.

«Подобно тому какъ ангелы жертвуютъ тебѣ свою волю, восхваляя Осанна, — такъ пусть дѣлаютъ и люди.

«Дай намъ сегодня насущный хлѣбъ, безъ котораго въ этой ужасной пустынѣ тотъ идетъ назадъ, кто больше другихъ старается подвигаться впередъ.

И, подобно тому, какъ мы прощаемъ зло, отъ котораго мы страдали, такъ и ты, благодѣтельствующій, прощай, не обращая вниманія на наши заслуги.

«Нашу добродѣтель, ослабѣвающую такъ легко, не выставляй на удары древняго врага, но освободи насъ отъ него, искушающаго насъ такъ сильно.

«Эту послѣднюю молитву, о, Господи, мы обращаемъ къ тебѣ не ради насъ, ибо мы въ ней уже не нуждаемся, но ради тѣхъ, которые остались позади насъ».

Такъ молясь за себя и за насъ эти души шли, обремененныя своею пошею, похожей на ту ношу, которую видишь по временамъ во снѣ.

Неравномѣрно обремененныя, онѣ все подвигались, пренепопеченныя печали и утомленныя, по первому карнизу, чтобы очистить себя отъ пятенъ міра.

Если тамъ всегда молятся за насъ, то что должны здѣсь говорить и дѣлать для этихъ душъ тѣ, у которыхъ есть воля, имѣющая хорошіе корни!

Нужно помочь имъ смыть пятна, которыя онѣ вынесли изъ міра, чтобы, очищенные и свободныя, онѣ могли подняться къ звѣзднымъ колесамъ.

«О, да облегчить васъ скоро справедливость и милосердіе, чтобы вы могли двигать крыльями, которыя унесутъ васъ, согласно вашимъ желаніямъ.

«Укажите намъ, по какой дорогѣ нужно идти, чтобы поскорѣй дойти до лѣстницы, и, если есть нѣсколько проходовъ, укажите намъ менѣе крутой,

«Ибо тотъ, который идетъ со мной, обремененный тою плотью

Адама, въ которую онъ закутанъ, медленно восходить, не смотря на свои добрыя желанія».

Слова этихъ душъ, сказанныя въ отвѣтъ на слова того, за которыми я слѣдовалъ, достигли до насъ неизвѣстно откуда;

Но они были такія: «идите съ нами, направо, по берегу, и вы найдете проходъ, по которому можетъ пройти живой человѣкъ,

«И еслибъ мнѣ не мѣнялъ этотъ камень, который укрощаетъ мое гордое чело и заставляетъ меня внизъ поникнуть лицомъ,

«То я-бы посмотрѣлъ, чтобы убѣдиться, знаю-ли я того, который принадлежитъ еще къ міру живыхъ и не называетъ себя, — и постарался-бы возбудить его жалость къ моимъ страданіямъ.

«Я былъ латинянинъ и сынъ великаго Тосканца; Рудольфомъ Альдобрандески былъ моимъ отцомъ; не знаю, доходило-ли когда-либо до васъ его имя.

«Древняя кровь и блестящіе подвиги моихъ предковъ сдѣлали меня столь спесивымъ, что, не думая больше объ общей матери,

«Я презиралъ всякаго человѣка, и до такой степени, что это презрѣніе было причиною моей смерти, какъ это знаютъ Сиенцы и какъ въ Кампаньятико знаетъ каждый ребенокъ ¹⁾.

«Я—Умберто, и гордость не только мнѣ повредила, но также и веѣмъ моимъ родственникамъ, которые были увлечены ею въ несчастіе.

«И я долженъ теперь, за мой грѣхъ, нести здѣсь эту тяжесть, до тѣхъ поръ, пока Богъ не будетъ удовлетворенъ. То, чего я не сдѣлалъ среди живыхъ, я долженъ сдѣлать среди мертвыхъ».

Слушая его, я поникъ головой; тогда одна изъ тѣпей, не та, которая говорила, обернулась подъ тяжестью, затруднявшей ее,

И увидѣла меня, и узнала меня, и позвала меня, съ большимъ трудомъ направляя свои глаза на меня, который, съ поникнутой головой, шелъ рядомъ съ ними.

«О, сказала я, не Одеризи-ли ты, честь Агобіо, слава того искусства, которое въ Парижѣ называлось раскраской ²⁾».

«Братъ, — отвѣчалъ онъ, — теперь считаютъ болѣе приятными листы, которые раскрашивать Франко Боломезе ³⁾: теперь вся слава принадлежать ему одному, изъ нея мнѣ остается лишь немного.

«Я не былъ-бы такъ любезенъ при жизни, по причинѣ великаго желанія отличатся въ искусствѣ, которому было предано мое сердце.

«Здѣсь некунается такая гордость. Я-бы не былъ даже и въ этомъ мѣстѣ, если-бы, имѣя возможность еще грѣшнить, я не обратился къ Богу.

«О, суетная слава человѣческой мощи! Какъ скоро исчезаетъ зелень съ твоей верхушки, если она не укрѣплена многими годами!

«Чимабуэ ⁴⁾ полагалъ, что закрѣпить за собой поле живописи, а теперь слава у Джіотто ⁵⁾, такъ что слава перваго затуманилась.

«Такъ одинъ Гвидо ⁶⁾ отнять у другого Гвидо ⁷⁾ славу языка, и можетъ быть уже родился третій, который прогонитъ какъ одного, такъ и другого изъ его гнѣзда.

«Шумъ міра есть не болѣе, какъ дуновеніе вѣтра, волнующагося то тамъ, то здѣсь, и перемѣняетъ свое имя, перемѣняя направленіе.

«Заслужилъ-ли бы ты большую славу, если-бы освободился отъ плоти, изношенной страстью, или-же если-бы ты умеръ прежде, чѣмъ потерялъ свой дѣтскій лепетъ,

«Прежде, чѣмъ исполнится тысячу лѣтъ?—время болѣе короткое, въ сравненіи съ вѣчностью, чѣмъ движеніе бровей въ сравненіи съ звѣздой, которая въ небѣ вращается медленнѣе другихъ.

«Тотъ, который такъ медленно идетъ передъ тобой, былъ прославленъ въ Тосканѣ, а теперь только изрѣдка повторяютъ его имя въ Сіеннѣ,

«Гдѣ онъ былъ правителемъ, когда было уничтожено бѣшенство Флоренціи, которая была въ то время такъ-же горда, какъ теперь она развратна.

«Ваша извѣстность имѣетъ цвѣтъ травы, рождающейся и потомъ

погибающей, и тотъ, который отымасть у ней ея цвѣтъ, — есть тотъ самый, который родилъ ее зеленой на землѣ».

И я сказалъ ему: «твоя справедливая слова внушаютъ мнѣ спасительное смиреніе и моя великая спесь унижается. Но кто тотъ, о которомъ ты сейчасъ говорилъ?»

«Это, — сказалъ онъ, — Ировеннано Сальвани ⁸⁾. Онъ находится здѣсь, потому что имѣлъ самонадѣянность управлять Сиенной только своими руками.

«Онъ шелъ и идетъ такъ безъ отдыха съ тѣхъ поръ, какъ умеръ. Такова монета, которую долженъ отдать, вмѣсто платы, тотъ, кто слишкомъ былъ смѣлъ на землѣ».

И я ему сказалъ: «если какой-либо духъ, ожидающій, прежде чѣмъ раскаяться, предѣловъ своей жизни, остается внизу горы и не восходить сюда, —

«Развѣ ему поможетъ благодѣтельная молитва, — столько времени, сколько онъ жилъ, то какимъ образомъ войти въ это мѣсто былъ ему дозволено?»

«Когда онъ находился на вершинѣ своей славы, — отвѣчалъ тотъ, — онъ сталъ на колѣни добровольно на площади Сиенны, оставивъ всякій стыдъ;

«И тамъ, чтобы освободить своего друга отъ страданія, которое тотъ испытывалъ въ темницѣ Карла, онъ началъ трепетать всѣми своими членами.

«Я больше ничего не скажу. Я знаю, что мои слова темны, но немного пройдетъ времени, когда твои сограждане сдѣлаютъ такъ, что ты поймешь смыслъ этихъ словъ ⁹⁾.

«Этотъ поступокъ открыть ему дверь области»:

ПРИМЪЧАНІЯ.

¹⁾ Говорящій — Умберто изъ графовъ Санта-Фиора, сынъ Гульельмо Альдобрандески, богатаго сѣннскаго вельможи. Онъ былъ такъ надмѣненъ, что сѣнницы умертвили его въ Кампаньятико, въ Мореммахъ.

²⁾ Одеризи изъ Губбіо или Агобіо — извѣстный миниатюристъ.

³⁾ Франко, по названію Болоньезе, потому что онъ былъ родомъ изъ Болоньи.

⁴⁾ Чимабузъ, одинъ изъ величайшихъ флорентинскихъ художниковъ, родился въ 1240 г., умеръ въ 1300 г. Вентури полагаетъ, что стихи Данте:

Credette Cimabue nella pittura
Tener lo campo; ed ora ha Giotto il grido.
Si che la fama di colui è ascura,

(Чимабузъ полагалъ, что закрѣпиль за собой поле живописи, а теперь слава Джіотто, такъ что слава перваго затуманилась), — составляютъ намекъ, на слѣдующіе стихи эпитафіи Чимабузъ, начертанныя на памятникѣ этого художника во Флорентинскомъ соборѣ:

Credidit ut Cimabos picturae castra tenere:
Certe sic tenuit: nunc tenet astra poli.

⁵⁾ Джіотто умеръ въ 1336 году.

⁶⁾ Гвидо Гвиничелли изъ Болоньи, извѣстный поэтъ.

⁷⁾ Гвидо, сынъ Кавальканте-Кавальканти, также извѣстный поэтъ. Данте упоминаетъ о немъ въ десятой пѣснѣ «Ада».

⁸⁾ Провенцано Сальвани пользовался большимъ влияніемъ въ Сіенѣ въ эпоху, какъ говоритъ поэтъ: «когда было уничтожено бѣшенство Флоренціи», т. е. когда флорентинцы были разбиты сіенцами въ сраженіи при Монте-Аперто. Этотъ Провенцано Сальвани, узнавъ, что одинъ изъ его друзей былъ взятъ въ плѣнъ Карломъ I, королемъ обѣихъ Сицилій, который за его освобожденіе требовалъ 100,000 золотыхъ флориновъ, — сталъ на колѣни на площади Сіенны, прося жителей бросать деньги на выкупъ этого друга.

⁹⁾ Т. е. «я ты (Данте), подобно Провенцано, будешь изгнанъ своими согражданами, и будешь, дрожа всѣми членами, просить милостыню».

Къ намъ приближалось прекрасное существо... (стр. 77).

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

Оставивъ Одеризи, поэты видятъ на карнизѣ скульптурныя изображенія различныхъ примѣровъ гордости. Ангель показываетъ имъ дорогу, ведущую во второй кругъ. Тронинка становится удобнѣе и легче. Слышно благочестивое пѣніе. Ангель очищаетъ Данте отъ грѣха гордости.

Какъ пара быковъ подъ ярмомъ, эта отягченная душа и я, мы шли рядомъ, пока позволялъ мой дорогой учитель.

Но когда онъ сказалъ мнѣ: «оставь его и иди, ибо здѣсь нужно, чтобы каждый, прибѣгая къ парусамъ и къ весламъ, на сколько возможно, подвигалъ впередъ свою лодку»,

Я выпрямилъ свое тѣло, какъ оно и слѣдуетъ, когда хочешь идти, хотя мысли мои оставались придавленными и удрученными.

Я пошелъ и охотно слѣдовалъ вслѣдъ за моимъ учителемъ, и оба мы нашими движеніями обнаруживали, какъ намъ легко.

И вдругъ онъ мнѣ сказалъ: «направь свои глаза внизъ; не мѣняешь, съ цѣлью облегчить дорогу, видѣть землю, по которой ты шагаешь».

Подобно тому, какъ ради того, чтобъ осталась память мертвыхъ, гроба, находящіеся подъ каменнымъ поломъ церквей, обозначены портретами покойниковъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они некогда были,

И принимаешься не разъ плакать, опечаленный этимъ воспоминаемъ, которое заставляетъ чувствовать свой уколъ только у благочестивыхъ сердецъ, —

Такъ вся дорога, между горой и бездною, была украшена фигурами, но еще болѣе похожими, благодаря болѣе высокому искусству.

Съ одной стороны я увидѣлъ, какъ тотъ, который былъ созданъ болѣе благороднымъ, чѣмъ все существо, упалъ съ небесъ подобно молніи;

Съ другой стороны я увидѣлъ Бриарей ¹⁾, пораженного небесной стрѣлой, лежащаго на землѣ, и омрачае ее своимъ смертельнымъ холодомъ;

Я увидѣлъ Тимбрея ²⁾, я увидѣлъ Палладу и Марса, еще вооруженныхъ, вокругъ ихъ отца, и созерцавшихъ разсѣянные члены гигантовъ;

Я увидѣлъ Нимрода ³⁾, у подножья его огромной башни, смотрящаго, точно безумный, на народы, которые вмѣстѣ съ нимъ были въ Сенаарѣ.

О, Ніобѣ ⁴⁾, съ какими опечаленными глазами я увидѣлъ тебя, позбращенной на дорогѣ, между семью и семью мудрыми дѣтьми!

О, Саулъ! Какъ, пораженный своимъ собственнымъ копьемъ, ты предсталъ передъ моими глазами мертвый на горѣ Гельвуйской, которая съ тѣхъ поръ не чувствовала болѣе ни дождя, ни росы ⁵⁾.

О, безумная Арахнэ ⁶⁾! Я уже видѣлъ, какъ ты на половину превращена въ паука, погружена въ печаль надъ остатками ткани, которая, къ несчастію, была соткана для тебя.

О, Ровоамъ ⁷⁾! Твои стрѣлы здѣсь не кажутся угрожающими,

но, полонъ ужаса, ты убѣгаешь на колесницѣ прежде, чѣмъ другіе тебя выгонять.

Твердая мостовая показывала еще, какъ Алкмеонъ ⁸⁾ дорого заставилъ заплатить свою мать за ея несчастный уборъ.

Она показывала, какъ сыновья Сенахериба бросились на него въ храмъ и какъ они оставили его мертвымъ ⁹⁾.

Она показывала разореніе и жестокое наказаніе Кира, когда Томириса говорила ему: «ты жаждать крови и я наполняю тебя кровью» ¹⁰⁾.

Она показывала, какъ убѣжали въ безпорядкѣ ассирійцы, когда умеръ Олофернъ, и остатки этой рѣзни.

Тамъ я увидѣлъ Трою въ цеплѣхъ и въ развалинахъ; о, Иліонъ, какъ изображенія, находившіяся тамъ, изображали тебя прокаженнымъ и опозореннымъ ¹¹⁾.

Кто былъ властелиномъ кисти и рѣзца, изобразившій тѣпи и позы, которыми долженъ восхищаться самый смѣлый умъ?

Мертвые казались мертвыми, живые казались живыми. Тотъ, который видѣлъ дѣйствительность, не видѣлъ ее лучше, чѣмъ я все, чтѣ я топталъ ногами, пока я шелъ съ наклоненною головою.

Гордитесь-же, идите съ вызывающимъ видомъ, о, сыны Евы, и не наклоняйте головы, чтобы видѣть вашу дурную дорогу!

Мы прошли уже много пути вокругъ горы, и солнце подвинулось уже больше въ своемъ бѣгѣ, чѣмъ могъ думать нашъ озабоченный умъ,

Когда тотъ, который попрежнему впереди шелъ, съ прежнимъ вниманіемъ началъ: «приподыми голову! Теперь не время идти медленнымъ и разсѣяннымъ шагомъ.

«Вотъ ангелъ, который готовится подойти къ намъ; вотъ уже шестая служанка дня окончила свое дѣло ¹²⁾.

«Отпечатлѣй на своемъ лицѣ и на всей своей фигурѣ уваженіе, чтобы ему было пріятно отправить насъ туда, наверхъ; подумай, что этотъ день никогда уже не возвратится».

Я уже привыкъ, благодаря его замѣчаніямъ, не терять времени, такъ что въ этомъ отношеніи его языкъ не могъ быть для меня темнымъ.

Къ намъ приближалось прекрасное существо, все одѣтое въ бѣлое одѣяніе и блестящее, какъ утренняя звѣзда.

Оно распростерло руки и затѣмъ раскрыло крылья, говоря: «идите! Здѣсь возлѣ есть ступени, и по нимъ легко подыматься, будучи очищеннымъ».

На такое приглашеніе очень рѣдко идутъ и отвѣчаютъ. О, родъ человѣческой, рожденный, чтобы парить въ высотѣ! Почему такъ падать при малѣйшемъ вѣтрѣ?

Ангель повелъ насъ къ мѣсту, гдѣ скала была вырублена; тамъ онъ ударилъ мое чело своими крыльями ¹³⁾, потомъ обѣщаль мнѣ вѣрное и спокойное странствованіе.

Подобно тому, какъ по правую сторону, чтобы взойти на гору, гдѣ находится церковь ¹⁴⁾, господствующая надъ Флоренціей, городомъ хорошо управляемымъ, тамъ, подъ Рубаконте,

Крутой спускъ горы смягчается благодаря лѣстницамъ, которыя были сооружены въ то еще время, когда книги и мѣры общественныя велись точно, —

Такъ смягчился и спускъ, ведущій и ко второму кругу, но высокія стѣны сдавливаютъ насъ справа и слѣва.

Когда мы проникли въ этотъ проходъ, какіе-то голоса зазѣли: «*Beati pauperes spiritu* ¹⁵⁾ такъ иѣжно, какъ никакое слово не въ состояніи выразить.

О, какъ эти тропинки отличны отъ тѣхъ, которыя находятся въ аду! Одними входимъ при звукѣ пѣсней, другими — при крикахъ отчаянія и бѣшенства.

Мы входили уже по святой лѣстницѣ, и мнѣ казалось, что я гораздо легче, чѣмъ былъ въ долигѣ;

И поэтому я воскликнулъ: «учитель, скажи мнѣ, отъ какой тяжести я былъ освобожденъ, если теперь я не чувствую никакой усталости иди?»

Опъ отвѣчалъ мнѣ: «когда буквы Р, еще оставшіяся на твоемъ челѣ, но уже почти стертые ¹⁰⁾, совсѣмъ исчезнутъ,

«Твоя ноги будутъ до такой степени въ распоряженіи твоей воли, что они совсѣмъ не будутъ чувствовать усталости; для нихъ будетъ удовольствіемъ восходить».

Тогда я поступилъ такъ, какъ поступаютъ тѣ, которые идутъ, имѣя на головѣ что-либо, не зная этого, но о чемъ они догадываются по знакамъ другихъ;

Сейчасъ-же ихъ рука помогаетъ имъ въ этомъ убѣдиться; они ищутъ, находятъ и исполняютъ то дѣло, которое не можетъ быть исполнено зрѣніемъ.

Протянувъ пальцы правой руки, я нашелъ только шесть буквъ, которыя были отпечатаны ангеломъ на моемъ челѣ.

Видя это, мой руководитель сталъ улыбаться.

П Р И М Ѣ Ч А Н І Я.

1) Бриарей или Эгеонъ, сынъ Титана и Земли; у него было сто рукъ и пятьдесятъ головъ. Онъ былъ схваченъ Пентуномъ и заключенъ подъ Этной.

2) Тимбрей — прозвище Аполлона.

3) Инчиродъ — одинъ изъ тѣхъ, которые строили Вавилонскую башню въ долинѣ Сенгара.

4) Ниоба — дочь Тантала и жена Амфіона. У ней было семь сыновей и семь дочерей. Гордая такимъ многочисленнымъ потомствомъ, она разсердилась Латою, у которой было только двое дѣтей. Латою отомстила ей тѣмъ, что угворила Аполлона и Діану умертвить стрѣлами всѣхъ ея дѣтей. Ниоба, окаменѣвшая отъ страданія, была превращена въ скалу. Во Флоренціи находится знаменитая группа Ниобидъ, приписываемая Праксителю однимъ и Скопасу — другими. Эта группа была найдена въ Римѣ въ 1583 году.

5) Намекъ на проклятіе, брошенное противъ горы Гельвуйской Давидомъ: «Горы Гельвуйскія! Да не сойдетъ ни роса, ни дождь на васъ» (Montes Gelboe, necque ros, necque pluvia veniant super vos). Вторая книга Царствъ, глава I, ст. 21.

6) Арахнэ такъ прекрасно вышивала, что однажды сказала, что Минерва съ нею не справится, и дѣйствительно побѣдила богиню. Минерва въ бѣшенствѣ ударила по головѣ Арахнэ своимъ ткацкимъ челнокомъ. Въ отчаяніи Арахнэ повѣсилась и была превращена въ паука.

7) Ровоамъ, сынъ Соломона; противъ него возстало одиннадцать племенъ.

8) Алкмеонъ, сынъ Амфіарая. Амфіарай, не желая участвовать въ войнѣ съ Фивами, спрятался, но былъ преданъ своей женой Эрифилой, которая за этотъ поступокъ получила драгоценный головной уборъ. Алкмеонъ отомстил за смерть отца, убивъ свою собственную мать Эрифилу.

9) Сеннахеробъ, ассирійскій царь, во время приношенія жертвы идоламъ, былъ умерщвленъ въ храмѣ своими двумя сыновьями.

10) Томприса — царица Скионъ. По Геродоту, Томариса, захвативъ въ плѣвъ персидскаго царя Кира, приказала отрубить ему голову, потомъ погрузила эту голову въ сосудъ, наполненный человѣческой кровью, и воскликнула: «насытись же этой кровью, которой ты такъ жаждал!».

11) Данте отличаетъ Троию отъ Иліона: Троя — провинція, Иліонъ — столица.

12) Шестой часъ. Въ XXII пѣснѣ «Чистилища» Данте говорить:

E già la quattro ancelle eran del giorno

Rimase addietro.

(я уже четыре служанки для остались позади).

¹³⁾ Чтобы стереть одну из букв Р съ чела Данте, т. е. стереть грѣхъ гордости.

¹⁴⁾ Церковь Санъ-Миниато, построенная на значительной возвышенности, возлѣ Флоренціи, близъ моста черезъ Арно, по названію Рубаконте. Этотъ мостъ былъ построенъ въ то еще время, когда не поддѣльвались городскія книги и мѣры. Въ эпоху Данте, двѣ флорентинскія семьи были обвинены въ томъ, что одна изъ нихъ фальсифицировала городскія книги, а другая уменьшала объемъ общественныхъ мѣръ.

¹⁵⁾ Блаженны, нищіе духомъ.

¹⁶⁾ Грѣхъ гордости, самый важный изъ всѣхъ, когда исчезнетъ, то съ нимъ исчезаютъ почти всѣ другіе грѣхи.

Они, казалось мнѣ, были покрыты грубой власнищей... (стр. 83).

ПѢСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

Второй кругъ Чистилища, гдѣ очищается грѣхъ Зависти. Поэты встрѣчаютъ по дорогѣ небесныхъ духовъ, которые невидимо летая, рассказываютъ различные примѣры любви. Затѣмъ поэтъ видитъ души завистливыхъ читающихъ литаніи святыхъ. Данте разговариваетъ съ Саліей, сѣнной дамой.

Мы уже были на вершинѣ лѣстницы, гдѣ во второй разъ съуживается гора, на которой грѣшники очищаются, восходи.

И тамъ также карнизъ, подобный первому, окружаетъ высоту; только его окружность не такъ велика.

Тамъ нѣтъ ни рельефовъ, ни рѣзьбы; стѣны гладки и дорога вымощена камнемъ синеватаго цвѣта.

«Если мы будемъ ждать здѣсь кого-нибудь, который-бы намъ показалъ дорогу, — сказалъ поэтъ, — боюсь, что нашъ выборъ слишкомъ заставитъ себя ждать».

Затѣмъ онъ направилъ свои глаза на солнце; изъ своей правой ноги онъ сдѣлалъ центръ движенія и повернулъ вокругъ него лѣвую часть самого себя.

«О, сладостный свѣтъ, подь которымъ я выхожу съ довѣріемъ на новую дорогу; веди насъ, — говорилъ онъ, — согласно тому, какъ намъ слѣдуетъ вестись въ этомъ кругу.

«Ты согрѣваешь міръ и освѣщаешь его; если только какая-нибудь другая причина не воспринимаетъ, то лучи должны быть нашими путеводаителями».

То, что считается на землѣ одной милей, мы прошли въ очень короткое время, благодаря нашей быстрой волѣ,

И мы почувствовали, что къ намъ летятъ, ибо мы не видѣли ихъ, духи, которые любезно приглашали души къ трапезѣ любви.

Первый голосъ, пролетая, сказалъ яено: «*Vinum non habent*¹⁾», и онъ удалился назадъ, повторяя эти слова.

И прежде, чѣмъ этотъ голосъ пересталъ слышаться, въ отдаленіи другой пролетѣлъ, восклицая: «я—Орестъ», и ²⁾, подобно первому, не остановился.

«О, отецъ!—сказалъ я тогда,—какіе это голоса?» Но въ то время, какъ я спрашивалъ, третій голосъ говорилъ: «любите тѣхъ, кто вамъ дѣлалъ зло».

Добрый учитель сказалъ: «этотъ кругъ наказываетъ и бичуетъ грѣхъ зависти; и поэтому веревки бича управляются любовью.

«Узы этихъ грѣшниковъ ³⁾ издають совершенно другой звукъ. Я думаю, что ты его услышишь прежде, чѣмъ придешь къ мѣсту, гдѣ прощаются.

«Но сквозь воздухъ внимательно направь свои взоры въ эту сторону, и ты увидишь передъ нами сидяція души, прислоненныя спинами къ скалѣ».

Тогда я открылъ глаза больше, чѣмъ прежде; и посмотрѣлъ вокругъ себя и увидѣлъ тѣни въ плащахъ такого-же цвѣта, какъ и камень.

И когда мы нѣсколько больше подвинулись, я услышалъ крики: «Марія, молись за насъ!», затѣмъ другіе крики: «Михаилъ, Петръ, и всѣ святые, молитесь за насъ».

Не думаю, чтобы въ наши дни нашелся на землѣ человѣкъ столь жестокій, который-бы не былъ тронуть состраданіемъ отъ того, что я потомъ увидѣлъ.

Ибо, когда я очутился такъ близко къ этимъ духамъ, что ни одно движеніе ихъ не было скрыто отъ меня, я почувствовалъ своими глазами, какъ отъ меня исходило великое страданіе.

Они, казалось мнѣ, были покрыты грубой власяницей, каждый изъ нихъ поддерживалъ другого своимъ плечомъ, и все опиралось на скалу.

Такъ слѣпые, у которыхъ нѣтъ хлѣба, стоятъ у Прощеній ⁴⁾, гдѣ они просятъ милостыню, облакачивая голову одинъ на другого,

Чтобы состраданіе тронуло сердце, не только звуками словъ, но также и зрѣніемъ, которое не менѣе возбуждаетъ его.

И, подобно тому, какъ солнце не доходитъ до слѣпыхъ, такъ и тѣнямъ, о которыхъ я говорилъ, свѣтъ неба отказывается въ милости;

Потому что у всехъ вѣки пронизаны и шиты желѣзной нитью, какъ у дикаго ястреба, который не остается спокойнымъ ⁵⁾.

Подвигаясь впередъ, мнѣ казалось, что будетъ оскорбленіемъ смотрѣть на другого, не будучи видимымъ имъ; поэтому я обратился къ моему мудрому совѣтнику.

Онъ зналъ, что я, молчаливый, хочу сказать; поэтому онъ и не ждалъ моего вопроса; но сказалъ мнѣ: «говори, и будь кратокъ и точенъ».

Виргилій шелъ по той сторонѣ дороги, съ которой можно упасть въ пропасть, потому что она не защищена никакимъ заборомъ.

По другой моей сторонѣ находились тѣ тѣни, которыя тихо страдали отъ этого ужаснаго шва, что смачивалъ слезами ихъ щеки.

Я обратился къ нимъ: «о, вы, — началъ я, — которые увѣрены, что увидите свѣтъ неба, — единственная забота вашихъ желаній!

«Да разсвѣтъ благодать плъну вашей совѣсти; да течетъ, благодаря ей, рѣка вашего ума чистой и ясной!

«Скажите мнѣ (и для меня это будетъ вещью пріятной и дорогой), есть-ли между вами латинская душа, и можетъ быть, если я ее знаю, я могу быть ей полезенъ».

«О, мой братъ! Каждая изъ насъ есть гражданка единственнаго и истиннаго града, но ты, конечно, говоришь о душѣ, которая pilgrimageствовала во время своей жизни въ Италіи».

Мнѣ показалось, что я слышу этотъ отвѣтъ съ мѣста, которое находилось нѣсколько впереди того, на которомъ я стоялъ; поэтому я подошелъ нѣсколько ближе къ этому мѣсту.

Среди другихъ тѣней я увидѣлъ одну, которая была точно въ ожиданіи, и если кто-либо спроситъ меня, какъ я могъ это замѣтить, я отвѣчу, что ее подбородокъ былъ поднятъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ слѣпой.

«Духъ, — сказалъ я, — принижающійся такъ, чтобы взойти на вершину, если ты мнѣ отвѣчалъ, Расскажи мнѣ о своей странѣ и о своемъ имени».

«Я — сѣеника, — отвѣчала она, — и съ этими другими душами я очипаю въ этомъ мѣстѣ мою преступную жизнь, моля съ рыданіями того, кто долженъ отдать себя намъ».

«Не мудрой я была, хотя мудрой ⁶⁾ я была названа, и я болѣе радовалась несчастіямъ другихъ, чѣмъ своему собственному счастью».

«И чтобы ты не думалъ, что я обманываю тебя, слушай, была-ли я, какъ сказала, безумной: я уже была на склонѣ мопхъ лѣтъ,

«Мои сограждане были около Колле, лицомъ къ лицу съ своими врагами, и я испрашивала у Бога то, чего и самъ онъ уже хотѣлъ».

«Они были разбиты и приведены къ горькому позору бѣгства; а я, видя эту погоню, я была охвачена радостью превыше всѣхъ другихъ радостей,

«До такой степени, что подняла мою нахальную голову, обра-

шаясь къ Богу: «теперь я больше не боюсь тебя»,—какъ сдѣлалъ дроздъ, обманутый зимой нѣсколькими днями хорошей погоды ⁷⁾).

«Къ концу моей жизни я хотѣла примириться съ Богомъ, но мой долгъ не былъ-бы уменьшенъ покаяніемъ,

«Если-бы Пьетро Петтинаньо ⁸⁾, котораго милосердіе было тронуту моими грѣхами, не вспомнилъ обо мнѣ въ своихъ святыхъ молитвахъ.

«Но кто ты, разширяющая о нашемъ положеніи, ты, которой, какъ мнѣ кажется, имѣешь открытыми глаза и говоришь, дыша?»

«Мои глаза, — отвѣчалъ я, — будутъ также закрыты здѣсь, но на короткое время, ибо не велико преступленіе, которое я совершилъ изъ-за зависти.

«Гораздо больше мое опасеніе, когда моя душа думаетъ о мученіи, испытываемомъ тамъ внизу. И теперь уже тяжесть, которую тамъ носить, чувствуется мною».

Она сказала мнѣ: «но кто тебя проведетъ сюда, если ты надеешься вернуться къ жизни?» Я отвѣчалъ: «тотъ, который со мною, и который ничего не говоритъ».

«Я принадлежу къ числу живыхъ; поэтому скажи мнѣ, избранный духъ, хочешь-ли ты, чтобы на землѣ я для тебя двигалъ моими смертными ногами?»

«О, это такъ ново для меня, — отвѣчала она, — что это великій знакъ того, что Богъ тебя любитъ; поэтому сопровождай меня своими молитвами.

«И умоляю тебя вѣжь тѣмъ, что тебѣ болѣе всего дорого, если когда-либо будешь поирать ногами землю Тосканы, возстанови мою честь среди моихъ родственниковъ.

«Ты ихъ увидишь среди того пустого народа, который положилъ свою надежду на Таламонэ и который потеряетъ тамъ больше надежды, чѣмъ если-бы искалъ Діану ⁹⁾;

«Но адмиралы еще больше потеряютъ» ¹⁰⁾).

ПРИМЪЧАПІЯ.

1) «У нихъ иѣтъ вина» — слова Богоматери въ Канѣ Галилейской (Ев. отъ Іоанна, 2, 3).

2) *I' sono Oreste* — слова Пилада, который хочетъ пожертвовать собою вмѣсто Ореста. Если-бы эти слова были сказаны самимъ Орестомъ, то въ нихъ не было-бы никакого смысла, какъ полагаютъ Вентури и другіе комментаторы.

3) Нѣжные голоса — это бичъ, возбуждающій завистливыхъ къ любви. «Вскорѣ», — прибавляетъ Виргилій, — ты узнаешь узду, т. е. угрожающіе голоса, которые должны обуздывать грѣхъ зависти.

4) Т. е. у церкви. Это зрѣлище можно видѣть и теперь еще у многихъ итальянскихъ церквей.

5) Въ прежнее время былъ обычай шивать шелковыми нитками вѣки ястребовъ, которыхъ обучали охотѣ. Потомъ этотъ способъ былъ замѣненъ кожанымъ копакомъ (по-французски *chapeçon*), который надѣвался на голову ястреба и закрывалъ глаза.

6) «*Savia non fui, avvegna che Sapia fossi chiamata*».

7) Согласно народному преданію въ Ломбардіи, одинъ дроздъ, обманутый нѣсколькими свѣтлыми и теплыми январскими днями и полагая, что зима кончилась, улетѣлъ изъ кѣтки, напѣвая: «*Non ti curo, domine*». Такъ

и Сана, удовлетворенная въ своей завистливой ненависти, насмѣхается надъ небомъ, отъ котораго она уже ничего не ожидала и ничего не боялась.

⁸⁾ Флорентинскій пустыльникъ.

⁹⁾ Сиенцы приобрѣли за большія деньги портъ Таламонэ на Средиземномъ морѣ, надѣясь съ помощью этого порта соперничать съ генуэзцами въ торговлѣ. Но зловредный воздухъ этой мѣстности заставлялъ ихъ вскорѣ бросить этотъ портъ. Діана — другое разочарованіе сиенцевъ. Это — ибъчто въ родѣ баснословной рѣки, которая, по мнѣнію сиенцевъ, должна была протекать у самыхъ стѣнъ Сиены. Они предпринимали огромныя подземныя работы, чтобы открыть эту рѣку, но всегда безуспѣшно.

¹⁰⁾ Т. е. тѣ, которые, принявъ химеру за дѣйствительность, увѣрены, что будутъ адмиралами флота, который будетъ стоять у порта Таламонэ.

Я отвѣчалъ: «среди Тосканы протекаетъ маленькая рѣчка...» (стр. 89).

ПѢСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Данте, попережнему въ кругу завистливыхъ, останавливается съ Виргиліемъ послушать, какъ говорятъ между собой Гвидо дель-Дука и Риньери да Кальболи. Гвидо дель-Дука оплакиваетъ испорченность, царствующую въ Тосканѣ и Романьѣ. Оба поэта, продолжая идти, слышатъ голоса духовъ въ воздухѣ, напоминающихъ грѣшникамъ печальныя послѣдствія зависти.

«Кто тотъ, который идетъ по нашей горѣ, прежде чѣмъ смерть дала ему полетъ, и который по произволу открываетъ и закрываетъ глаза?»

«Я не знаю, кто онъ, но я знаю, что онъ не одинъ; спроси его объ этомъ ты, который находишься къ нему ближе, и привѣтствуй его любезно, чтобы онъ не стѣснялся отвѣчать тебѣ».

Такъ два духа, облокотившись другъ на друга, разговаривали между собой обо мнѣ, по мою правую сторону; затѣмъ они приподняли лицо, чтобы заговорить со мною.

И одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: «о, душа, которая еще заключенная въ тѣлѣ, уже восходишь къ небу! Изъ милосердія угѣшь насъ и скажи намъ,

«Откуда ты и куда направляешься; ибо поразительная милость, дарованная тебѣ, удивляетъ насъ такъ, какъ нѣчто, чего никогда не было прежде».

И отвѣчала: «среди Тосканы протекаетъ маленькая рѣка, исходящая изъ Фальтероны ¹⁾, и которую пространство въ сто миль не можетъ насытить.

«Возлѣ этой рѣки я получила мое смертное тѣло. Сказать, кто я, было-бы напраснымъ, потому что мое имя не много еще звучитъ».

«Если можешь уможь я проникаю вѣрно намѣреніе твоей рѣчи,— отвѣчала мнѣ душа, спрашивавшая меня первой,— то ты говоришь объ Арно».

Другая ей сказала: «почему онъ скрылъ отъ тебя имя этой рѣки, какъ это дѣлаютъ обыкновенно о вещахъ ужасныхъ?»

И тѣмъ, спрошенная объ этомъ, отвѣчала слѣдующимъ образомъ: «этого я не знаю, но совершенно справедливо, чтобы имя такой долины погибло,

«Ибо съ самого ея источника, тамъ, гдѣ возвышается такъ высоко дикая гора, отъ которой отдѣляется Пелоро ²⁾, она переполнена такимъ количествомъ воды, что въ немногихъ мѣстахъ она возвышается надъ этимъ уровнемъ,

«До того пункта, куда рѣка направляется, чтобы возвратить то, что небо извлекло изъ моря, которому рѣки обязаны въ свою очередь всюю водою, которая идетъ съ ними.

«Добродѣтель избѣгается всѣми, какъ враждебный змѣй, вследствие несчастій этой страны, или вследствие другой привычки, господствующей тамъ.

«Жители этой несчастной долины до такой степени искажили

свою природу, что кажется будто Цирцея ³⁾ кормила ихъ въ своихъ пастбищахъ.

«Сначала среди грязныхъ поросятъ ⁴⁾, болѣе достойныхъ питаться желудями, чѣмъ другою пищею, созданною для человѣческаго употребленія, эта рѣка проводить свое бѣдное теченіе.

«Затѣмъ, спускаясь, она находитъ крикливыхъ собаченокъ, болѣе сварливыхъ, чѣмъ допускаетъ это ихъ сила ⁵⁾; поэтому она съ презрѣніемъ отварачиваетъ отъ нихъ свою морду;

«Она бѣжить быстрѣе, и чѣмъ болѣе она растетъ, эта проклятая и несчастная рѣка, тѣмъ болѣе она находитъ собакъ, дѣлающихся волками ⁶⁾.

«Спустившись потомъ, глубокими горлами, она находитъ лицъ до такой степени преисполненныхъ плутовства, что онѣ не боятся никакой засады, которая могла-бы ихъ словить ⁷⁾.

«Я не перестану говорить, хотя другой и слушаетъ меня, и это будетъ полезнымъ этому, лишь-бы только онъ помнилъ о случаѣ, который мнѣ открываетъ истинный духъ.

«Я вижу твоего внука, который становится охотникомъ на этихъ волковъ на берегу этой жестокой рѣки и преслѣдуетъ ихъ всѣхъ ⁸⁾;

«Онъ продастъ ихъ мясо, еще живое; затѣмъ онъ ихъ убиваетъ, какъ старыхъ животныхъ; онъ многимъ отнимаетъ жизнь, а себѣ честь;

«Онъ выходитъ окровавленнымъ изъ мрачнаго лѣса ⁹⁾, сдѣлавшагося такимъ, что и черезъ тысячу лѣтъ онъ не зазеленѣетъ въ своей первоначальной силѣ».

Подобно тому, какъ при извѣстїи будущихъ несчастій появляется замѣшательство на лицѣ того, кто слушаетъ, съ какой-бы стороны несчастіе ни находило-бы на него,

Такъ и я увидѣлъ другую душу, обернувшуюся, чтобы послушать, которая смутилась и сдѣлалась печальною, когда эти слова дошли до нея.

Языкъ одного и лицо другого возбудили во мнѣ желаніе узнать ихъ имена, и я попросилъ ихъ объ этомъ.

Вотъ почему духъ, который первый заговорилъ со мною, сказалъ мнѣ: «ты хочешь, чтобы я сдѣлалъ для тебя то, чего ты не хочешь сдѣлать для меня;

«Но если уже Богу угодно, чтобы благодать его блеснула какъ луна въ небѣ, я не буду скупъ. Узнай-же, что я — Гвидо дель-Дука.

«Моя кровь была такъ прожжена завистью, что, если-бы я увидѣлъ человѣка, ставшаго веселымъ, ты-бы увидѣть мое лицо покрытымъ снѣговою.

«Отъ этого сѣмени я теперь пожинаю эту солому. О, родъ человѣческій! Зачѣмъ покладывать сердца тамъ, гдѣ одно добро требуетъ исключенія другого?

Вотъ этотъ — Риньери, сокровище и честь дома Кальболи, гдѣ съ тѣхъ поръ никто не сдѣлался наследникомъ его достоинства.

«И не только его потомки лишены, между По и Горой, между моремъ и Рено, качества, необходимыхъ для правды и удовольствій жизни;

Ибо въ этихъ странахъ почва такъ покрыта ядовитыми отпрысками, что безъ удобренія ея всякія работы были-бы теперь слишкомъ поздними.

«Гдѣ добрый Личіо ¹⁰⁾ и Арриго Манарди ¹¹⁾, Піетро Траверсаро ¹²⁾ и Гвидо ди-Карпинья ¹³⁾? О, романьольцы, сдѣлавшіеся ублюдками!

«Когда какой-нибудь Фабро возродится въ Болоньи? Когда въ Фаэнцѣ какой-нибудь Бернардино де-Фоско, вышедшій изъ такого маленькаго зерна, сдѣлается благороднымъ отпрыскомъ?

«Не удивляйся, если я плачу, о, тосканецъ, когда я вспоминаю Гвидо ди-Прата, Уголино д'Аццо, жившаго съ нами,

«Федерико Гиньозо съ его семьей, потомъ домъ Траверсаро и

Анастасжи; увы! какъ ты, такъ и другіе потеряли свое наслѣдство добродѣтели!

«Я плачу, вспоминая дамъ и рыцарей, ихъ труды и радости. Потому, что любовь и вѣжливость возбуждали сердца тамъ, гдѣ они стали такъ испорчены ¹⁴⁾».

О, Бретиноро ¹⁵⁾, отчего ты не бѣжишь подобно тому, какъ бѣжала вся твоя семья и много другихъ, чтобы не сдѣлаться преступниками?

«Ваньякавало хорошо дѣлаетъ, не производи больше дѣтей; Кастрокаро дѣлаетъ дурно, и еще хуже поступать Коію, заботясь о произведеніи такихъ графовъ».

«Пагани будутъ имѣть право размножаться, когда ихъ демонъ исчезнетъ; тѣмъ не менѣе отъ нихъ никогда не останется особенно чистое воспоминаніе».

«О, Уголино де Фантоли! твое имя въ безопасности, потому что никто уже не ожидается, который-бы могъ его сдѣлать темнымъ, вырождаея».

«Но уходи прочь, тосканецъ; я предпочитаю теперь плакать, чѣмъ говорить, потому что страна наша сжала мнѣ сердце».

Мы знали, что эти благородныя души чувствовали, что мы шли, поэтому ихъ молчаніе успокоивало насъ на счетъ нашей дороги.

Когда, идя, мы оказались одни, голосъ, точно громъ, пронизывающій воздухъ, прямо ударилъ въ насъ, говоря:

«Кто найдетъ меня, долженъ меня убить ¹⁶⁾». И этотъ голосъ исчезъ такъ же быстро, какъ громъ, удаляющійся послѣ того, какъ вдругъ разорвалъ тучу.

Въ то время, какъ наши уши успокоились отъ этого звука, раздался другой съ такимъ ужаснымъ трескомъ, что этотъ звукъ казался новымъ громомъ, немедленно слѣдовавшимъ за первымъ:

«Я—Аглаура ¹⁷⁾, та, которая превратилась въ камень». Тогда, желая пробраться къ поэту, я сдѣлалъ одинъ шагъ назадъ, а не впередъ.

Со всѣхъ сторонъ уже воздухъ сталъ спокоенъ. Виргилій мнѣ сказалъ: «такова была твердая узда, которая должна-бы сдерживать человѣка въ его границахъ.

«Но вы такъ жадно набрасываетесь на добычу, что удочка древняго врага тащить васъ къ нему,—значить какъ узда, такъ и мудрые уроки не много помогутъ.

«Небо призываетъ васъ и вращается вокругъ васъ, показывая вамъ свои вѣчныя красоты¹⁸); однако вашъ глазъ смотритъ только на землю;

«Поэтому-то вы и наказаны тѣмъ, кто все видитъ».

ПРИМЪЧАНИЯ.

1) Гора въ Аппенинахъ, на востокъ отъ Флоренціи, около Романьи.

2) Пелоро — мысъ въ Сициліи. Здѣсь Данте слѣдуетъ мнѣнію тѣхъ средневѣковыхъ географовъ, которые полагали, что Сицилія нѣкогда составляла одинъ материкъ съ остальной Италіей, что островъ Кипръ принадлежалъ къ Сирии, островъ Пегропонте — къ Беотіи и пр.

3) Цирцея — дочь Дня и Ночи; заключивъ въ темницу своего мужа, сарматскаго царя, она поселилась на островѣ Эа. Она превратила въ поросятъ товарищей Улисса, который причалилъ къ ея острову, но самъ Улиссъ спасся съ помощью травы, которую ему дала Минерва.

4) Жители Казентино.

5) Т. е. жителей Аренцо.

6) Т. е. флорентинцы, обжоры и скупцы.

7) Т. е. пизанцы.

8) Говорящая это тѣнь — Гвидо дель-Дука; онъ обращается къ Риньери. Выраженіемъ «твой внукъ, который становится охотникомъ на волковъ», Гвидо намекаетъ на Фульчеріи де-Кальболи, внука Риньери, который былъ флорентинскимъ подестой въ 1302 г. и который, будучи подкупленъ Чернымъ, заключилъ въ тюрьму и умертвилъ важнѣйшихъ членовъ партіи Бѣлыхъ.

9) Флоренція.

10) Личіо ди-Вальбона, — всѣмъ уважаемый человекъ. Его дочь вышла замужъ за Ричардо, который ее соблазнилъ передъ бракомъ.

11) Комментаторы высказывали различныя догадки относительно Манари. Въ дѣйствительности, однако, неизвѣстно, о комъ здѣсь говорилъ Данте.

12) Пиетро Траверсаро, изъ Равенны; его дочь вышла замужъ за Стефаиа, венгерскаго короля.

13) Дворянинъ изъ Монтефельтро.

14) *Le donne, e i cavalier, gli afanni e gli agi.*

Вослѣдствіи этотъ стихъ Аріосто воспроизвелъ слѣдующимъ образомъ:

Le donne, i cavalier, l'arme, gli amori,

Le cortesie, l'audaci imprese io conto,

(Orlando furioso, пѣснь I).

15) Бретиноро, какъ нѣсколько выше, Баньякавало, Кастрокаро, Коньо — крѣпости или укрѣпленные замки въ Романьи; Пагани былъ названъ дьяволомъ — *il Diavolo*.

¹⁶⁾ Слова Каина послѣ убійства ямъ Авеля: «*Omnis qui invenerit me, occidet me*» (книга Бытія, IV, V, 14).

¹⁷⁾ Аглаура — дочь Кекропа. Ея сестра Герсѣ внушила ей такую ревность, что она бросилась съ вершины афинской крѣпости и была превращена въ камень.

¹⁸⁾ Петрарка подражалъ этимъ стихамъ въ 39 канцонѣ:

Or ti solleva a più beata speme
Mirando il ciel che ti si volve intorno.

Когда мы подошли близко къ благословенному ангелу... (стр. 97).

ПѢСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

Третій кругъ, гдѣ очищается грѣхъ гнѣва. Поэты, восходя по ступенямъ, которыя были имъ указаны ангеломъ, вступаютъ въ третій кругъ. При входѣ въ третій кругъ Данте, въ восторгѣ, видитъ примѣры великодушія. Послѣ этого оба поэта окружены густымъ дымомъ, который мѣшаетъ имъ что-либо видѣть.

Сколько остается времени между концомъ третьяго часа¹⁾ и началомъ дня въ сферѣ, которая, подобно ребенку, всегда забывается и волнуется,

столько, казалось, оставалось времени Солнцу добѣжать до вечера²⁾; тамъ былъ Вespеръ, а здѣсь, на землѣ, была полночь.

Лучи ударили намъ прямо въ лицо, потому что мы обогнули всю гору и шли уже прямо къ западу.

Когда я почувствовалъ свое чело утомленнымъ болѣе яркимъ

свѣтомъ, чѣмъ прежде, то былъ пораженъ многими вещами, которыя мнѣ были неизвѣстны.

Поэтому я поднималъ руки надъ своими вѣками и сдѣлать себя изъ нихъ пренятствіе, о которое чрезвычайная яркость разбилась.

Подобно тому, какъ лучъ, отраженный водою или зеркаломъ отскакиваетъ къ противоположной части и восходитъ такимъ-же образомъ,

Какъ спустился, — отличный въ этомъ отношеніи отъ паденія камня, какъ это доказываютъ опытъ и искусство ³⁾;

Такъ и мнѣ показалось, что въ меня ударилъ свѣтъ, отраженный предо мною, вслѣдствіе чего мой взглядъ быстро отвернулся отъ этой яркости.

«Нежный отецъ, что это за свѣтъ, отъ котораго я не могу защитить глазъ и которымъ я точно израненъ? Мнѣ кажется, — сказалъ я, — что онъ приближается къ намъ».

«Не удивляйся, — отвѣчалъ онъ, — если семейство небесное еще ослѣпитъ тебя: это — посланецъ, приглашающій челоуѣка къ восхожденію.

«Вскорѣ тебѣ не тягостно уже будетъ видѣть эти вещи, но ты будешь счастливъ, на сколько тебѣ природа дала возможность чувствовать».

Когда мы подошли близко къ благословенному ангелу, онъ сказалъ намъ радостнымъ голосомъ: «войдите черезъ эту лѣстницу, которая менѣе узка, чѣмъ двѣ другія».

Мы подымались уже за предѣлами круга, когда позади насъ послышалось пѣніе: «*Beati misericordes*» ⁴⁾ и «радуйся — ты побѣдитель».

Мой учитель и я, мы подымались одни, и я думалъ, идя, воспользоваться его словами;

Поэтому я направился къ нему, такъ спрашивая: «что хотѣлъ сказать духъ Романы ⁵⁾, говоря о добрѣ, которое другъ друга исключаетъ?»

Онъ мгнѣ сказалъ: «теперь онъ знаетъ опасность своего самаго большаго порока; не удивляйся-же, что онъ осуждаетъ его, чтобы другіе менѣе плакали.

«Потому что если ваши желанія привязываются къ вещамъ, которыхъ каждая часть, когда есть много желающихъ, уменьшается, зависть возбуждаетъ въ васъ дуновениеъ вздоховъ.

«Но если-бы любовь верховной сферы направила горѣ ваше желаніе, не было-бы такого опасенія въ вашемъ сердцѣ.

«Ибо въ этомъ кругу, чѣмъ больше каждый говоритъ: «это наше», тѣмъ болѣе онъ владѣетъ истиннымъ добромъ, и тѣмъ болѣе милосердіе горитъ въ немъ».

«Я болѣе ачу твоихъ отвѣтовъ», — сказалъ я ему, — чѣмъ, если-бы я до сихъ поръ молчалъ; и въ моемъ умѣ собирается еще болѣе сомнѣній.

«Какимъ образомъ можетъ случиться, что раздѣленное добро дѣлаетъ богатыми его владѣльцевъ, когда число ихъ возрастаетъ, чѣмъ тѣхъ, которые были-бы въ меньшемъ количествѣ владѣющими имъ?»

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «такъ какъ ты всегда вбиваешь свой умъ въ земныя вещи, ты изъ истиннаго свѣта выводилъ мракъ.

«Безконечное и неизрѣченное добро, которое тамъ, на верху, устремляется къ любви, подобно лучу, устремляющемуся къ свѣтлому дѣлу.

«Оно отдается тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе оно находитъ горячность, такъ что, по скольку милосердіе распространяется, по столько распространяется на нее и вѣчная добродѣтель.

«Чѣмъ болѣе на верху есть душъ, соединенныхъ между собою, тѣмъ болѣе онѣ любятъ другъ друга, и, подобно зеркалу, онѣ перекидываются любовью.

«Если мои разсужденія не насыщаютъ тебя, ты увидишь Беатриче, которая вполне успокоитъ эти желанія и всѣ другія.

«Однако, подвигайся, чтобы скорѣе исчезли, какъ исчезли уже

два, эти пять пятень, которыя исчезаютъ только вмѣстѣ съ плачемъ»⁶⁾).

Въ то время, какъ я хотѣлъ сказать: «ты меня удовлетворишь», я подошелъ къ другому кругу и мои взоры, жалныя и блуждающіе, заставили меня замолчать.

Тутъ мнѣ показалось, что я былъ унесенъ въ восторженномъ видѣніи, и что я видѣлъ въ храмѣ большое число лицъ.

И одна женщина при входѣ говорила, въ иѣжной нотѣ матери: «чадо, чтѣ ты сдѣлалъ съ нами?»

«Вотъ отецъ твой и я съ великою скорбію искали тебя»⁷⁾. И когда она замолчала, это первое видѣніе исчезло.

Затѣмъ, мнѣ представилась другая женщина, имѣвшая на щекахъ тѣ капли воды, изъ которыхъ исходило страданіе, когда оно родится отъ великаго гнѣва противъ кого-нибудь.

И она говорила: «если ты господинъ этого города, изъ-за названія котораго было столько споровъ между богами и изъ котораго всякая наука выбрасываетъ свои секры»⁸⁾,

«То отомсти»⁹⁾ этимъ смѣлымъ рукамъ, которыя обняли нашу дочь, о, Пизистратъ».—И этотъ мужчина спокойный и милосердный,

Какъ мнѣ показалось, отвѣчалъ ей съ яснымъ лицомъ: «чтѣ сдѣлаемъ мы тому, который желаетъ намъ зла, если тотъ, кого мы любили, осужденъ нами?»

Потомъ я увидѣлъ людей, пожираемыхъ огнемъ гнѣва, которые убивали молодого человѣка камнями, громко крича другъ другу: «мучь, мучь!»¹⁰⁾.

И я его видѣлъ склонявшимся подъ смертью, которая сваливала его уже на землю; но его глаза все еще были вратами неба.

Среди этой бышеной борьбы, онъ молилъ Господа, съ лицомъ, возбуждающимъ состраданіе, чтобы Онъ простилъ его преслѣдователямъ.

Когда душа моя вышла изъ своихъ видѣній, находившихся вѣдѣ

ея къ истиннымъ предметамъ, тоже находившимся виѣ ся, я уви-
дѣлъ, что мои заблужденія не были обманчивы.

Мой руководитель, который могъ меня видѣть какъ человѣка,
страхивающего съ себя сонъ, сказалъ мнѣ: «что съ тобой, что ты
не можешь держаться на ногахъ?»

«Ты шель около полу-мили съ закрытыми глазами, неувѣрен-
нымъ шагомъ, подобно тому, котораго наполняетъ вино или сонъ».

«О, пѣзный отецъ! Если ты меня послушаешь, я скажу тебѣ,—
отвѣчалъ я ему, — новое я видѣть видѣше, когда мои ноги ка-
чались».

И онъ сказалъ мнѣ: «если-бы на твоємъ линѣ было сто ма-
сокъ, то и тогда твои мысли, самыя преходящія, не были-бы мнѣ
непзвѣстны.

«То, что ты видѣлъ, было открыто тебѣ, чтобы ты не отка-
зывается открыть свое сердце водамъ мира, которыя вытекаютъ изъ
вѣчнаго источника.

«Я не спрашивалъ тебя: «что съ тобой?», какъ дѣласть тотъ,
кто видитъ только глазами и который ничего не видитъ, когда его
тѣло лежитъ бездыханнымъ.

«Но спрашивалъ тебя объ этомъ, чтобы придать силу твоимъ
ногамъ. Такъ нужно возбуждать лѣнивцевъ, слишкомъ неповорот-
ливыхъ на хороше употребленіе времени бдѣнія».

Мы шли въ эту вечерню, стараясь видѣть такъ далеко, какъ
только могъ хватить нашъ глазъ противъ яркихъ лучей вечера.

Но вотъ мало по малу дымъ надвинулся на насъ, мрачный
какъ ночь, и не было мѣста, гдѣ-бы можно было избѣжать его.

Онъ отнял у насъ зрѣніе и чистый воздухъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

- 1) Т. е. третьяго часа утра.
- 2) Данте хочетъ сказать, что до дня оставалось еще три часа.
- 3) Подъ опытомъ и искусствомъ Данте разумѣть катоптрику, ту часть физики, которая занимается законами отраженія свѣта. Подъ падающимъ камнемъ поэтъ подразумѣваетъ перпендикулярную линію.
- 4) Слова Христа (Ев. отъ Матѳея, 5, 7) «*Beati misericordes, quoniam ipsi misericordiam consequentur*» (блаженни милостивые, ибо они помилованы будутъ).—«*Gaudete et exultate, quoniam merces vestra copiosa est in coelis*» (радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесахъ. Тамъ-же, стихъ 2).
- 5) Гвидо дель Дука.
- 6) Пятна Гордости и Зависти; остались еще нить *P* на челѣ поэта.
- 7) Слова Богоматери къ отроку—Христу (Ев. отъ Луки, 2, ст. 48).
- 8) Аѳины.
- 9) Жена Пизистрата умоляетъ своего мужа отомстить за оскорбленіе, нанесенное ихъ дочери, которую одинъ молодой аѳинянинъ осмѣлился обнять публично. Валерій Максимъ. Кн. V. гл. 1.
- 10) Св. Стефанъ, («Дѣянія Апостоловъ», VII). Баджоли справедливо предполагаетъ, что Доминикано въ своей картинѣ «Исповѣдь св. Іеронима» вдохновился этими стихами Данте:

E lui vedea chinarsi per la morte
Che l'aggravava già, inver la terre

(И я его видѣлъ склоняющимся подъ смертью, которая сваливала его уже на землю).

Я шель среди этого густого и мрачнаго дыма... (стр. 103).

ПѢСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Данте, по прежнему слѣдуя за Виргиліемъ, замѣчаетъ среди густого дыма души тѣхъ, которые предавались гнѣву. Эти души поютъ гимнъ: *Agnus Dei*. Одинъ изъ нихъ, Марко Ломбардець, разговариваетъ съ Данте и доказываетъ позу существованіе въ человѣкѣ свободы воли и заблужденія тѣхъ, которые вѣрятъ во вліяніе звѣздъ на человѣческія дѣйствія.

Мракъ Ада и ночи, лишенной всякой планеты подъ мрачнымъ небомъ, когда его покрываютъ черныя тучи,

Не завѣспль-бы передъ моими глазами такую-же густую пелену, какъ дымъ, который тогда покрылъ насъ, и былъ завѣсой столь жестокой и столь ужасной.

Глазъ не могъ оставаться открытымъ; поэтому мой мудрый и

вѣрный путеводитель подошелъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ поддержку своей руки.

Какъ слѣпой идти позади своего руководителя, чтобы не заблудиться и не удариться о предметъ, который-бы сдѣлалъ ему вредъ и убилъ его,

Такъ и я шелъ среди этого густого и мрачнаго дыма, слушая моего руководителя, который говорилъ: «берегись удалиться отъ меня».

Я слышалъ голоса, и каждый изъ нихъ, казалось, молился, чтобы получить миръ и состраданіе Агнца Божія, стирающаго грѣхи.

Agnus Dei ¹⁾—это было ихъ воззваніе; все пѣли въ одномъ тонѣ это одно слово такъ, что между ними, казалось, существовало самое совершенное согласіе.

«Это духи, учитель, которыхъ я слышу?» И онъ отвѣчалъ мнѣ: «ты говоришь правду; они заняты развязываніемъ узла гнѣва».

«Но кто ты, который идешь среди нашего дыма и который говоришь о насъ, какъ если-бы ты и теперь еще раздѣлялъ время на календы?» ²⁾).

Такъ говорилъ одинъ голосъ; поэтому мой учитель сказалъ мнѣ: «отвѣчай и спроси, можно-ли сегодня взойти на верхъ».

Тогда я сказалъ: «о, созданіе очищающееся, чтобы возвратиться прекраснымъ къ тому, кто создалъ тебя, ты услышишь чудеса, если послѣдуешь за мною».

«Я послѣдую за тобой, на сколько мнѣ это позволено,—отвѣчалъ онъ,—и если дымъ не позволитъ намъ видѣть другъ друга, звукъ приблизитъ насъ за недостаткомъ зрѣнія».

Тогда я началъ: «я иду туда на верхъ, съ этимъ тѣломъ, которое разлагается смертью и я пришелъ сюда сквозь адскія страданія».

«Если Богъ на столько окружилъ меня своею благодатью, чтобы

позволить мнѣ видѣть его дворъ, путемъ столь отличнымъ отъ современнаго пути ³⁾),

«Не скрой отъ меня, кто ты былъ передъ своею смертию, но скажи мнѣ это; и скажи мнѣ также, иду-ли я прямо къ проходу, и твои слова будутъ нашими путеводаителями».

«Я — Ломбардецъ и былъ названъ Марко ⁴⁾). Я былъ мудръ въ мірѣ и любилъ ту добродѣтель, на которую теперь никто уже не направляетъ стрѣлы.

«Чтобы взойти на верхъ, иди прямо», — такъ онъ мнѣ отвѣчалъ и прибавилъ: «прошу тебя помолиться за меня, когда ты будешь тамъ».

Я сказалъ ему: «обязуюсь клятвой сдѣлать то, о чемъ ты меня просишь, но я запутаюсь въ сомнѣніи, если ты его не распутасишь».

«Сначала это сомнѣніе было одно, а теперь оно стало двойнымъ, когда я сопоставляю твой теперешній отвѣтъ, который для меня несомнѣиенъ, съ другимъ отвѣтомъ, который я слышалъ въ другомъ мѣстѣ».

«Міръ лишенъ всякой добродѣтели, какъ ты мнѣ говорилъ: онъ отягченъ и покрытъ злобой».

«Но я прошу тебя указать мнѣ на причину этого такъ ясно, чтобы я ее увидѣлъ и чтобы я объяснилъ ее людямъ, ибо одни относятся ее къ небу, а другіе — видятъ ее здѣсь».

Сначала онъ испустилъ глубокій вздохъ, который страданіе закончило словомъ «увы!», а потомъ началъ: «братъ, міръ — слѣзь, и по истинѣ, ты приходишь оттуда».

«Вы, живущіе, все относите къ небу, какъ если-бы всякая вещь двигалась по необходимости имъ самими».

«Если-бы это было такъ, свобода воли была-бы уничтожена въ васъ, и не было-бы справедливости ⁵⁾ получать за добро радость и за зло страданіе».

«Небо дастъ толчокъ вашимъ дѣйствіямъ, но я не говорю вѣзмъ; однако, если предположить, что я это сказала, его свѣтъ все-таки вамъ данъ, чтобы отличать добро отъ зла.

«Вамъ дана также свобода воли, которая, если употребляется въ первыхъ схваткахъ, можетъ сопротивляться небеснымъ вліяніямъ и которая потомъ, если ее употреблять хорошо, побѣждаетъ все.

«Будучи свободными, вы подчинены высшей силѣ и лучшей природѣ; онѣ-то и создаютъ въ васъ волю, которую небо не держитъ подъ своимъ вліяніемъ.

«Поэтому, если настоящій міръ уклоняется, причина этого заключается въ васъ, вы должны искать ее въ себѣ, и я теперь докажу тебѣ это.

«Душа выходитъ изъ рукъ того, который любитъ ее въ своемъ духѣ, прежде чѣмъ она народится, подобно дѣвочкѣ, которая, плача и смѣясь, забавляется;

«Но простенькая душа ничего не знаетъ, развѣ только то, что она исходитъ изъ рукъ своего создателя и, понятно, возвращается къ тому, кто составляетъ ее блаженство.

«Сначала она пристращается къ самымъ ничтожнымъ дарамъ, въ которыхъ ошибается, и она бѣгаетъ за ними, если руководитель или узда не направляютъ на другое ея любовь.

«Поэтому необходимы были законы ⁶⁾, которые-бы служили уздой; нужны были цари, которые изъ Истиннаго Града могли-бы рассмотретьъ Башню.

«Законы существуютъ, но кто предлагаетъ свою руку, чтобы пригнать ихъ? Пастырь, идущій впереди стада ⁷⁾, можетъ жевать жвачку, но у него нѣтъ расчлененныхъ копытъ.

«Вотъ почему, все стадо, видя, что его путеводитель питается вещами, до которыхъ и оно жадно, питается ими и не требуетъ ничего другого.

«Ты можешь видѣть, что дурное направленіе есть причина того, что міръ преступенъ, и что испорчена въ вась не природа.

«Римъ, который улучшилъ міръ, имѣлъ два солнца ⁸⁾, которые освѣщали какъ одну, такъ и другую дорогу, — дорогу міра, и дорогу Бога.

«Одно изъ двухъ солнцъ затмило другое. Мечъ былъ присоединенъ къ пастушескому посоху; и оба, соединенные силою, не согласуются между собой.

«Ибо такъ соединенные, одинъ не боится другого. Если ты не вѣришь мнѣ, подумай о колосѣ, ибо всякое растение узнается по его сѣмени ⁹⁾.

«Въ странѣ, орошаемой Адиджей и По ¹⁰⁾, встрѣчался чудеса храбрости и рыцарства, прежде, чѣмъ Федерико ¹¹⁾ возбудилъ распри.

«А теперь можетъ пройти по этой странѣ въ полной безопасности тотъ, кто, изъ чувства стыда, избѣгалъ-бы говорить съ честными людьми и приближаться къ нимъ.

«Есть еще, правда, трое стариковъ, въ которыхъ старое время борется съ новымъ, но они давно уже ждутъ, чтобы Богъ призвалъ ихъ къ лучшей жизни.

«Это — Коррадо да Палаццо, добрый Герардо и Гвидо да Кастелло, котораго по-французски лучше зовутъ простымъ Ломбардцемъ ¹²⁾.

«Объяви-же теперь, что Римская церковь, смѣшавшая двѣ власти, падаетъ въ грязь и грязнитъ какъ себя, такъ и свою ношу».

«О, мой Марко! — сказала я ему, — ты правду говоришь. И теперь я понимаю, почему изъ наслѣдства даже Левн были исключены ¹³⁾.

«Но кто этотъ Герардо, котораго ты считаешь мудрымъ, этотъ остатокъ потухшаго поколѣнія, который является упрекомъ этому дикому вѣку?»

«Или твои слова меня обманываютъ, или они меня соблазняютъ, — отвѣчалъ Марко, — ибо, говоря мнѣ, тосканецъ, ты дѣлаешь видъ, что ты не знаешь добраго Герардо.

«Я не знаю его ни подъ какимъ-нибудь другимъ названіемъ, если только не возьму его отъ его дочери Гайи ¹⁴). Да будетъ съ вами Богъ, ибо я не иду дальше съ вами.

«Видишь, заря свѣтится сквозь дымъ; ангелъ здѣсь, я долженъ уйти, прежде чѣмъ онъ появится».

Онъ говорилъ такъ, и не хотѣлъ меня больше слушать.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

- 1) Ессе Agnus Dei (се агнецъ Божій). — Ев. отъ Іоанна, 1. 29.
- 2) Римляне дѣлили время на календы, ноны и иды. Данте хочеть сказать: «какъ если-бы ты жилъ во времени, а не какъ мы — въ вѣчности».
- 3) Хожденіе въ сверхъестественный міръ, по преданію, совершали св. Навель и Эней. Объ этомъ Данте говорилъ во второй пѣснѣ «Ада».
- 4) Марко, благородный венеціанецъ, другъ Данте. Гранжье утверждаетъ, что этотъ Марко былъ изъ семьи Ломбарди, но вѣришь, что словами: «Lombardo fui e fui chiamato Marco» Данте хочеть сказать, что Марко происходить изъ Ломбардіи.
- 5) Въ сочиненіи Тертузіана «Contra Marcionem» (lib. II), читаемъ: «Nec boni, nec mali merces pensaretur ei qui aut bonus, aut malus, necessitate fuisset inventus, non voluntate». (Не дано было-бы ни вознагражденія за добро, ни наказанія за зло тому, кто считался-бы добрымъ или злымъ вслѣдствіе необходимости, а не по своей собственной волѣ).
- 6) Необходимы законы, которые-бы сдерживали людей. Въ своемъ сочиненіи «Il Convito» Данте заявляетъ, что, по его мнѣнію, жизнь человѣческая должна была раздѣлена на два града: градъ доброй жизни и градъ злой жизни. Первую онъ называетъ истиннымъ градомъ — vera cittade. Башня (Torre), по мнѣнію Ломбарди, означаетъ главныя соціальныя обязанности.
- 7) Въ книгѣ «Левиты» (гл. XI) сказано, что животныя, копыта которыхъ не расчленены, считаются не чистыми, и людямъ запрещено ими питаться. Аллегорическій пастьрь (т. е. папа), о которомъ здѣсь говорится, не имѣетъ расчлененнаго копыта; онъ напрасно присвоиваетъ себѣ двѣ власти — свѣтскую и духовную.
- 8) Папа и императоръ.
- 9) Намекъ на слова евангелія отъ Матвея (7, 20) «по плодамъ узнаете ихъ» (Ex fructibus eorum cognoscetis eos).
- 10) Тревизская Мархія, Ломбардія и Романья.
- 11) Императоръ Фридрихъ, сынъ Генриха V.
- 12) Три старца, т. е. Коррадо да-Палаццо изъ Брешии, Герардо да-Кампино изъ Тревизы и Гвидо да-Кастелло изъ Реджіо, въ Ломбардіи.
- 13) Поколеніе Леви, предназначенное къ духовному сану, было исключено изъ наслѣдства земли Ханаанской.
- 14) Дочь Герардо Гайа была зеркаломъ цѣломудрія, по мнѣнію Гранжье.

Это,—сказалъ мой учитель,—божественный дух... (стр. 111).

ПѢСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

Поэты выходятъ изъ густого дыма. Данте воображаетъ, что видитъ различные примѣры насилія и гнѣва. Ангелъ выводитъ поэтовъ изъ круга Гнѣва и указываетъ имъ на дорогу, которая ихъ приводитъ къ высшему кругу. Наступаетъ ночь. Данте останавливается. Виргилій говоритъ ему, что онъ находится въ кругѣ Лѣнивцевъ, тѣхъ, которые были равнодушны къ любви добра, и доказываетъ ему, что какъ добрыя, такъ и дурныя дѣла имѣютъ основаніемъ любовь.

О, читатель, если когда-либо въ Альпахъ ты былъ охваченъ облакомъ, сквозь которое ты также мало видѣлъ, какъ кротъ сквозь плѣнку, покрывающую его глаза,—

Вспомни, что когда влажные и густые пары начинаютъ рѣдѣть, солнечные лучи проникаютъ ихъ слабо;

И твое воображеніе скоро увидитъ, какъ я увидѣлъ, снова солнце, въ тотъ моментъ, когда оно заходило.

И такимъ образомъ, сравнивая мои шаги съ вѣрными шагами моего учителя, я вышелъ изъ этой тучи, когда лучи уже потухли для нижней части горы.

О, воображеніе, выводящее насъ такъ часто изъ себя, до такой степени, что человѣкъ не слышитъ и тысячи трубъ, звучащихъ около него!

Кто оживляетъ тебя, когда чувства не помогаютъ тебѣ? Тебя оживляетъ свѣтъ, образованный въ небѣ, имъ естественно, и по божественной волѣ, направляющей его на землю.

Несчаствіе той, которая была превращена въ птицу, любившую пѣть больше другихъ, представилось моему воображенію ¹⁾.

Тогда мой духъ до такой степени сосредоточился въ себѣ, что изъ-внѣ никакая вещь не могла проникнуть въ него.

Потомъ, въ моей высокой фантазій, я увидѣлъ распятого, презрительнаго и гордаго ²⁾, и такимъ я видѣлъ его умиравшимъ.

Около него былъ великій Ассуръ, Эфиръ, его супруга, и справедливый Мордохей, который и въ словахъ, и въ дѣлахъ былъ безупреченъ.

И когда этотъ образъ печезъ самъ собой, какъ паръ, когда не достаетъ воды, надъ которой онъ образовался,

Въ моемъ видѣніи возникъ образъ молодой дѣвушки, сильно плачущей и говорящей: «о, царица! почему въ своемъ гнѣвѣ ты не захогѣла существовать?»

«Ты умертвила себя, чтобы не потерять Лавинію, и однако ты меня потеряла, а я, твоя дочь, я печалюсь о твоей гибели, о, моя мать, больше, чѣмъ о гибели другого ³⁾».

Подобно тому, какъ когда новый свѣтъ поражаетъ закрытыя вѣки, сонъ вдругъ прекращается и такимъ образомъ прескращенный скользитъ, прежде чѣмъ окончательно умереть, —

Такъ и мое видѣніе упало, какъ только лицо мое было поражено свѣтомъ болѣе яркимъ, чѣмъ тотъ, къ которому мы привыкли.

Я обернулся, чтобы посмотрѣть, гдѣ я былъ, какъ вдругъ какой-то голосъ сказалъ мнѣ: «здѣсь восходить!», и отъ меня было отвлечено всякое другое вниманіе.

Этотъ голосъ сдѣлалъ мою волю столь быстрой видѣть, кто былъ тотъ, который такъ говорилъ, что я не уснокоился, пока не посмотрѣлъ на него.

Но подобно тому, какъ наше зрѣніе ослабѣваетъ передъ солнцемъ, которое закрывается передъ собственнымъ блескомъ, такъ и здѣсь моя сила ослабла.

«Это, — сказалъ мой учитель, — божественный духъ, который безъ всякой просьбы съ нашей стороны направляетъ насъ на путь горы и прячется въ своемъ собственномъ блескѣ.

«Онъ поступаетъ съ нами, какъ человѣкъ долженъ поступать съ своими ближними; ибо тотъ, который ожидаетъ просьбы, когда видитъ нужду, злобно готовится отказать въ помощи.

«Да будутъ послушны наши ноги такому великому приглашенію; поторопимся взойти, прежде чѣмъ настанетъ ночь, потому что намъ нельзя будетъ этого сдѣлать до возвращенія солнца».

Такъ говорилъ мой руководитель, и онъ и я, мы повернули къ лѣстницѣ; и какъ только я вступилъ на первую ступень,

Я почувствовалъ какъ-бы движеніе крыла, которое обвивало мое чело ⁴), говоря: «Beati pacifici ⁵), которые безъ ненавистнаго гнѣва!»

Уже послѣдніе лучи, за которыми слѣдуетъ ночь, были такъ высоко подъ нами, что звѣзды появлялись со всѣхъ сторонъ.

«О, моя храбрость! отчего ты такъ удаляешься отъ меня?» говорилъ я самому себѣ, ибо я чувствовалъ, какъ мои ноги ослабѣваютъ.

Мы были въ томъ мѣстѣ, гдѣ лѣстница уже не подымается и мы

остановились, какъ останавливается ладья, подплывшая къ берегу.

И я остановился немного, не услышу-ли чего-нибудь въ новомъ кругу; потомъ, обратившись къ моему учителю, я сказалъ ему:

«Дорогой отецъ, отъ какого порока очищаются въ кругу, въ которомъ мы находимся? Если наши ноги останавливаются, то пусть не останавливается твоя рѣчь!»

Онъ отвѣтилъ мнѣ: «любовь добра, которая не съумѣла исполнить своего долга, по справедливости, наказуется здѣсь въ своемъ направленіи; здѣсь слишкомъ медленное весло должно еще ударить по волнамъ.

«По для того, чтобы ты еще лучше понялъ, — обрати свою мысль ко мнѣ, и ты извлечешь какой-нибудь хорошій плодъ изъ этой минуты выжиданія.

«Ии создатель, ни созданіе никогда, началъ онъ, — слыть мой, не были безъ любви, естественной или по выбору; ты это знаешь.

«Естественная любовь всегда была безъ заблужденій, но другая можетъ заблуждаться въ преступномъ предметѣ, а также слишкомъ большею или слишкомъ малою горячностью.

«Пока эта любовь направлена къ первостепенному предмету, или умѣряетъ сама себя въ своей привязанности къ предметамъ второстепеннымъ, она не можетъ быть причиной преступнаго удовольствія.

«Но когда она обращается ко злу или когда она преслѣдуетъ добро съ большей или меньшей, но не нужной горячностью, тогда созданіе дѣйствуетъ противъ создателя.

«Отсюда ты можешь понять, что въ васъ любовь является сѣменемъ всякой добродѣтели и всякаго дѣла, которое заслуживаетъ наказанія.

«А такъ какъ любовь не можетъ быть равнодушна къ счастью своего предмета, — всѣ вещи такимъ образомъ защищены отъ своей собственной ненависти.

«И такъ какъ нельзя понять, чтобы созданное существо существовало само по себѣ и отдѣльно отъ того, кто его создалъ, то всякое чувство, склонное къ ненависти Создателя, невозможно.

«Отсюда слѣдуетъ, что это раздѣленіе слѣвано вѣрно, что зло, которое любви, есть зло ближняго, а эта любовь рождается тройнымъ образомъ въ вашей гризи.

«Одинъ, униженіемъ своего сосѣда, надѣется возвыситься и только для этого желаетъ, чтобы тотъ былъ сведенъ съ своего величія.

«Другой боится потерять власть, почести, славу, звѣстность, потому только, что его сосѣдъ благоденствуетъ; изъ-за этого онъ такъ омрачается, что желаетъ сосѣду противнаго.

«Третій пристыженъ какимъ-нибудь оскорбленіемъ и становится жаждень къ мести; онъ ищетъ только зла своему оскорбителю.

«Эти три сорта любви искупаются тамъ, ниже. Но я хочу, чтобы ты понималъ также ту любовь, которая ищетъ добра безъ всякой мѣры.

«Каждый смутно желаетъ какого-нибудь добра, въ которомъ его душа могла-бы успокоиться; и поэтому каждый старается достигъ его.

«Если слишкомъ медленная любовь привлекаетъ васъ видѣть это добро или пріобрѣтать его, это мѣсто будетъ вашимъ наказаніемъ, послѣ истиннаго раскаянія.

«Есть другое добро, которое не дѣлаетъ человѣка счастливымъ; оно не есть блаженство, оно — не добрая сущность всякаго добра; оно — не плодъ и не корень его.

«Любовь, которая слишкомъ нѣжится въ этомъ добрѣ, искупается ниже насъ, въ трехъ кругахъ; но какъ это тройное раздѣленіе установлено —

«Я умолчу, съ тѣмъ, чтобы ты самъ искалъ его».

ПРИМЪЧАШЯ.

¹⁾ Филомела, дочь Пандіона, царя афинскаго, была жертвой насилія со стороны царя Фракіи, Террея, своего зятя, который послѣ этого отрѣзалъ ей языкъ, чтобы она не могла указать на преступника и заключилъ ее въ тюрьму. Убѣжавъ изъ заключенія съ помощью Пронье, своей сестры, она умертвила сына Террея, Итиса, и подала Террею блюдо, состряпанное изъ тѣла его сына. Филомела избѣжала мести Террея, благодаря быстротѣ своего бѣга; она была превращена въ соловья, а Пронье — въ ласточку. Страбонъ-же говоритъ, что Пронье была превращена въ соловья. Данте, вѣроятно, слѣдовалъ версіи Страбона, потому что здѣсь онъ несомнѣнно говоритъ о Пронье.

²⁾ Аманъ, распятый на крестѣ, который онъ приготовилъ для Мордохея. (Книга Эсѣиръ).

³⁾ Лаванія, дочь царя Латвіи и царицы Аматы, невѣста Турна. Амата, полагая, что Турнъ умеръ и думая, что потеряетъ свою дочь, отдала ее замужъ за Энея, пришла въ отчаяніе и повѣсилась. (Энеида, кн. XII).

⁴⁾ Ангелъ стираетъ съ чела Данте третью Р., представляющую грѣхъ гнѣва.

⁵⁾ Ев. отъ Маттея, 5, 9: «блаженны миротворцы, ибо они будутъ наречены сынами Божиими» (Beati pacifici, quoniam filii Dei vocabuntur).

Луна, восходившая поздно и почти въ полночь, освѣщала звѣзды такъ, что онѣ казались болѣе рѣдкими... (стр. 118).

ПѢСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Виргилій продолжаетъ свои объясненія любви и доказываетъ Данте отвѣтственность челоуѣка вслѣдствіе его свободы. Они встрѣчаютъ души, бѣгущія въ кругѣ, некупая чрезмѣрнымъ рвеніемъ ихъ равнодушіе и лѣность. Двѣ изъ нихъ, бѣгущія впереди, указываютъ на примѣры рвенія; двѣ другія, бѣгущія позади толпы, указываютъ на примѣры лѣности въ добрѣ. Данте погружается въ созерцаніе и засыпаетъ.

Великій ученый окончилъ свое разсужденіе и внимательно смотрѣлъ мнѣ въ глаза, съ цѣлью узнать, кажусь-ли я довольнымъ.

А я, который былъ сжигасяъ новою жаждой, я внѣшнимъ образомъ молчалъ, а внутри говорилъ себѣ: «можетъ быть слишкомъ много вопросовъ его утомляютъ».

Но этотъ истинный отецъ, замѣтивъ боязливое желаніе, которое не обнаруживается, придалъ мнѣ смѣлости говорить, заговоривъ со мною.

Поэтому я сказалъ: «учитель, мое зрѣніе такъ оживляется при твоёмъ свѣтѣ, что я различаю ясно, чтѣ твой разумъ содержитъ въ себѣ или чтѣ описываетъ.

«Но прошу тебя, глѣзный и дорогой отецъ, объясни мнѣ эту любовь, на которую ты сводишь всякое доброе дѣло и его противоположное».

«Направь на меня, — сказать онъ, — проникательные глаза твоего ума, и ты самымъ очевиднымъ образомъ увидишь заблужденіе слѣпыхъ, которые дѣлаются вождями ⁴⁾».

«Сердце, созданное любить, стремится ко всякой вещи, которая ему нравится, какъ только почувствуетъ, что оно тронуто обаяніемъ наслажденія».

«Ваша понимающая способность представляетъ вамъ дѣйствительное существо и развиваетъ его въ васъ съ такою прелестью, что ваша душа обращается къ этому предмету;

«И если, обращаясь къ нему, она возвышается до него, то эта склонность становится любовью, становится самой природой, которая сливается съ вами при помощи наслажденія;

«Потомъ, подобно тому, какъ пламя подымается вверхъ благодаря своей формѣ, которая естественно стремится подняться туда, гдѣ оно живетъ въ своемъ истинномъ веществѣ,

«Такъ и охваченная душа отдается наслажденію, которое есть духовное движеніе и которое останавливается лишь тогда, когда она насладится любимымъ предметомъ».

«Теперь ты можешь видѣть, до какой степени истина скрыта отъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что всякая любовь есть сама въ себѣ вещь похвальная;

«Можетъ быть потому, что содержаніе любви кажется имъ всегда хорошимъ, но не всякій отпечатокъ хорошъ, если-бы даже воскъ былъ хорошъ».

«Твои слова и мой умъ, слѣдящій внимательно за ними, — отвѣтилъ я ему, — объяснили мнѣ любовь; но это преисполнило меня великими сомнѣніями».

«Ибо если любовь приходитъ къ намъ извнѣ, и если душа

шаче не дѣйствуетъ, то у ней нѣтъ никакой заслуги, плеть-ли она прямо или криво».

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «все, что нашъ разумъ видитъ по этому пункту, я могу тебѣ сказать; относительно всего остального, такъ какъ эта дѣло вѣры, подожди Беатриче.

«Всякая субстанціональная форма, отличная отъ матеріи, но, однако, связанная съ нею, обладаетъ заключенную въ себѣ особенную способность,

«Которая, безъ своихъ дѣлъ, не можетъ быть ни почувствована, ни доказана, но проявляется въ своихъ послѣдствіяхъ, какъ проявляется зелеными листьями жизнь растенія.

«Откуда является знаніе первыхъ понятій—человѣкъ не знаетъ, какъ не знаетъ наклона своихъ первыхъ страстей,

«Которыя существуютъ въ насъ, какъ въ пчелѣ существуетъ страсть дѣлать медъ, и эта первая воля не заслуживаетъ ни похвалы, ни порицанія.

«Но чтобы всѣ другія способности согласовались съ этой волей, въ насъ существуетъ врожденная способность, которая совѣтуетъ и которая должна находиться на порогѣ согласія.

«Отсюда рождается въ насъ причина заслуги, согласно тому, принимаетъ-ли или отталкиваетъ эта способность добрую или дурную любовь.

«Тѣ, которые разсуждаютъ, достигли самаго дна вещей, они признали существованіе этой врожденной свободы и оставили міру ученіе Морали.

«Но предположимъ, что великая любовь, загорающаяся въ насъ, возникаетъ изъ необходимости; въ насъ во всякомъ случаѣ есть возможность подавить ее.

«Эту благородную способность Беатриче называетъ—свободная воля; а поэтому постарайся вспомнить это, если она заговоритъ съ тобою объ этомъ».

Луна ²⁾, восходившая поздно и почти въ полночь, освѣщала звѣзды такъ, что онѣ казались болѣе рѣдкими, и была похожа, на небѣ, на воспламененное ведро.

На небѣ она слѣдовала по той дорогѣ, которая воспламеняется солнцемъ, когда житель Рима видитъ, какъ оно падаетъ между Сардиніей и Корсикой.

И эта благородная тѣнь, благодаря которой Пистола ³⁾ славится болѣе, чѣмъ весь городъ Мантуа, освободила мой умъ отъ тяжести, удручающей его.

А я, получивъ ясныя и твердыя объясненія относительно моихъ вопросовъ, былъ похожъ на человѣка, который грезить во снѣ.

Но эта сонливость сразу была разбѣяна душами, которыя уже приближались къ нашимъ плечамъ.

Подобно тому, какъ въ прежнія времена Немеца и Асопъ увидѣли ночью на ихъ берегу толпу, бѣгущую въ бѣшенствѣ, потому что евванцы нуждались въ Бахусѣ ⁴⁾;

Такъ и въ этомъ кругу, согласно тому, что я видѣлъ, бѣжали невѣрными шагами тѣ, которыхъ уносила добрая воля и настоящая любовь.

Вскорѣ онѣ были возлѣ насъ, потому что вся эта толпа бѣжала, а двѣ первыя души кричали, заливаясь слезами:

«Марія поспѣшно пробѣжала къ горѣ ⁵⁾; Цезарь, чтобы овладѣть Илардой, оставилъ Марсилью и полетѣлъ въ Испанію ⁶⁾».

«Скорѣе, скорѣе! Да не погибаетъ время отъ слишкомъ слабой любви! — кричалъ другой, послѣ нихъ; — ибо рвеніе къ добру озеленяетъ благодать ⁷⁾».

«Души, въ которыхъ пламенное рвеніе искушаетъ теперь небрежность и запаздываніе, примѣнявшіеся вами къ совершенію добра,

«Тотъ, который живъ, — и я, конечно, васъ не обманываю, — хочеть взойти туда на верхъ, какъ только солнце заблеститъ; скажите намъ поэтому, гдѣ самый ближайшій проходъ».

Таковы были слова моего руководителя, и одинъ изъ этихъ духовъ отвѣтилъ ему: «иди за нами—ты найдешь входъ.

«Мы такъ преисполнены желанія подвигаться впередъ, что не можемъ останавливаться; а поэтому извини, если это справедливое показаніе покажется тебѣ невѣжливостью.

«Я былъ аббатомъ ⁸⁾ у св. Зенона въ Веронѣ, въ царствованіе добраго ⁹⁾ Барбароссы, о которомъ Миланъ, въ своемъ несчастіи, до сихъ норъ говоритъ ¹⁰⁾.

«И даже тотъ, у котораго уже одна нога въ могилѣ, будетъ оплакивать этотъ монастырь и будетъ опечаленъ властью, которая тамъ была;

«Ибо на мѣстѣ истиннаго пастыря онъ посадилъ своего сына, немощнаго тѣломъ и еще болѣе немощнаго духомъ, рожденнаго отъ дурнаго союза ¹¹⁾».

Я не знаю, сказала-ли эта душа еще что-нибудь, или замолчала, до такой степени онѣ уже были далеко отъ насъ; но эти слова я услыхалъ и постарался ихъ запомнить.

И тотъ, который былъ мнѣ помощью во всѣхъ моихъ нуждахъ, сказалъ мнѣ: «повернись въ эту сторону; развѣ ты не видишь двухъ душъ, дѣлающихъ укусы лѣности?»

Эти души, находясь позади всѣхъ остальныхъ, говорили: «народъ, ради котораго раскрылось море, умеръ прежде, чѣмъ его наследники увидѣли Иорданъ ¹²⁾;

И тѣ, которые не раздѣлили до конца трудовъ Анхизова сына, сами приговорили себя къ безславной жизни ¹³⁾».

Потомъ, когда эти души были уже такъ далеко отъ меня, что я не могъ уже ихъ видѣть, новая мысль посѣтила меня;

А отъ этой родились многія другія мысли, самыя различныя, и я такъ переходилъ мысленно отъ одной къ другой, что изъ удовольствія закрылъ глаза,

И превратилъ мои мысли въ сонъ.

П Р И М Ъ Ч А Н И Я.

¹⁾ «L'error de'ciechi che si fanno duci» — намекъ на слова евангелія отъ Марка (XV, 14): «они—слѣные вожди слѣныхъ» (Caeci sunt et duces caecorum).

²⁾ Данте находится въ пятую ночь своего странствованія: луна должна была восходить тогда черезъ пять часовъ, послѣ заката солнца, т. е. почти въ полночь. Поэтъ говоритъ, что луна тогда казалась ему похожей на мѣдное ведро, раскаленное до красна. Это сравненіе напоминаетъ красныя ведра, и теперь еще находящіяся въ употребленіи въ Римѣ.

³⁾ Пьетола — маленькій городокъ, около Мантуи; тамъ родился Виргилій; въ древности Пьетола называлась Andes.

⁴⁾ Исмена — рѣка въ Беотіи, получившая это названіе отъ Исмена, сына Пеласага. Аснопъ, сынъ Океана и Тетиды, былъ превращенъ въ рѣку Юпитеромъ, съ которымъ онъ хотѣлъ бороться, потому что этотъ богъ взясилловалъ Эггину, его дочь. Это также названіе одной рѣки въ Ахаи, названной такъ въ честь другого Асона, сына Пелтуна.

⁵⁾ Дѣва-Марія посѣщала посѣтить св. Елисавету, или-же посѣщено убѣжала въ Египетъ съ Іосифомъ.

⁶⁾ Цезарь, какъ самъ говоритъ въ своихъ «комментаріяхъ», выступилъ изъ Рима и посѣщено направился въ Марсель, который взбунтовался противъ него; но вскорѣ оставилъ около этого города Брута, съ частью арміи, и отправился быстро въ Испанію, гдѣ онъ поразилъ на голову Афринія, Петрея и сына Помпея, и взялъ Илерду, нынѣшнюю Лериду.

- 7) Въ текстѣ: «Che stadio di ben far grazia rinverda.
8) Тѣнь, отвѣчающая Виргилію, есть донь Джерардо второй.
9) Слово добрый употреблено въ пропическомъ смыслѣ.
10) Этотъ «добрый» Барбаросса приказалъ снести съ лица земли городъ Миланъ въ 1162 году.
11) Незаконный смичъ Альберта делла-Скала, правителя Вероны.
12) Евреи умерли прежде, чѣмъ достигли Іордана, потому что Богъ хотѣлъ ихъ наказать за ихъ лѣность.
13) Троянцы, оставшіеся въ Синциліи, сами приговорили себя къ безславной жизни и лишились чести сопровождать Энея, потомки котораго, подъ именемъ римлянъ, заслужили такую славу не только въ Италіи, но и во всемъ мірѣ.

И вдругъ я услышалъ: «подойдите, здѣсь проходѣ»... (стр. 124).

ПѢСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Видѣніе Данте. Онъ видитъ во снѣ двухъ женщинъ: одна — сирена, представляетъ земныя блага, увлеченіе которыми оплакивается въ трехъ высшихъ кругахъ Чистилища, куда долженъ проникнуть Данте; другая олицетворяетъ истинныя блага — истину и добродѣтель. Солнце взошло; поэты продолжаютъ свой путь и, по указанію ангела, восходятъ по ступенямъ, ведущимъ въ пятый кругъ, гдѣ томятся Скупцы. Встрѣча съ папой Адрианомъ V.

Въ тотъ часъ, когда жаръ потухшаго дня, побѣжденный землей, а по временамъ и Сатурномъ, не можетъ больше согрѣвать холодъ Луны;

Когда геомантики ¹⁾ видятъ знакъ, который они называютъ ихъ самой большой фортуной, подымающимся на востокъ, передъ самымъ разсвѣтомъ, по той небесной дорогѣ, которая не долго останется темной,

Мнѣ представилась во снѣ заикающаяся женщина, съ косыми глазами, кривыми ногами, съ обрѣзанными руками и синеватымъ цвѣтомъ лица ²).

Я разсматривалъ ее и, подобно тому, какъ солнце оживляетъ члены, оцѣмѣвшие отъ ночного холода, такъ и мой взглядъ развязалъ

Ея языкъ; потомъ очень быстро выпрямилъ ее всю и зарумянилъ ея печальное лицо, какъ этого требуетъ любовь.

Когда она, такимъ образомъ, почувствовала развязаннымъ свой языкъ, она начала пѣть такъ хорошо, что мнѣ было-бы очень трудно отвести отъ нея мое вниманіе.

«Я, — пѣла она, — я пѣющая сирена, которая, среди морей, совращаетъ съ пути морехоловъ—такъ сильно ихъ полетрекаетъ удовольствіе слушать мое пѣніе.

«Я своимъ пѣніемъ совратила Улисса съ его бродячаго странствованія; кто останавливается около меня, рѣдко уходитъ—до такой степени я его ошьяняю».

Она не успѣла еще закрыть рта, когда около меня появилась святая женщина ³), которая старалась смутить ее.

«О, Virgilii, Virgilii! кто эта женщина?» говорила она гордо; а онъ подходилъ, со взорами, устремленными только на святую женщину.

Она схватила первую и, раздравъ ея одѣяніе спереди, показала мнѣ ея животь. Вонь, распространившаяся оттуда, была такъ ужасна, что я проснулся.

Я водилъ вокругъ глазами, а добрый Virgilii говорилъ мнѣ: «я по крайней мѣрѣ три раза звалъ тебя. Встань и иди; надо найти отверстіе, черезъ которое ты пройдешь».

Я всталъ; круги священной горы были уже полны свѣтомъ дня, и подвигаясь впередъ, мы имѣли солнце позади насъ.

Я шелъ за нимъ съ челомъ, какъ у того, котораго голова обременена мыслями и наклоняется, какъ половина арки моста.

И вдруг я услышалъ: «подойдите, здѣсь проходъ». И эти слова были сказаны такимъ ирѣжимъ и пріятнымъ тономъ, что такого не услышишь въ этой смертной области.

Своими раскрытыми крыльями, похожими на крылья лебеди, тотъ, который говорилъ намъ такъ, повелъ насъ между двухъ стѣнъ грозной горы;

Затѣмъ онъ помахалъ своими перьями и обдулъ имъ мое чело ⁴⁾ «qui lugent, — утверждая, — будутъ счастливы, ибо у нихъ будетъ чѣмъ утѣшить ихъ души».

«Ну, что ты тамъ смотришь на землю?» — началъ говорить мнѣ мой руководитель вскорѣ послѣ того, какъ ангелъ поднялся надъ нами.

Я отвѣчалъ ему: «охватившее меня снова новое видѣніе погружаетъ меня въ такія сомнѣнія, что я не могу не думать объ этомъ».

«Ты видѣлъ, — сказалъ онъ, — древнюю волшебницу, которая въ кругахъ, находящихся ниже насъ, одна заставляетъ проливать столько слезъ? Ты видѣлъ, какъ человѣкъ можетъ освободиться отъ нея?

«Но довольно. Стучи по землѣ своими подонками и вскинь глазами къ этому напоминанію, которое дѣлаетъ тебя вѣчнымъ царемъ съ его громадными колесами».

Подобно соколу, который сначала посматриваетъ на свои лапы, подлетаетъ по крику охотника, потомъ устремляется въ полетъ за жертвой, привлекающей его, —

Такимъ и я теперь былъ и такимъ, пока скала расщеплена для прохода тому, кто восходитъ по немъ, — я шелъ до той точки, гдѣ входятъ въ кругъ.

Когда я проникъ въ пятый кругъ, я увидѣлъ тамъ души, лежащія ницъ на землѣ и плачущія ⁵⁾.

«*Adhaesit pavimento anima mea* ⁶⁾», — говорила она съ такими глубокими вздохами, что ея слова были чуть слышны.

«О, избранныки Божіи, для которыхъ справедливость и надежда дѣлають страданія менѣе ужасными! Направьте насъ на высшія ступени».

«Если вы приходите сюда, освобожденные отъ того, чтобы лежать на землѣ и если вы поскорѣе хотите найти дорогу, пусть ваша правая рука всегда находится на вѣшной сторонѣ круга».

Таковъ былъ вопросъ поэта и таковъ былъ отвѣтъ, сдѣланный ему нѣсколько впереди отъ насъ. По этимъ словамъ я заключилъ, что души эти не знали половинны моей судьбы.

Я направилъ глаза къ глазамъ моего учителя, и веселымъ знакомъ онъ согласился на то, чего мои взгляды требовали съ такимъ желаніемъ.

Когда я получилъ власть дѣлать что хочу, я подошелъ къ этому существу, котораго слова сначала такъ поразили меня,

Говоря: «духъ, въ которомъ слезы помогаютъ созрѣнію искупленія, безъ котораго невозможно возвратиться къ Богу, пріостанови немного ради меня твою самую важную заботу.

«Кто былъ ты? И почему у всѣхъ васъ спина повернута къверху? И скажи мнѣ еще, не хочешь-ли ты, чтобы я выпросилъ для тебя что-нибудь въ томъ мірѣ, изъ котораго я вышелъ живымъ».

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «почему небо повелѣло, чтобы наша спина была повернута къ нему, ты объ этомъ узнаешь; но прежде всего <scias quod ego fui successor Petri ?>».

«Между Сестри и Кіавари низвергается прекрасная рѣка ⁸⁾); отъ ея названія взялъ верхушку свою титулъ нашей семьи.

Одинъ мѣсяць и нѣсколько дней доказали мнѣ, какъ тяжелъ великій плащъ для того, кто защищаетъ его отъ грязи; всѣ другія тяжести кажутся такими-же легкими, какъ перья.

«Мое обращеніе, увы! было позднимъ, но когда я былъ сдѣланъ римскимъ пастыремъ, я открылъ, какъ обманчива жизнь.

«Я увидѣлъ, что тамъ сердце не имѣетъ покоя, и что выше

нельзя подняться въ этой смертной жизни; поэтому-то любовь вѣчной жизни загорѣлась во мнѣ.

«До этой минуты я была несчастная душа, отдѣленная отъ Бога, совершенно скудная; и, какъ ты видишь, она здѣсь была наказана.

«То, что слѣдуетъ за скудностью, обнаруживается здѣсь въ очищеніи перевернутыхъ дуиъ, и на этой горѣ нѣтъ болѣе горькаго наказанія.

«Такъ какъ нашъ глазъ, направленный къ земнымъ предметамъ, не возвышался къ небу, то справедливость держать его прикованнымъ къ землѣ.

«Такъ какъ скудость потушила въ насъ любовь ко всякому иному истинному благу и этимъ умертвила всякое доброе дѣло, то справедливость держать насъ здѣсь въ мученіи,

«Со связанными руками и ногами, и плѣнниками, и до тѣхъ поръ, пока справедливому Господу будетъ угодно, мы останемся здѣсь неподвижными».

Я наклонилъ колѣни и хотѣлъ говорить; но когда я началъ, только тогда духъ, слушая меня, замѣтилъ объ этомъ знакъ моего уваженія.

«Выпрями свои ноги и встань, братъ, — отвѣтилъ онъ. — Не заблуждайся. Подобно тебѣ и другимъ, я — слуга той-же власти.

«Если ты когда-нибудь понялъ то мѣсто святаго Евангелія, гдѣ сказано: «Neque nubent», ты въ состояніи понять, почему я такъ рассуждаю ⁹⁾.

«А теперь уходи! Я не хочу, чтобы ты долѣе оставался, ибо твое присутствіе мѣшаетъ мнѣ проливать слезы, благодаря которымъ созрѣваетъ искупленіе, о которомъ ты говорилъ.

«Тамъ, на землѣ, у меня есть племянница, по имени Аладжіа ¹⁰⁾; сама по себѣ она добра, лишь бы только ее не сдѣлалъ дурной нашъ домъ своимъ примѣромъ.

«Только она и осталась у меня тамъ».

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹⁾ Геомантика есть искусство отгадыванія съ помощью точекъ, обозначенныхъ случайно на пескѣ или на бумагѣ. Когда точки расположены въ порядкѣ, похожемъ на распредѣленіе звѣздъ въ концѣ Водолея и въ началѣ Рыбъ, то это считалось знакомъ особенно благоприятнымъ и называлось великой Фортуной.

²⁾ Ломбарди полагаетъ, что эта женщина олицетворяетъ ложь.

³⁾ По мнѣнію того-же комментатора, святая женщина олицетворяетъ истину.

⁴⁾ Ангель стираетъ слѣдующее Р (грѣхъ лѣности), говоря: «блаженны плачущіи, ибо они утѣшатся» («Beati qui lugent, quoniam ipsi consolabuntur»), Ев. отъ Матвея, V, 4.

⁵⁾ Души скупцовъ.

⁶⁾ Слова Псалма 118: «Моя душа привязалась къ землѣ».

⁷⁾ «Знай, что я былъ наслѣдникомъ Петра». Папа Адрианъ V, изъ дома Фіески. Его родственники носили титулъ графовъ Лаваньо.

⁸⁾ Лаваньо.

⁹⁾ «Neque nubent» — слова Иисуса Христа садукееямъ, которые полагали, что въ будущей жизни будутъ браки. Когда они спросили Его объ этомъ, онъ имъ отвѣчалъ: «заблуждаетесь, не зная Писанія, ни силы Божіей. Ибо въ воскресеніи ни женятся, ни выходятъ замужъ; но пребываютъ, какъ Ангелы Божіи на небесахъ» (Erratis, nescientes scripturas neque virtutem Dei. In resurrectione enim neque nubent, neque nubentur, sed erunt sicut angeli Dei in caelo), Ев. отъ Матвея, XXII, 29—30.

¹⁰⁾ Аладжіа — жена Марчело Маласпины, покровителя Данте.

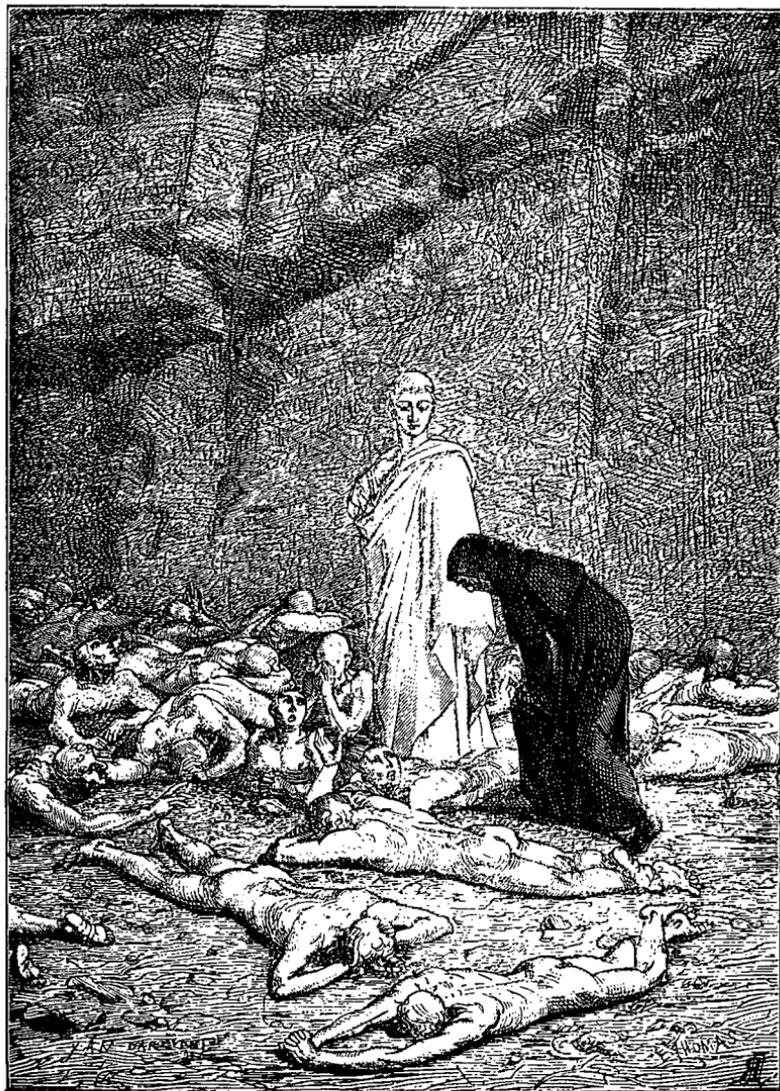
ПѢСНЬ ДВАДЦАТАЯ.

Отойдя отъ папы Адриана, поэты слышатъ голосъ тѣни, которая, вздыхая, напоминаетъ примѣры добровольной бѣдности и щедрости. Это — Гуго Великій, отецъ Гуго Капета. Онъ рассказываетъ поэтамъ преступленіе его жаднаго потомства, которое онъ проклинаетъ, потому что оно совершило нашествіе на Италію. Онъ передаетъ имъ также, что всѣ его товарищи искупленія въ этомъ кругѣ напоминаютъ, какъ и онъ, примѣры безкорыстія въ теченіе дня, а ночью съ негодованіемъ бесѣдуютъ о великихъ преступленіяхъ, совершенныхъ скупостію. Начинается землетрясеніе; при видѣ этого, всѣ души, при великомъ удивленіи Данте, начинаютъ пѣть: «Хвала Господу!»

Противъ лучшей воли другая воля не должна бороться; и поэтому, желая сдѣлать пріятное этому духу, даже вопреки моему собственному удовольствію, я вынулъ изъ воды губку, не насыщенную еще моимъ любопытствомъ.

Я отправился въ путь, и мой руководитель пошелъ также по мѣстамъ, оставленнымъ свободными около скалы, какъ идутъ по узкой стѣнѣ, вдоль амбразуръ;

Ибо души, испускающія каплю за каплей изъ своихъ глазъ зло, которымъ покрыть весь міръ, заполняли другую сторону.

«Ну, что ты там смотришь на землю?» — начал говорить мой руководитель
вскорѣ послѣ того, какъ ангель поднялся надъ нами...
(Чистилище, Пѣснь XIX, стр. 124).

Будь проклята, древняя волчица ¹⁾, поглощающая своимъ бездоннымъ ненасытнымъ голодомъ болѣе жертвъ, чѣмъ всѣ другіе звѣри!

О, небо! которое своими движеніями измѣняетъ, какъ можно было бы предполагать земныя вещи, когда прійдетъ Тотъ, передъ Которымъ этотъ звѣрь долженъ убѣжать?

Мы шли медленнымъ, разсчитаннымъ шагомъ, и я внимательно, съ жалостью слушалъ, какъ души плакали и жаловались.

И случайно я услышалъ крики передъ нами: «о, нѣжная Марія!» И этотъ жалобный голосъ былъ похожъ на голосъ женщины, которая находится въ родахъ.

Онъ продолжалъ: «ты была бѣдна, на сколько это можно видѣть изъ тѣхъ яслей, куда ты положила свою святую нону!»

Затѣмъ я услышалъ: «о, добрый Фабрицій! ²⁾ ты предпочиталъ обладать добродѣтелью въ бѣдности, чѣмъ великимъ богатствомъ въ пороки».

Эти слова были такъ пріятны мнѣ, что я приблизился, чтобы замѣтить душу, изъ которой они, казалось, исходили.

Голосъ этотъ говорилъ еще о щедрости Николая по отношенію къ дѣвственницамъ, чтобы онѣ могли нести съ честью свою молодость ³⁾.

«О, душа, столь хорошо говорящая! скажи мнѣ, кто ты была,—сказалъ я,—п почему ты одна только повторяешь эти заслуженныя похвалы?»

«Твои слова не останутся безъ вознагражденія, если я возвращусь, чтобы окончить короткій путь этой жизни, бѣгущей къ своему концу».

Она сказала мнѣ: «я отвѣчу тебѣ не ради помощи, которую я ожидаю оттуда, но ради того, что такая рѣдкая благодать сіяетъ въ тебѣ прежде, чѣмъ ты умерь».

«Я была корнемъ дурной травы, которая бросаетъ вредную тѣнь на всю христіанскую землю, до такой степени, что она рѣдко даетъ хорошіе плоды».

«Но еслибы Дуэ, Гентъ, Лиль и Брюгге имѣли силу, то вскорѣ наступила-бы месть, и я молю объ этомъ Того, Кто судить всякую вещь.

«Тамъ я былъ названъ Гуго Капетомъ; отъ меня родились Филиппы, Людовики, которые съ недавняго времени управляютъ Франціей ⁴⁾).

«Я былъ сыномъ парижскаго мясника. Когда древніе короли печезли, за исключеніемъ одного, который носилъ сѣрое одѣяніе,

«Въ моихъ рукахъ оказался узда правленія, и я имѣлъ такую власть въ этомъ новомъ положеніи и былъ окруженъ столькими друзьями,

«Что овдовѣвшая корона была обѣщана моему сыну, и отъ него вышли священныя кости новыхъ королей.

«Пока великое провансальское приданое не стерло позора съ моей крови, она не много стоила, но не дѣлала зла.

«Но съ тѣхъ поръ жестокою и грабежомъ она начала свои опустошенія; потомъ, чтобы исправиться, она захватила Понтъ и Нормандію, и захватила еще Гасконью.

«Карль ⁵⁾ пришелъ въ Италію и, чтобы исправиться, сдѣлалъ жертвой Конрадина ⁶⁾, а потомъ отправилъ Тому ⁷⁾ въ небо, — все съ тѣмъ, чтобы исправиться.

«Я предвижу время, и оно не очень далеко, когда другой Карль ⁸⁾ придетъ изъ Франціи, чтобы лучше зарекомендовать себя и сына.

«Онъ выходитъ безъ оружія и только съ коньемъ, съ помощью котораго боролся Гуда, и онъ имъ управляетъ такъ хорошо, что прокалываетъ брюхо Флоренціи.

«И тамъ онъ пріобрѣтеть не земли, а грѣхъ и позоръ, тѣмъ болѣе тяжелые, что такое преступленіе покажется ему очень легкимъ.

«Другой ⁹⁾, который уже вышелъ плѣнникомъ изъ своего корабля, я его вижу продающимъ свою дочь и торгующимся изъ-за нея, какъ дѣлають корсары по отношенію къ другимъ рабамъ.

«О, скудость! Чтò можешь ты сдѣлать еще больше, если ужъ до такой степени привлекла къ себѣ мою кровь, что она не заболитъ даже о своемъ собственномъ тѣлѣ?

«Но чтобы будущее и прошлое зло казались не столь великими, я вижу цвѣтъ Лиліи входящимъ въ Ананью, и, въ лицѣ своего викарія, Христа плѣнникомъ.

«Я его вижу вторично отданнымъ на посмѣшнице; я вижу обновленнымъ оцетъ и горечь; между двумя живыми разбойниками, я вижу его умирающимъ ¹⁰⁾.

«Я вижу новаго Плата, столь жестокаго, что это его не насыщаетъ, и безъ позволенія тѣхъ, у кого власть, онъ несетъ въ храмъ свои жадныя желанія ¹¹⁾.

«О, Господи! Когда буду я на столько счастливъ, что увижу месть, которая, скрытая въ твоихъ тайникахъ, смячаетъ твой гнѣвъ?

«Что-же касается того, чтò я говорилъ объ единственной Супругѣ Духа Святого, Которая направила тебя ко мнѣ для нѣкоторыхъ объясненій,

«Это входитъ въ наши молитвы, пока длится день, но когда наступаетъ ночь, мы, вмѣсто этого, бесѣдуемъ о примѣрахъ противоположныхъ.

«Тогда мы бесѣдуемъ о Пигмалионѣ ¹²⁾, который, благодаря своей прозорливой страсти къ золоту, сдѣлался измѣнникомъ, разбойникомъ и отцеубійцей,

«И о несчастнѣ скупого Мидаса, наказаннаго вслѣдствіе его жаднаго требованія, надъ которымъ хорошо всегда подсмѣиваться ¹³⁾.

«Потомъ, каждый воспоминаетъ того безумца Ахама ¹⁴⁾, и какъ онъ укралъ оставшуюся отъ врага добычу, такъ что здѣсь гнѣвъ Іисуса Навина, кажется, грызетъ еще его.

«Затѣмъ мы обвиняемъ Сафиру и ея мужа ¹⁵⁾; мы хвалимъ тѣхъ, которые топтали ногами Геліодора ¹⁶⁾, но на всей горѣ возвышается въ позорѣ

«Полиместоръ, убившій Полидора ¹⁷). Наконецъ, кричать: «о, Крассъ! скажи намъ, ибо ты это знаешь, каковъ вкусъ золота?»»

«По временамъ мы бесѣдуемъ, одинъ — громкимъ голосомъ, другой — тихимъ, слѣдую склонности, которая насъ побуждаетъ и дѣлаетъ нашъ шагъ то бѣльшимъ, то меньшимъ.

«Я не одинъ теперь вспоминалъ о благи, о которомъ бесѣдуютъ въ теченіе дня; но здѣсь никто другой не возвышалъ голоса».

Мы уже удалились отъ этого духа и старались выходить по дорогѣ такъ скоро, какъ могли,

Какъ вдругъ я почувствовалъ, подобно падающему предмету, дрожаніе горы; поэтому я былъ охваченъ холодомъ, какъ обыкновенно охваченъ тотъ, который идетъ на смерть.

Конечно, Делосъ не дрожалъ такъ сильно, прежде чѣмъ Ла-топа устроила тамъ свое гнѣздо, чтобы родить два небесныхъ глаза ¹⁸).

Потомъ со всѣхъ сторонъ поднялся такой крикъ, что учитель обернулся ко мнѣ, говоря: «не бойся ничего до тѣхъ поръ, пока я руковожу тобой».

«Gloria in excelsis Deo!» — кричали всѣ, на сколько я могъ понять, въ мѣстѣ, сошедшемъ съ тѣмъ, гдѣ я находился, и откуда крики были слышны ²⁹).

Мы стояли тамъ неподвижно, въ недоумѣніи, какъ тѣ пастухи, которые услышали этотъ крикъ въ первый разъ, — до тѣхъ поръ, когда прекратилось землетрясеніе и голоса замолчали.

Затѣмъ мы снова пустились въ святой путь, смотря на тѣни, распростертыя на землѣ и уже возвратившіяся къ своимъ прежнимъ жалобамъ.

Если моя память не заблуждается, никогда незнаніе какой-либо вещи не мучило меня такъ сильно и не сдѣлало меня столь жаждущимъ знать,

Какимъ мигъ казалось быть въ моей мысли. Вълѣдствіе быстроты нашей ходьбы, я не смѣлъ спрашивать, а самъ по себѣ я ничего не могъ понять.

Такъ я шелъ, боязливый и задумчивый.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

¹⁾ Скупость. Это — та-же самая волчица, о которой Данте говоритъ въ первой пѣснѣ «Ада».

²⁾ Фабрицій, римскій военачальникъ, отказавшійся взять деньги отъ Пирра, который хотѣлъ его подкупить.

³⁾ Святитель Николай, епископъ Миры. Этотъ епископъ, узнавъ, что одинъ бѣдный житель города хочетъ отдать на жертву проституціи трехъ своихъ дочерей, которыхъ онъ не могъ выдать замужъ, за немѣнѣемъ для нихъ приданого, приказалъ бросить ночью черезъ окно въ домъ несчастнаго отца столько золота, что онъ могъ выдать отлично своихъ дочерей.

⁴⁾ Въ этомъ мѣстѣ Данте въ изобилии расточаетъ брань противъ французскихъ королей. Будучи гиббелиномъ, поэтъ не могъ забыть поддержки, которую его враги, гвельфы, получили отъ Карла Валуа.

⁵⁾ Карль д'Анжу, братъ Людовика Святого. Онъ получилъ въ приданое Провансъ, женившись на дочери Раймонда Беранже.

⁶⁾ Конрадинъ, сынъ Фридриха II.

⁷⁾ По мнѣнію Виллани, Карль Анжуйскій заключилъ въ темницу святого Оому Аквината.

⁸⁾ Карль Валуа, братъ Филиппа Прекраснаго, отравленный папою Бонифаціемъ VIII во Флоренцію, гдѣ онъ отличался своей жестокостію. Его вступленіе во Флоренцію привело къ торжеству партію Черныхъ, и вызвало изгнаніе Данте.

⁹⁾ Карль II, король Сициліи и Пуліи; онъ былъ взятъ въ плѣнъ Руджеріи Доріа, адмираломъ короля Петра Арагонскаго, и впоследствии выдалъ свою дочь Беатриче за Аззоне II, который заплатилъ ему огромную сумму денегъ.

¹⁰⁾ Veggio...

Е nel vicario suo Cristo esser catto
Veggiolo un'altra volta esser deriso,
Veggio rinnovellar l'aceto e 'l felle.—

Здѣсь дѣло касается папы Бонифація VIII, котораго взяли въ плѣнъ въ Ананіи Ногаре, и Стефанъ Колонна, военачальника арміи Филиппа Прекраснаго.

¹¹⁾ Намекъ на истребленіе Ордена Темпліеровъ.

¹²⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о Пигмалионѣ, сынѣ Беды и братѣ Дидоны, который измѣной убилъ Сихей, своего дядю и мужа Дидоны.

¹³⁾ Мидасъ, царь Лидіи, былъ наказанъ тѣмъ, что всякая пища, которую онъ подносилъ ко рту, превращалась въ золото.

¹⁴⁾ Ахамъ былъ побить камнями за то, что присвоилъ себѣ часть добычи, взятой при Иерихонѣ.

¹⁵⁾ Сафира и ея мужъ, Ананій, измѣнили обѣту бѣдности и упали мертвыми, при первыхъ упрекахъ св. Петра.

¹⁶⁾ Геліодоръ, отправленный Селевкомъ ограбить Іерусалимскій храмъ, былъ растоптанъ копытомъ лошади, на которой сидѣлъ верхомъ вооруженный всадникъ, внезапно появившійся около него.

¹⁷⁾ Полиместоръ, царь Оракинъ, убилъ Полидора, сына Пріама, чтобы завладѣть его богатствами.

¹⁸⁾ Аполлонъ и Діана.

¹⁹⁾ Начало гимна ангеловъ на рожденіе Іисуса Христа.

Такъ и намъ явилась тѣнь; она шла позади насъ и смотрѣла на толпу...
(стр. 136).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Передъ Данте появляется тѣнь Стація, который, окончивъ свое очищеніе, идетъ въ Рай. Стацій объясняетъ причину землетрясенія и крики радости душъ грѣшниковъ. Это землетрясеніе и этотъ торжествующій крикъ бывають каждый разъ, когда душа очищена и уходитъ изъ Чистилища на небо. Стацій преклоняетъ колѣни передъ Виргиліемъ.

Эта естественная жажда, которая утоляется только водою, о которой умоляла самаритянская женщина ¹⁾,

Мучила меня и побуждала меня спѣшить за мной руководителемъ по этому загроможденному пути, и я былъ тронутъ состраданіемъ передъ справедливою местию Бога.

И вотъ, подобно Лукъ, который писалъ, что Христосъ, уже вышедшій изъ могильной ямы, явился двумъ человѣкамъ, стоявшимъ на дорогѣ ²⁾,

Такъ и намъ явилась тѣнь; она шла позади насъ и смотрѣла на толпу, лежавшую у ея ногъ, и мы ее не замѣтили прежде, чѣмъ она заговорила,

Сказавъ: «братья мои! Да испошлетъ Господь на васъ миръ!» Мы быстро обернулись и Виргилій жестомъ прилично ее привѣтствовалъ,

Потомъ началъ: «пусть въ собраніи блаженныхъ приметъ тебя съ миромъ судъ истины, оставляющій меня въ вѣчномъ изгнаніи».

«Какъ!—сказалъ духъ,—почему идете вы такъ быстро, если вы тѣни, которыхъ Богъ не допускаетъ до неба? Кто приведетъ васъ до этихъ ступеней?»

Мой учитель отвѣчалъ: «если ты взглянешь на знаки, которые имѣются на челѣ воть этого человѣка, начертанные ангеломъ, то увидишь, что онъ долженъ царствовать съ добрыми ³⁾».

«По такъ какъ та ⁴⁾, которая придетъ день и ночь, не получила еще пряжу, которую Клото пополняетъ и даетъ каждому изъ насъ,

«Его душа, твоя и моя сестра, направляясь на вершину, не могла идти одна, ибо она не въ состояніи такъ хорошо видѣть, какъ мы видимъ,

«То я и былъ извлеченъ изъ широкой пасти Ада съ тѣмъ, чтобы показать ему путь, и я буду ему показывать до тѣхъ поръ, пока моя наука будетъ въ состояніи руководить имъ.

«Но скажи намъ, если ты только знаешь это, почему гора пещеръ такое землетрясеніе и почему до самаго ея подножья, омываемаго моремъ, всѣ души, казалось, отвѣчали на это однимъ крикомъ?»

Этимъ вопросомъ Виргилій попалъ прямо въ игольное ушко моего желанія, такъ что, благодаря надеждѣ, моя жажда почувствовала меньшее томленіе.

Духъ началъ: «эта святая гора ничего не испытываетъ безъ повелѣнія Бога; въ противномъ случаѣ она была бы внѣ его законовъ.

«Это мѣсто освобождено отъ всякаго поврежденія; причина этого шума можетъ заключаться въ томъ, что Небо принимаетъ въ лоно своео душу, а вовсе не отъ другой какой причины,

«Ибо здѣсь не идетъ ни дождь, ни градъ, ни снѣгъ, не падаетъ роса, не появляется иней, но за дверью съ тремя маленькими ступенями-

«Тутъ не увидишь ни тучъ, густыхъ или рѣдкихъ, ни молніи, ни дочери Тавманта, которая тамъ такъ часто жѣняется⁵⁾.

«Сухой паръ точно также не подымается выше послѣдней изъ трехъ ступеней, о которыхъ я тебѣ говорилъ, на которой стоять ноги Викарія Петра⁶⁾.

«Можетъ быть ниже гора и испытываетъ болѣе или менѣе сильныя потрясенія, но вслѣдствіе вѣтра, скрытаго въ землѣ, я не знаю, почему эти высокія мѣста никогда не бывають потрясены.

«Они потрясены бывають только тогда, когда душа, чувствуя, что она очищена, поднимается и двигается, чтобы устремиться вверхъ, и этотъ крикъ сопровождаетъ ее.

«Одна лишь воля является доказательствомъ очищенія; она побуждаетъ душу, уже освобожденную отъ испытаній, измѣнить мѣсто своего пребыванія, — и она радуется этой волѣ.

«Вначалѣ она бы и хотѣла этого, но желаніе очищенія не позволяеть этого, ибо это стремленіе, которое она испытывала къ грѣху, внушается ей какъ наказаніе божественной справедливостью.

«И я, который лежалъ подъ этими страданіями пятьсотъ лѣтъ, и больше, я только въ этотъ моментъ почувствовалъ свободную волю къ другому мѣстопробыванію.

«Вотъ почему ты услышалъ землетрясеніе, а на горѣ голоса благочестивыхъ душъ, восхваляющихъ Господа, чтобы и ихъ онъ вскорѣ принять на небо».

Такъ говорилъ онъ. И подобно тому, какъ чѣмъ больше жажды, тѣмъ пріятнѣе пить, такъ и я не въ состояніи сказать, какое удовольствіе мнѣ это доставило.

Мой мудрый руководитель сказалъ: «теперь я вижу, какая сѣтка окружаетъ васъ здѣсь, почему гора потрясается, и почему вы всё такъ радуетесь этому.

«А теперь, кто ты былъ? позволи мнѣ это узнать,—и почему въ теченіе столькихъ вѣковъ ты былъ распростертъ здѣсь? Позволь мнѣ понять это въ твоихъ словахъ».

«Въ тѣ времена, когда добрый Титъ, съ помощью великаго царя, отомстилъ рану, изъ которой вытекала кровь, пролитая Іудой,

«Тогда, — продолжалъ духъ, — съ именемъ, которое длится и почитается больше всего, я былъ тамъ, уже прославленный, но не имѣвшій еще вѣры.

«Мое пѣніе было такъ прекрасно, что меня, тулузца, Римъ привлекъ къ себѣ и тамъ я удостоился украсить мою голову миртомъ.

«Стаціи есть имя, которое мнѣ еще даютъ тамъ; я воспѣвалъ Фивы, а потомъ великаго Ахилла, но я упалъ на дорогѣ вмѣстѣ съ этой второй пошею.

«Мое рвеніе нашло искры, которыя должны были воспалить его въ этомъ божественномъ пламени, гдѣ болѣе тысячи другихъ воспламенялись.

«Я говорю объ Энеидѣ, которая была моею матерью и кормилицей въ поэзіи; безъ нея я не написалъ ничего, что-бы вѣсило хотя-бы драхму.

«И чтобы жить тамъ, когда жилъ Вергилій, я-бы согласился отсрочить на цѣлый годъ выходъ изъ моего изгнанія» 7).

Эти слова заставили обернуться ко мнѣ Вергилія съ такимъ видомъ, какъ-бы онъ, не произнося ни слова, говорилъ: «молчи!» Но воля не все можетъ, чего хочеть.

Смѣхъ и плачь такъ близко слѣдуютъ за страстью, которая обнаруживаетъ ихъ, что они меньше повинуются волѣ самыхъ искреннихъ людей.

И я сталъ улыбаться, какъ человѣкъ, подмигивающій глазомъ, такъ что тѣнь замолчала и поглядѣла мнѣ въ глаза, гдѣ душа обнаруживается больше.

«Желаю тебѣ, чтобы ты успешно выполнилъ твое великое предпріятіе! Но почему только-что твое лицо обнаружило этотъ отблескъ улыбки?»

Тогда я очутился между однимъ и другимъ; одинъ заставляетъ меня молчать, другой — умоляетъ говорить; поэтому я вздыхаю, и меня поняли.

«Говори, — сказалъ мой учитель, — и не бойся, но говори и скажи ему, о чемъ онъ спрашиваетъ съ такой заботой».

Поэтому я сказалъ: «можетъ быть ты удивляешься, древній духъ, улыбкѣ, которая показалась на моемъ лицѣ, но я хочу, чтобы еще большее удивленіе тебя поразило.

«Тотъ, который направляетъ на верхъ мои взоры, есть тотъ *Виргилій*, отъ котораго ты научился такъ сильно воспѣвать людей и боговъ».

«Если ты думать, что моя улыбка имѣла другой мотивъ, оставь этотъ ложный мотивъ, и вѣрь, что она была вызвана словами, которыя ты сказалъ о моемъ руководителѣ».

Станцій уже наклонился, чтобы обнять ноги моего учителя, но тотъ сказалъ ему: «братъ, не дѣлай этого, ибо ты тѣнь и ты видишь только тѣнь».

И тотъ, вставая, сказалъ: «теперь ты можешь понять величіе любви, которая меня воспаляетъ къ тебѣ, если ужъ я забылъ наше тщеславіе,

«Принимая тѣнь за тѣло».

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹⁾ Иисусъ Христосъ сказалъ самаритянкѣ: «Кто будетъ пить воду, которую Я дамъ, тогъ не будетъ жаждать въ вѣкъ» (*Qui biberit ex aqua quam ego dabo ei, non sitiet in aeternum*). Ев. отъ Іоанна, IV, 14.

²⁾ Евангеліе отъ Луки, XXIV.

³⁾ Т. е. знаки буквы Р.

⁴⁾ Парка Лахезисъ. Парки — это божества Ада, обязанныя пряхъ жизнь людей; ихъ было три: Клото, Лахезисъ и Атропосъ. Клото присутствуетъ при рожденіи и держитъ веретено, Лахезисъ — прядетъ, Атропосъ — обрѣзаетъ нитку. Это выражено въ слѣдующемъ латинскомъ стихѣ:

Clotho colum retinet, Lashesis net, et Atropos occat.

Парки были дочери Эреба и Ночи или Юпитера и Тетиды; ихъ также называли сестрами Фуриі; ихъ изображали старыми, съ мрачными, безобразными лицами.

⁵⁾ Тавмантъ или Тавмасъ — кентавръ. Прида (радуга) была дочерью его и Электры. Она была вѣстницей боговъ и, по преимуществу, Юноны и имѣла блестяща крылья. Юнона помѣстила ее на небо за ея услуги и дала ей форму радуги.

⁶⁾ У дверей Чистилища, гдѣ стоитъ ангель, которому св. Петръ довѣрилъ ключи (см. пѣснь девятую).

7) Все это говоритъ поэтъ Стацій. Онъ родился въ Неаполь, въ 61 году по Р. Х., умеръ въ 96 г. При жизни онъ былъ очень извѣстенъ; публично читалъ свои стихотворенія и былъ благодѣтельствованъ Домиціаномъ, котораго воспѣвалъ. Онъ написалъ «Фиванду», «Ахилленду», которую однако не успѣлъ окончить, и пять книгъ различныхъ стихотвореній, *Sylves*. Данте ошибочно предполагаетъ, что Стацій родился въ Тулузѣ. Но ошибка эта легко объяснима. Дѣло въ томъ, что было два Стація: одинъ—Понній Стацій, родившійся въ Неаполь, и другой—Суркуль или Урсоль Стацій, родившійся въ Тулузѣ. Первый и есть тотъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, потому что онъ упоминаетъ о «Фивандѣ» и «Ахиллендѣ», какъ о своихъ произведеніяхъ. Но Данте, говоря, что этотъ Стацій—тулузецъ, только повторилъ слова Лактанція въ его комментаріяхъ къ этимъ двумъ поэмамъ, смѣшавъ двухъ Стаціевъ. Къ тому-же «*Sylves*» Стація, въ которыхъ онъ самъ говоритъ, что родился въ Неаполь, — были открыты только спустя столѣтіе послѣ смерти Данте.

Но вскорѣ ихъ бесѣды были прерваны видомъ дерева, обремененнаго
нѣжными и душистыми плодами... (стр. 147).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Данте, Виргиліи и Стаціи вмѣстѣ восходятъ по ступенямъ въ шестой кругъ. Стаціи разсказываетъ, какъ онъ сдѣлался христіаниномъ подъ влияніемъ пророческихъ стиховъ Виргиліа и общенія съ мучениками. По дорогѣ они видятъ таинственное дерево. Это дерево обременено сладкими и душистыми плодами. Свѣжая вода обливаетъ его листья, изъ-за которыхъ слышенъ голосъ, запрещающій дотрогиваться до плодовъ дерева и обжорству противопоставляющій примѣры воздержанія.

Ангель уже остался позади насъ, который указалъ намъ дорогу къ шестому кругу, стережъ съ моего чела одно изъ пятенъ ¹⁾.

И тѣ, которыхъ всѣ желанія обращены къ справедливости, сказали намъ своимъ нѣжнымъ голосомъ: «блаженны» и «жаждущіе» и остановились, не сказавъ ничего больше ²⁾.

И я, болѣе легкій, чѣмъ при другихъ отвѣстіяхъ, я шелъ такимъ шагомъ, что безъ всякой усталости стѣдовать, подымаясь за быстрыми духами ³⁾.

И Виргилій началъ: ⁴⁾ «любовь, воспламенившаяся къ добродѣтели, всегда воспламеняетъ другую, если только ея пламя обнаруживается извнѣ.

«Съ того часа, когда сошелъ къ намъ въ преддверье ада Ювеналь, ⁵⁾ который разсказалъ мнѣ твою любовь ко мнѣ,

Мое расположеніе къ тебѣ такъ возросло, что никогда болѣе сильное расположеніе не чувствуется къ лицу, котораго никогда не видалъ, такъ что эти ступени покажутся мнѣ очень короткими въ твоемъ обществѣ.

«Но скажи мнѣ и прости мнѣ, какъ другу, если слишкомъ большая откровенность распускаетъ узду моего языка, и, какъ другъ, разсуждай теперь со мною.

«Какимъ образомъ скупость могла найти себѣ мѣсто въ твоемъ ложѣ, среди всей той науки, которую ты былъ полонъ?»

Сначала эти слова вызвали улыбку Стація, а потомъ онъ сказалъ: «все, что ты мнѣ говорилъ, является для меня самымъ дорогимъ знакомъ твоей любви.

«По истинѣ, очень часто являются вещи, дающія ложное содержаніе сомнѣнію, потому что истинныя причины скрыты.

«Твой вопросъ заставляетъ меня полагать, что ты думаешь, будто бы я былъ скупъ въ той жизни, можетъ быть по причинѣ круга, въ которомъ я находился.

«Но знай, что скупость была слишкомъ далека отъ меня, и это излишество было наказано тысячею дугъ.

И еслибъ я не возбудилъ моего вниманія, когда я прочиталъ то мѣсто, гдѣ ты пишешь, какъ бы возмущенный человѣческой природой:

«Къ чему не приводишь ты желаній смертныхъ, ты, проклятый

голодь золота?»—я бы вращаясь принималъ участіе въ схваткахъ ада ⁶⁾).

«Тогда я понялъ, что руки могутъ слишкомъ открываться, чтобы расточать добро, и я раскаялся въ мотовствѣ, какъ и въ другихъ грѣхахъ.

«Сколько людей возстанутъ изъ гроба, съ лысиной на головѣ, въслѣдствіе ихъ незнанія, которое отнимаетъ у нихъ раскаяніе въ этомъ грѣхѣ, въ теченіе ихъ жизни, или въ послѣдній часъ!

«И знай тоже, что грѣхъ, прямо противоположный каждому грѣху, осушаетъ здѣсь свой ядъ вмѣстѣ съ этими грѣхами.

«Поэтому, если я находился, ради моего очищенія, съ тѣми, которые оплакиваютъ свою скупость, то это случилось въслѣдствіе противоположнаго порока».

«Однако, когда ты восхвалялъ жестокую войну, источникъ двойной печали Юкасты»,—сказалъ пѣвецъ буколическихъ стиховъ,—

«Если судить по звукамъ, бросаемымъ Кліо ⁷⁾ черезъ твои уста, не видно, чтобы вѣра, безъ которой добрыя дѣла недостаточны, поставила тебя среди вѣрныхъ.

«Если это такъ, то какое солнце или какой свѣтъ до такой степени разсѣяли твой мракъ, что съ тѣхъ поръ ты направилъ свои паруса къ ладѣ рыболова?»

Онъ отвѣчалъ: «ты первый, ты направилъ меня къ Парнасу, чтобы пить въ его гротахъ, и ты же первый, ты меня просвѣтилъ передъ Богомъ.

«Ты сдѣлалъ такъ, какъ тотъ, который идетъ ночью, неся позади себя свѣтъ, которымъ онъ не пользуется, но который освѣщаетъ тѣхъ, которые слѣдуютъ за нимъ.

И тогда ты сказалъ: «вѣкъ возобновляется, справедливость возвращается вмѣстѣ съ первыми временами человечества и новое поколѣніе нисходитъ съ небесъ» ⁸⁾).

«Благодаря тебѣ я былъ поэтомъ, благодаря тебѣ я сдѣлался

христианномъ. Но для того, чтобы ты лучше видѣлъ то, что я тебѣ рисую, я приложу руку, чтобы раскрасить рисунокъ.

«Ужъ весь міръ былъ насыщенъ истиной вѣрой, посвященной вѣстниками вѣчнаго царства,

«И слова твои, которыя я выше напомнилъ, согласовались со словами новыхъ проповѣдниковъ; я поэтому и привыкъ посѣщать ихъ.

«Внослѣдствіи они мнѣ показались столь святыми, что когда Доминианъ началъ ихъ преслѣдовать, ихъ слезы не текли, не смѣшиваясь съ моими слезами.

«Все время, какъ я оставался тамъ, я помогать имъ, и ихъ строгіе нравы внушали мнѣ презрѣніе ко всемъ другимъ сектамъ.

«И прежде чѣмъ я повелѣлъ грековъ къ рѣкѣ Оннъ въ мѣсяцъ іюль, я былъ крещенъ; но изъ боязни я былъ христианномъ скрытымъ.

«И долго я щеголялъ изычествомъ. За это равнодушіе я оставался въ четвертомъ кругѣ болѣе четырехъ столѣтій.

«И такъ, ты, который поднялъ покрывку, которая скрывала отъ меня величайшее благо, такъ какъ у насъ еще есть время, въ теченіе котораго мы должны пройти эту дорогу,

«Скажи мнѣ, если ты только знаешь это, гдѣ находятся наши древніе Теренцій, Цецилій, Плавтъ и Варронъ ⁹⁾, — гдѣ они? Скажи мнѣ, осуждены-ли они и въ какомъ кругѣ?»

«Эти, и Персій, я и многіе другіе, — отвѣчалъ мой руководитель — мы находимся вмѣстѣ съ тѣмъ грекомъ, котораго музы вскармливала болѣе, чѣмъ кого-либо другого ¹⁰⁾,

«Въ первомъ кругѣ мрачной тюрьмы; перѣдко бесѣдуемъ мы о горѣ, гдѣ наши кормилицы по-прежнему живутъ ¹¹⁾.

«Тамъ находятся вмѣстѣ съ нами Эврипидъ, Анакреонъ, Спмонидъ, Агатонъ и многіе другіе греки, украшавшіе свое чело лавромъ ¹²⁾.

«Тамъ можно видѣть и твоихъ героинь, Антигону, Деифилу,

Арцію и Пемону, и теперь еще столь-же печальную, какую она была некогда ¹³).

«Тамъ можно видѣть ту, которая указала на Лангію, потомъ дочь Тирезіа, и Остиду и съ своими сестрами Дендамію ¹⁴)».

Уже замолчали оба поэта, снова внимательно осматривая все вокругъ, потому что они уже прошли дѣтницы и стѣны;

И уже четыре служанки дна ¹⁵) остались позади, а пятая была у дна колесницы, направляя верху его воспламенившійся конецъ,

Когда мой учитель сказалъ: «я думаю, что слѣдуетъ повернуть наше правое плечо къ вѣшной сторонѣ круга, чтобы обойти гору, какъ это мы имѣемъ привычку дѣлать».

Такимъ образомъ эта привычка была нашимъ указаніемъ и мы пошли по дорогѣ не такъ робко, въ особенности, когда мы получили согласіе другой добродѣтельной души.

Они шли впереди, а я одинъ позади, и я слушалъ ихъ рѣчи, учившія меня понимать поэзію.

Но вскорѣ ихъ обѣ бесѣды были прерваны видомъ дерева, обремененнаго вѣжными и дунистыми плодами.

И, подобно тому, какъ у ели, поднимающейся къ небу, вѣтви все уменьшаются, такъ и у этого дерева вѣтви уменьшались со стороны земли, чтобы, какъ я думаю, никто не подымался на него.

Со стороны, гдѣ наша дорога была закрыта, съ высокой скалы падала блестящая жидкость, орошавшая ея листья.

Оба поэта подошли къ дереву, и изъ середины листьевъ выслылся голосъ: «вы не будете вкушать этой пищи».

Потомъ сказалъ: «Марія думала больше о томъ, чтобы брачный пиръ былъ приличный и полный, и не думала о своемъ ртѣ, черезъ который она вамъ отвѣчаетъ теперь ¹⁶)».

«Древніе римляне довольствовались водой, какъ напиткомъ; Даніилъ презиралъ пищу и приобрѣлъ науку.

«Первый вѣкъ былъ такъ же прекрасенъ, какъ золото; благодаря

голоду желуди были вкусны, благодаря жадѣ ручьи казались нектаромъ.

«Изъ меда и саранчи состояли блюда, которыя питали Крестителя въ пустынь; вотъ почему онъ славенъ и такъ великъ,

«Какъ показываетъ вамъ Евангеліе».

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

- 1) Пятно скуности.
 2) «Блаженны алчущіе и жаждущіе правды». (Beati qui sitiunt et esuriunt justitiam). Евангеліе отъ Матвея, V, 6.
 3) Т. е. за Виргиліемъ и Стаціемъ.
 4) Обращаясь къ Стацію.
 5) Онъ нарочно упоминаетъ объ Ювеналѣ, потому что Ювеналъ въ одной изъ своихъ сатиръ хвалилъ «Овиванду», поэму Стація.

6) Quid non mortalia pectora cogis, auris sacra fames!

(Энеида, кн. III).

7) Въ поэмѣ Стація «Овиванда» (1, 4) читаемъ: «Quam prius heroum Clio dabis?»

8) Почти буквальный переводъ слѣдующихъ стиховъ четвертой книги Виргилія.

Ultima Cumoci venit jam carminis actas;
 Magnus ab integro socclorum nascitur ordo,
 Jam redit et Virgo, redeunt Saturnia regna,
 Jam nova progenies caelo demittitur alto.

Полагая, что эти стихи намекаютъ на рожденіе Иисуса Христа, Данте, повидимому, слѣдуетъ блаженному Августину, который сказалъ: (Contra Iudaeos) «Nonne quando poeta ille facundissimus inter sua carmina jam nova progenies dicebat, Christi testimonium perhibebat».

9) Теренцій,—комическій поэтъ (200—159 до Р. X.). Цецилій—комическій поэтъ (ум. въ 174 г. до Р. X.). Плавтъ—комическій поэтъ (227—183 г. до Р. X.). Варронъ (Marcus Terentius Varro)—писатель и народный трибунъ, болѣе извѣстный эрудиціей, чѣмъ своими «Saturnae Menippae». О немъ Квинтиліанъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Quam multa, imo pene omnia tradidit Varro».

10) Гомеръ.

11) Гора Олимпъ; кормилицы—музы.

12) Эврипидъ—трагическій поэтъ (480—402 г. до Р. X.). Алакронъ—поэтъ (560—435 г. до Р. X.). Симонидъ—лирический поэтъ (558—468 г. до Р. X.). Агатонъ—греческій поэтъ (ум. около 490 г. до Р. X.).

13) Антигона—дочь Эдипа, царя Оивъ. Деифила—дочь Адраста и жена Полиника. Аргія—другая дочь Адраста. Исмена—сестра Антигоны. Поэтъ говоритъ, что Исмена и теперь также опечалена, какою была при жизни, потому что ея женихъ Киррей былъ убитъ Тидеемъ.

¹⁴⁾ Та, которая указала на источник Лангій, есть Гисепила, дочь Тоаса, царя Лемносского. Ломбарди полагаетъ, что Данте, говоря о дочери Тирезіа, намекаетъ не на Манто (какъ думаетъ Вентури), а на Дафна, известную также подъ именемъ Артемиды или дельфійской сивиллы. Фетиды—мать Ахилла. Деидамія—дочь Ликомеда, царя скиросского.

¹⁵⁾ Первые четыре часа.

¹⁶⁾ Богоматерь желала, чтобъ пиръ брака въ Каннѣ былъ приличенъ, и сказала своему Сыну: «у нихъ нѣтъ вина»; но, по мѣтлѣю Ломбарди, она требовала вина только для повобрачныхъ.

Но вот, из глубины своей головы, одна тѣнь обратила на меня свои глаза и внимательно на меня посмотрѣла... (стр. 152).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Данте, Виргилій и Стацій встрѣчаютъ по дорогѣ души обжоръ; плача, они поютъ псалмы и очищаются голодомъ и жаждой. Они видятъ Буонаджунту изъ Луки, Боуифація, Маркесе, Форезе. Этотъ послѣдній говоритъ Данте, что своимъ пребываніемъ въ Чистилищѣ онъ обязанъ добродѣтели и молитвамъ Неллы, своей жены. Онъ съ негодованіемъ говоритъ о безстыдствѣ флорентійскихъ дамъ.

Въ то время, какъ я устремилъ свои глаза на зеленую листву, подобно тому, кто теряетъ время, слѣдя за маленькой птичкой,

Тотъ, кто для меня болѣе, чѣмъ отецъ, говорилъ: «сынъ мой, пойдемъ теперь, ибо время, данное намъ, должно быть употреблено съ большею пользою».

Я обратилъ свои взоры и свои шаги къ мудрецамъ, которые говорили такъ хорошо, что мнѣ ничего не стоило идти.

И вотъ мы услышали плачь и гѣны: «Labia mea, Domine» ¹⁾, такъ что одновременно мнѣ было и приятно и больно.

«О, гѣнный отецъ! что слышу я?» — началъ я. Онъ отвѣтилъ мнѣ: «гѣны, которыя идутъ, можетъ быть, развизывая узелъ ихъ долга».

Подобно тому, какъ дѣлають задумчивые пилигримы, которые, встрѣтясь въ дорогѣ съ людьми, неизвѣстными имъ, обращаютъ свои взоры на нихъ и не останавливаются,

Такъ и безмолвная, благочестивая толпа, идя за нами быстро и проходя около насъ, смотрѣла.

У каждаго изъ нихъ были черные, вдавленные глаза, лицо блѣдное и до такой степени худое, что кожа обнаруживала форму костей.

Не думаю, чтобы у Эрезихтона ²⁾ кожа была такъ же суха, когда онъ больше всего страдалъ голодомъ.

Я говорилъ мысленно самому себѣ: «вотъ каковъ былъ народъ, погубившій Иерусалимъ, когда Марія запустила зубы въ тѣло своего сына ³⁾».

Ихъ глаза казались кольцами безъ камней; тотъ, кто читаетъ на лицѣ людей О М О, легко-бы узнать на ихъ лицѣ букву М ⁴⁾.

Кто-бы могъ подумать, не зная прежде причины, что запахъ плода и воды можетъ, возбуждая ихъ желаніе, мучить ихъ такъ сильно?

Я уже удивлялся, почему они были такъ изморены голодомъ, ибо причина ихъ голода и ихъ печальной чешуи была мнѣ еще неизвѣстна;

Но вотъ, изъ глубины своей головы, одна гѣнь обратила на меня свои глаза и внимательно на меня посмотрѣла, потомъ закрычала сильнымъ голосомъ: «какая мплость дана мнѣ?»

Никогда я-бы не узналъ ея по ея лицу, но въ ея голосѣ я вспомнилъ все, что черты лица поглотили въ себѣ.

И эта пскра воспламенила во мнѣ полное воспоминаніе объ этихъ лишенныхъ формы устахъ и я узналъ Форезе ⁵⁾).

«О, не обращай вниманія, — молилъ онъ меня, — на эту жестокую проказу, которая обезцвѣчиваетъ мою кожу, и на это тѣло, котораго у меня нѣтъ;

«По скажи мнѣ правду о тебѣ самомъ, и кто эти двѣ души, которыя сопутствуютъ тебѣ? Не откажи мнѣ въ твоихъ словахъ».

Я ему отвѣчалъ: «твое лицо, которое я уже оплакивалъ, когда ты умеръ, причиняетъ мнѣ не менѣе страданія и слезъ теперь, когда я его вижу столь измѣненнымъ.

«Скажи ты мнѣ, во имя Бога, чтѣ заставляетъ васъ такъ худѣть; не заставляй меня говорить о другомъ, пока я такъ удивляюсь, ибо худо долженъ говорить тотъ, кто пренесполненъ другою заботой».

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «изъ вѣчной справедливости падаетъ сила на эту воду и на это дерево, оставленное позади насъ, и эта тайная сила такъ изнируетъ меня.

«Всѣ эти души, которыя плачутъ и ноютъ за то, что покорялись своему рту безъ жѣры, должны здѣсь очищаться голодомъ и жаждой.

«Потребность пить и жечь возбуждается въ нихъ запахомъ плода и воды; орошающей земли,

«И не разъ, обходя это пространство, наше страданіе возобновляется; я говорю страданіе, но я долженъ былъ-бы сказать—утѣшеніе.

«Ибо воля, ведущая насъ къ этому дереву; есть та воля, которая привела Христа сказать: «Елі!»; когда онъ насъ освободилъ съ помощью крови своихъ венъ ⁶⁾).

«Я сказалъ ему: «Форезе! съ того дня, когда ты промѣнялъ мнѣ на лучшую жизнь, не прошло еще и пяти лѣтъ.

«Если способность грѣшить прекратилась въ тебѣ прежде, чѣмъ

насталъ часъ благотворнаго страданія, который соединяетъ насъ съ Богомъ,

«То какъ ты поднялся сюда? Я думалъ, что найду тебя еще тамъ, гдѣ время временемъ исправляется ⁷⁾».

Онъ отвѣтилъ мнѣ: «обычныя слезы моей Пеллы ⁸⁾ позволили мнѣ пить сладостную помянь ея страданій.

«Своими благочестивыми молитвами и своими вздохами она извлекла меня изъ того мѣста, гдѣ ожидаетъ, и освободила меня изъ другихъ круговъ.

«Она Богу тѣмъ болѣе пріятна и дорога, моя вдова, которую я такъ любилъ, что осталась одна съять добро;

«Ибо сардинская Барбаджія имѣетъ женщинъ гораздо болѣе цѣломудренныхъ, чѣмъ другая Барбаджія, гдѣ я ее оставилъ ⁹⁾.

«О, иѣжнѣй братъ! Чтѣ хочешь ты, чтобы я сказалъ? Будущее время уже стоитъ передъ моими глазами, время, для котораго настоящій часъ не будетъ особенно древнимъ,

«Когда съ высоты амвона будетъ запрещено безстыднымъ флорентинкамъ обнаруживать ихъ грудь и ихъ перси.

«Какія были варварки, какія были саррацинки, которыя-бы нуждались, чтобы заставить ихъ прикрываться, въ наказаніяхъ духовныхъ и другихъ?

«Но если-бы эти безстыдницы навѣрное знали, чтѣ небо спѣшить приготовить имъ, у нихъ уже открылся-бы ротъ, чтобы выть.

«Ибо если моя предусмотрительность не обманываетъ меня, онѣ будутъ печальны равнше, чѣмъ образуется пушокъ на щекѣ ребенка, который засыпаетъ теперь, слушая пѣснь своей кормилицы.

«О, братъ, не скрывайся болѣе отъ насъ; ты видишь, что не только я, но и все эти души смотрятъ на мѣсто, гдѣ твое тѣло заслонило собою солнце».

На это я ему отвѣчалъ: «если ты вспомнишь, какимъ ты былъ

со мной и какимъ я былъ съ тобой, это воспоминаніе будетъ для тебя очень тяжелымъ, даже теперь.

«Изъ этой жизни я былъ извлеченъ тѣмъ, который идетъ передо мною, въ тотъ день, когда сестра вотъ этого была кругла».

И я показаль на солнце. «Этотъ мудрецъ повелъ меня глубокою ночью къ истиннымъ мертвецамъ, съ этимъ истиннымъ тѣломъ, которое слѣдуетъ за нимъ.

«Потомъ его помощь поддержала меня до этихъ ступеней, проходя по горѣ, которая васъ выправляетъ, васъ, которыхъ міръ искривилъ.

«Онъ сказалъ мнѣ, что будетъ сопровождать меня до того мѣста, гдѣ будетъ Беатриче. Тогда, нужно будетъ, чтобы я остался безъ него.

«Виргилій тотъ, кто мнѣ такъ говорилъ, — и я показаль на него пальцемъ, — а этотъ другой есть тѣнь, вслѣдствіе которой задрожало во всѣхъ своихъ сводахъ

«Ваше царство, удалвшее его отъ себя».

ПРИМЪЧАНІЯ.

¹⁾ Первые слова псалма Давида: «Domine, labia mea aperies, et os meum apponitabit laudem tuam» (Господи, ты откроешь мои уста, и проч.).

²⁾ Эрезихтогъ или Эризихтогъ срубилъ лѣсъ, посвященный Церерѣ. Богиня отомстила ему тѣмъ, что возбудила въ немъ такой голодъ, что въ концѣ концовъ онъ съѣлъ свои собственные члены.

³⁾ Марія, дочь еврея Элизара, которая во время осады Иерусалима Титомъ съѣла своего собственного сына. (Иосифъ—«De bello judaico», кн. VII.).

⁴⁾ Слово ОМО (по-итальянски—человѣкъ) если помѣстить о между ножками м (**М**), представляетъ, при нѣкоторомъ воображеніи, человѣческое лицо, причемъ два О олицетворяютъ глаза, боковыя ножки М—щеки, а средняя ножка—носъ. Данте говоритъ, что на лицѣ пожираемыхъ голодомъ грѣшн-

ковъ можно было различить М, т. е. носъ и выступившія кости щекъ, но глаза (два о) исчезали, погруженные въ орбиты.

⁵⁾ Форезе—братъ Корсо Донати, другъ и родственникъ Данте, братъ Шикарды, съ которой мы еще встрѣтимся въ третьей пѣснѣ «Рая».

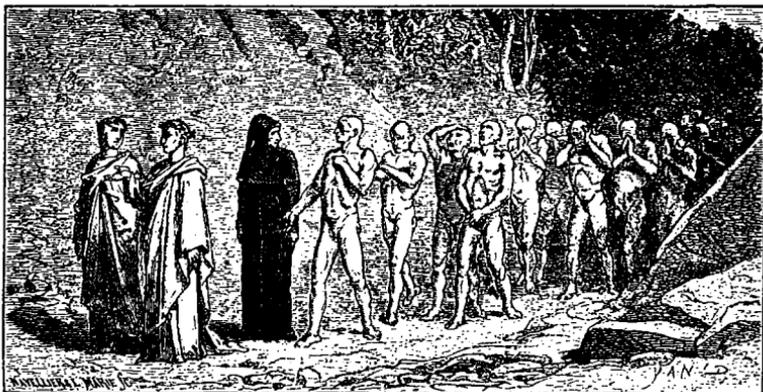
⁶⁾ *Eli, Eli lamma sabachtani* (Или, Или! лама савахани?), т. е. «Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставилъ.»—Слова Иисуса Христа на крестѣ. Евангеліе отъ Матвѣя, XXVII, 46.

⁷⁾ «Время временемъ исправляется»—въ тѣхъ мѣстахъ ожиданія, которыя составляютъ преддверіе Чистилища, гдѣ тѣ, которыхъ раскаяніе было позднее, остаются время, равное ихъ жизни, прежде чѣмъ вступятъ въ искупительные круги.

^{b)} Нелла, жена Форезе. Нелла, по всей вѣроятности, есть уменьшительное какого-нибудь другого имени, какъ Аннелла, Джіованелла.

⁹⁾ Барбаджіа—небольшая гора въ Сардиніи, гдѣ живетъ самый распущенный народъ; «*tal che le donne si prestano a fare il piacere di chiunque ne le ricerca,*»—прибавляетъ Портинелли. Другая Барбаджіа означаетъ Флоренцію.

... Здѣсь не запрещено называть кого-бы то ни было, такъ сильно искажено сходство голодомъ (стр. 159).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Форезе указываетъ Данте на различныхъ грѣшниковъ, находящихся, какъ и онъ, въ кругу обжоръ, между прочимъ на Буонаджунту, луккескаго поэта, съ которымъ нѣкоторое время Данте бесѣдуетъ о стихѣ и поэзіи. Поэты видятъ новое дерево. Цѣлая толпа окружаетъ это дерево; множество рукъ протягиваются къ вѣтвямъ этого дерева, обремененнаго плодами. Но напрасно—голосъ, исходящій изъ дерева, удаляетъ ихъ, паиоминая имъ различные примѣры печальныхъ послѣдствій обжорства. Лучезарный ангель стираетъ съ чела Данте еще одно пятно грѣха.

Ни бесѣда не задерживала наше шествіе, ни шествіе не задерживало нашей бесѣды; но попрежнему бесѣдуя, мы шли быстро, какъ корабль, толкаемый хорошимъ вѣтромъ.

Тѣни, казавшіяся вещами дважды умершими, обнаруживали мнѣ дырами своихъ глазъ ихъ удивленіе тому, что я—живое существо.

И я, продолжая свою рѣчь, сказалъ: «эта тѣнь восходитъ, можетъ быть, медленно, чѣмъ-бы слѣдовало, по причинѣ другой;

«Но скажи мнѣ, если ты только знаешь это, гдѣ Пиккарда ¹⁾; скажи мнѣ, увижу-ли я кого-нибудь замѣчательнаго среди всей этой толпы, которая такъ разсматриваетъ меня».

«Сестра моя, о которой я не знаю, была-ли она болѣе прекрасна, чѣмъ добра, уже торжествуетъ на вершинѣ Олимпа, счастливая своимъ вѣнцомъ».

Такъ онъ говорилъ сначала, а потомъ: «здесь не запрещено называть кого-бы то ни было, такъ сильно искажено сходство голодомъ».

«Вотъ этотъ, — и онъ показалъ намъ его пальцемъ, — есть Буонаджунта, Буонаджунта изъ Лукки ²⁾, а эта другая фигура, стоящая подалеже и болѣе высохшая, чѣмъ другія,

«Держала въ своихъ объятіяхъ святую церковь. Онъ былъ изъ Тура и теперь искушаетъ постомъ болѣе снскихъ угрей, которые онъ приказывалъ варить въ вериаччи ³⁾»).

Онъ называлъ мнѣ много другихъ, одного послѣ другого, и все казалось счастливыми, что ихъ называютъ, и ни одного я не видѣлъ, который былъ-бы этимъ недоволенъ.

Я увидѣлъ влѣдствіе голода изнашивающимъ въ пустомъ пространствѣ свои зубы Убальдино дала Пила и Бонифаціо, который многихъ питалъ своимъ стихаремъ ⁴⁾.

Я увидѣлъ Мессера Маркесе, который нѣкогда имѣлъ время пить въ Форли горломъ мегѣ сухимъ и который, однако-же, не могъ никогда достаточно напиться ⁵⁾.

Но, подобно тому, который сначала разсматриваетъ, а потомъ одобряетъ одного болѣе, чѣмъ другого, такъ и я сдѣлалъ относительно того изъ Лукки, который, казалось, болѣе, чѣмъ другіе, зналъ меня.

Онъ шепталъ и назвалъ какую-то Джентукку ⁶⁾ тѣмъ ртомъ, гдѣ онъ чувствовалъ язвы справедливости, которыми онъ наказанъ.

«О, душа! — сказалъ я, — которая кажется столь жадной поговорить со мною, сдѣлай такъ, чтобы я услышалъ тебя и утѣшь насъ, себя и меня твоими словами».

«Родилась женщина, которая не носятъ еще вуали и которая

заставить тебя проводить приятно время въ моемъ городѣ, хотя многіе упрекають ее въ этомъ.

«Ты уйдешь съ этимъ предсказаніемъ; если ты введешь въ заблужденіе тѣмъ, что я прощенталъ, истина вещей обнаружитъ тебѣ это.

«Но скажи мнѣ, вижу-ли я того, который написалъ новые стихи, такъ начинающіяся: «дамы, понимающія что такое любовь ⁷⁾».

Я ему сказалъ: «я таковъ, что когда любовь вдохновляетъ меня, я записываю, и то, что она диктуется мнѣ внутри, я распространяю извнѣ».

«О, братъ,—сказалъ онъ,—я вижу теперь узелъ, остановившій часть, Нотариуса ⁸⁾, Гвигтона ⁹⁾ и меня, вдаль отъ этого сладостнаго новаго стиля, съ которымъ я знакомясь.

«Я вижу, какъ вѣрно ваши перья передають то, что она диктуется такъ хорошо ¹⁰⁾; этого, конечно, не бывало съ нашими.

«И тотъ, который желаетъ подняться выше, не въ состояніи отличить одинъ стиль отъ другого», и какъ-бы удовлетворенный, онъ замолчалъ.

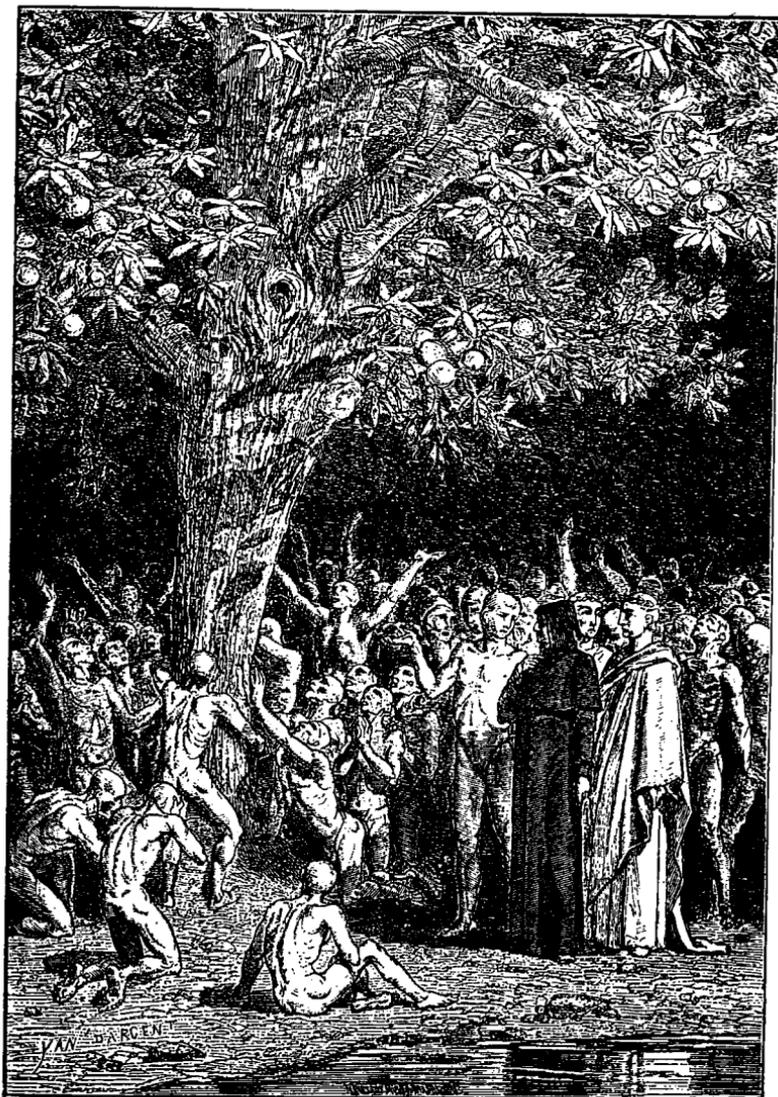
Подобно тѣмъ птицамъ, которыя зимуютъ около Нила, образуя по временамъ густую стаю, летая затѣмъ съ большей быстротой и улетаая гуськомъ,

Такъ и всѣ эти души, бывшія тамъ, повернулись и ускорили шагъ, сдѣлавшись легче, вслѣдствіе ихъ худобы и добраго желанія.

И подобно человѣку, который усталъ ходить, пропуская другихъ впередъ, и идетъ медленно, пока дыханіе его легкихъ не успокоится,

Такъ и Форезе пропускалъ впередъ эту толпу, и шель позади ея со мною, говоря: «когда я тебя увижу?»

«Не знаю,—отвѣчалъ я ему, какъ долго я буду жить, но какъ-бы скоро ни было мое возвращеніе, я, благодаря желанію, прибуду еще скорѣе къ пристани,

Подъ этимъ деревомъ я увидѣлъ души, съ поднятыми вверхъ руками...
(Чистилище, Пѣсь XXIV, стр. 161).

«Ибо мѣсто, гдѣ я былъ помѣщенъ, чтобы жить, съ каждымъ днемъ лишается добродѣтели и, кажется, находится на наклонной плоскости къ печальной развалинѣ».

«Ну, такъ иди-же,—сказалъ онъ,—ибо тотъ, который болѣе преступенъ, чѣмъ всѣ остальные ⁴¹⁾, я его вижу, привязаннаго къ хвосту лошади, которая его тащитъ къ долигѣ, гдѣ грѣхъ никогда не прощается.

«Животное съ каждымъ шагомъ бѣжитъ быстрее, все больше и больше увеличиваетъ быстроту, до тѣхъ поръ, пока наконецъ не оставитъ тѣло, толкаемое изъ стороны въ сторону, ужасно обезображеннымъ».

«Этимъ сферамъ не много придется вращаться,—и онъ поднимать глаза къ небу,—до того времени, когда ты увидишь ясно то, чего мои слова не могутъ тебѣ объяснить».

«А теперь я тебя оставляю, ибо время дорого въ этомъ царствѣ, и я много его терю, идя такъ съ тобою вдвоемъ».

Подобно тому, какъ по временамъ всадникъ мчится галопомъ изъ ѣдущей верхомъ толпы и пускается впередъ, чтобы имѣть честь быть первымъ въ стычкѣ,

Такъ и этотъ духъ отдѣлился отъ насъ быстрымъ шагомъ, и я остался съ тѣми двумя, которые были въ мѣрѣ такими великими маршалами поэзін.

И когда онъ былъ уже такъ далеко отъ насъ, что мои глаза слѣдили за нимъ такъ же, какъ мой умъ слѣдилъ за его словами,

Я замѣтилъ вѣтви, отягченныя плодами, и живучими, другой яблони, и не далеко отъ меня, который тогда былъ обращенъ въ другую сторону.

На этомъ деревѣ я увидѣлъ души, съ поднятыми вверхъ руками, которыя что-то кричали, обращаясь въ сторону листвы, точно маленькія дѣти, жадныя и капризныя,

Просящія того, который имъ не отвѣчаетъ; но для того, чтобы

еще болѣе возбудить ихъ жадность, держать надъ ними предметъ ихъ желаній, не скрывая его отъ нихъ.

Потомъ они ушли, какъ-бы опомнившись; и тогда мы подошли къ большому дереву, отказывающему въ столькихъ просьбахъ и слезахъ.

«Проходите мимо, не приближаясь; дальше находитея дерево, плодъ котораго испробовала Ева и отъ котораго произошло это дерево».

Такъ между вѣтвей кто-то говорилъ. Виргилій, Стацій и я, мы прошли мимо, прижавшись къ сторонѣ, гдѣ подымается гора.

«Вспомните, — продолжалъ этотъ голосъ, — объ этихъ проклятыхъ, созданныхъ среди тучъ, которые, напившись пьяными, сражались съ Тезеемъ своей двойной грудью ¹²⁾,

«И евреевъ, которые обнаружили свою нѣгу, напиваясь; вотъ почему Гедеонъ не хотѣлъ ихъ взять въ товарищи, когда около Мадіана онъ спустился съ холмовъ ¹³⁾».

Такъ, приблизившись къ одной изъ двухъ стѣнъ, мы шли, слушая рассказы о различныхъ грѣхахъ обжорства, за которыми нѣкогда слѣдовали справедливыя наказанія.

Потомъ, перейдя къ серединѣ дороги, мы сдѣлали тысячу шаговъ, и больше, и каждый изъ насъ размышлялъ, но ничего не говорилъ.

«Куда идете вы, размышляя такимъ образомъ, всѣ трое?» — сказалъ вдругъ какой-то голосъ; и я задрожалъ, какъ это бываетъ съ животными испуганными и боязливыми.

Я приподнялъ голову, чтобы увидѣть, кто говорилъ, и никогда еще въ горниль не было видно стеколъ и металловъ, столь блестящихъ и красныхъ,

Какимъ былъ тотъ духъ, который говорилъ: «если вы хотите подняться вверхъ, то вы здѣсь должны повернуть; сюда идетъ тотъ, который хочетъ идти къ миру».

Его видъ ослѣпилъ меня, и я обратился назадъ къ моимъ учителямъ, какъ человекъ, который повинется тому, что ему было сказано.

И подобно тому, какъ легкій вѣтеръ, вѣстникъ разсвѣта, повѣваетъ и благоухаетъ, весь насыщенный травой и цвѣтами,

Такъ и я почувствовалъ дуновеніе на моемъ челѣ, и почувствовалъ, какъ заколыхалось перо, которое обдало меня благоуханіемъ амврозіи ¹⁴).

И я услышалъ слова: «блаженны тѣ, которые горятъ огнемъ такой благодати, что любовь къ Бѣгу не подымаетъ въ ихъ сердцахъ дыма желаній,

«И которые ѣли столько, сколько нужно».

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) Пиккарда — сестра Форезе (см. «Рай», III пѣснь).
- 2) Буонаджіунта дельи Оризани — известный поэтъ изъ Лукки.
- 3) Папа Мартинъ IV, изъ Тура. Больсена — небольшой городокъ Римской области, около Монтефіасконе. Vernassia — сокъ сладкаго винограда.
- 4) Убальдино дельи Пилла и Боуифачіо д'Имола — известные обжоры.
- 5) Маркизь Ригольози изъ Форли — известный пьяница.
- 6) Молодая дѣвушка изъ Лукки, которую любилъ Данте во время своего пребыванія въ Луккѣ въ 1306 или 1305 г.
- 7) «Donne che avete l'intelletto d'amore» — первая слова канцоны, написанной Данте въ честь Беатриче и помѣщенной въ «Vita nuova».
- 8) Якопо Лентино, прозванный Нотариусомъ.
- 9) Гвигтоне изъ Ареццо — плохой поэтъ.
- 10) Любовь.
- 11) Корсо Донати, предводитель Черныхъ и братъ Форезе, который принадлежалъ къ партіи Бѣлыхъ. Онъ былъ умерщвленъ во Флоренціи въ 1308 г.
- 12) Кентавры, сыны Пексіона и Тучи, опьянѣвъ на свадьбѣ Пиритоя, хотѣли похитить его жену. Тезей разбилъ ихъ.
- 13) Гедсонъ имѣлъ намѣреніе выставить противъ мадіанитовъ десять тысячъ человекъ. Богъ повелѣлъ ему выбрать тѣхъ, которые не стануть на колѣни, когда будутъ пить воду изъ источника Арабъ.
- 14) Ангель стираетъ съ чела поэта еще одно Р — знакъ грѣха обжорства.

И я увидаль тѣни, идущія въ пламени... (стр. 169).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Седьмой и послѣдній кругъ Чистилица, гдѣ очищается грѣхъ любострастія. Данте, пораженный тѣмъ, что онъ видѣлъ, проситъ объясненій у Виргилія, который поручаетъ Стацию отвѣтить ему. Физическая и метафизическая теорія прозрожденія, послѣдовательнаго развитія души человѣческой и ея преобразованія послѣ смерти. Въ послѣднемъ кругѣ, куда вошли поэты, страшное пламя подымается со всѣхъ сторонъ. Голоса любострастниковъ воспѣваютъ среди пламени цѣломудріе и перечисляютъ древніе пригвѣри этой добродѣтели.

Наступилъ часъ, когда не слѣдовало быть увѣчнымъ для дальнѣйшаго восхожденія, потому что солнце оставило уже меридіанъ Тѣльцу и ночь Скорпіону ¹⁾).

Вотъ почему, подобно человѣку, который не оставивается, но продолжаетъ свой путь, что бы онъ тамъ ни встрѣтилъ, если къ этому его побуждаетъ нужда,

Такъ и мы вошли въ проходъ, одинъ послѣ другого, и пошли

по лѣтницѣ, которая, вслѣдствіе своей узкости, принуждаетъ тѣхъ, которые восходить по ней, идти другъ за дружкой.

И, подобно птенцу анта, расправляющему свои крылья изъ желанія летать, потомъ не осмѣливающемуся оставить гнѣздо и опускающему крылья,

Такъ и я былъ полонъ желанія узнать, воспламеняющагося, потомъ потухающаго, — и я дошелъ даже до того, что сдѣлать движеніе того, кто готовится говорить.

Хотя наше шествіе было очень быстро, дорогой отецъ не переставалъ мнѣ повторять: «спусти-же лукъ слова, который ты опоясала до самой желѣзной зарубки».

Тогда, разувѣренный, я открылъ ротъ: «какимъ образомъ можно похудить тамъ, гдѣ необходимости питаться не чувствуется?»

«Если ты вспомнишь, какъ Мелеагръ ²⁾ нечахъ, по мѣрѣ того, какъ выгорала роковая головня, то, — отвѣчала онъ, — это не такъ трудно будетъ тебѣ понять.

«И если ты обратишь вниманіе на то, какъ, слѣдуя твоему движенію, твое изображеніе движется въ зеркалѣ, то ты найдешь глубкимъ то, чтѣ кажется тебѣ твердымъ.

«Но для того, чтобы твое желаніе было удовлетворено—вотъ Стацій; я обращаюсь къ нему и прошу его излечить твою рану.»

«Если я ему объясню вѣчную мечь, — отвѣчала Стацій, — въ томъ мѣстѣ, гдѣ ты находишься, то пусть это будетъ моимъ оправданіемъ того, что я не могу сказать нѣтъ.»

Потомъ онъ началъ: «снѣгъ, если твоей умъ восприметъ и сохранилъ мои слова, они бросятъ свѣтъ на то, о чемъ ты спрашиваешь.

«Совершенная кровь, которая никогда не поглощается измученными жаждой венами и которая остается какъ излишнія блюда, уносимыя со стола,

«Занимствуетъ у сердца способность образовать всѣ человѣческіе

члены, подобно тому, какъ превращается въ члены та кровь, которая течетъ по жиламъ.

«Еще лучше переваренная, она входитъ въ такую часть, о которой лучше умалчивать, чѣмъ говорить, а оттуда устремляется на кровь другого существа въ естественномъ сосудѣ.

«Тамъ оба вещества соединяются; одно готовое страдать, другое дѣйствовать, вслѣдствіе совершеннаго мѣста, изъ котораго первое исходитъ.

«И соединенная съ другою кровью, она начинаетъ дѣйствовать, сначала свертывая ее, а потомъ оживляетъ то, что она сгустила своимъ веществомъ.

«Дѣятельная сила, сдѣлавшись душой, подобно растенію, съ тою только разницею, что одна еще въ дорогѣ, тогда какъ другая уже причалила къ берегу,

«Дѣйствуетъ такъ, что она уже движется и чувствуетъ подобно морскому полипу, и затѣмъ она принимается организовать способности, которыхъ она является зародышемъ.

«То расширяется, сынъ мой, то развивается способность, вышедшая изъ сердца отцовскаго, и изъ котораго природа наблюдаетъ за всѣмъ членами;

«Но какъ изъ животнаго она становится разумнѣй, ты еще не видишь; это тотъ пунктъ, въ которомъ заблуждался болѣе мудрый, чѣмъ ты; ³⁾

«Ибо въ своемъ ученіи онъ отдѣлилъ отъ души разумъ въ возможность, потому что онъ не видѣлъ въ душѣ никакого органа, способнаго на это.

«Открой свое сердце появляющейся истинѣ и знай, что какъ только въ зародышѣ суставы мозга возникли,

«Высшій двигатель обращается къ нимъ, обрадованный такимъ чудомъ природы, и вдуваетъ въ него новый духъ, полный добродѣтели.

«Который поглощаетъ въ своемъ веществѣ все, что находится тамъ дѣятельнаго, и образуетъ одну душу, которая живетъ, чувствуетъ и погружается въ самое себя.

«И для того, чтобы ты былъ менѣе удивленъ моими словами, посмотри на теплоту солнца, которая становится вшомъ, когда она соединяется съ жидкостью, исходящей изъ винограда.

«Когда у Лахезисъ пить больше льну, душа отдѣляется отъ тѣла и тайно уноситъ съ собой всѣ способности человѣческія и божественныя;

«Первыя почти совсѣмъ безмолвны; но память, умъ и воля обладаютъ въ своемъ дѣйствіи большей гибкостью, чѣмъ прежде.

«Не останавливаясь, душа падаетъ сама собою, какъ-бы чудомъ, на одинъ или на другой берегъ; и тамъ впервые узнаетъ путь, по которому ей нужно слѣдовать.

«Какъ только это мѣсто восприметъ ее, узнавательная способность сіяетъ вокругъ нея, такъ же какъ и въ то время, когда она жила въ своихъ членахъ.

«И, подобно тому, какъ воздухъ, пресыщенный дождемъ, влѣдствіе солнечныхъ лучей, которыя въ немъ отражаются, украшается въ различныя цвѣта,

«Такъ и воздухъ, окружающій ее, принимаетъ форму, которую ей придастъ душа остановившаяся.

«И подобно пламени, слѣдующему за огнемъ повсюду, куда онъ направляется, эта новая форма слѣдуетъ за душой повсюду.

«И такъ какъ отъ этой формы душа получаетъ свой внѣшній видъ, она называется тѣнію; потому она органнзуетъ всѣ чувства, до самаго чувства зрѣнія,

«И, такимъ образомъ, мы говоримъ, смѣсяя, такимъ образомъ мы образуемъ слезы и вздохи, которые мы могли слышать на горѣ.

«Согласно тому, какъ возбуждаются наши желанія и другіе

аффекты, тѣнь принимаетъ различныя формы; такова причина того, что тебя удивляетъ».

Мы уже подошли къ послѣдней попыткѣ, и повернули направо и обратили наше вниманіе на другое.

Тутъ крутой спускъ выкидываетъ пламя и край пропасти изрыгается на верхъ вѣтеръ, который отталкиваетъ пламя и удаляетъ его.

Поэтому намъ пришлось идти по открытому берегу другъ за дружкой, и съ одной стороны я боялся упасть въ пламя, съ другой—въ пропасть.

Мой руководитель говорилъ мнѣ: «въ этомъ мѣстѣ нужно внимательно держать узду своихъ глазъ, ибо изъ-за какой-нибудь малости можно ошибиться».

«*Summae Deus clementiae*», ⁴⁾ услышалъ я какъ поютъ среди этого великаго пламени, и это вызвало во мнѣ желаніе обернуться.

И я увидалъ тѣни, идущія въ пламени. Я смотрѣлъ на ихъ шагъ и на мой, обращая взглядъ то въ одну сторону, то въ другую.

Послѣ конца этого гимна, онѣ воскликнули громкимъ голосомъ: «*Virum non cognosco*», ⁵⁾ и потомъ онѣ снова запѣли тихимъ голосомъ гимнъ.

Потомъ снова воскликнули всѣ вмѣстѣ: «Діана осталась въ чашѣ лѣса и изгнала оттуда Гелику, которая вкусила яда Венеры» ⁶⁾.

И они снова принялись пѣть; потомъ прославляли женъ и мужей, которые были цѣломудренны, какъ того требуетъ добродѣтель и бракъ.

И я думаю, что эти крики длятся все время, пока пламя сжигаетъ ихъ; этими упражненіями и этимъ бальзамомъ

Закрывается, наконецъ, ихъ рана.

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹⁾ Т. е. значить было два часа пополудни.

²⁾ Жизнь Мелеагра, вѣдствие рокового закона, истощалась по мѣртѣ того, какъ сгорала головня. Эта головня, вынута сначала изъ пламени матерью новорожденнаго, была брошена затѣмъ въ пламя, чтобы отомстить за то, что Мелеагръ умертвилъ двухъ своихъ братьевъ.

³⁾ Этотъ мудрецъ есть не кто иной, какъ Аверроэсъ, извѣстный арабскій комментаторъ Аристотеля.

⁴⁾ Начало гимна, который поется, по католическому обряду, въ заутреню, по субботамъ. Въ старыхъ молитвенникахъ, говоритъ Ламбарди, читаемъ: «Summae Deus clementiae», какъ и у Данте; но теперь, вмѣсто этого выраженія, стонтъ: «Summae parens clementiae». Данте заставляеть души пѣть этотъ гимнъ, очищающій ихъ отъ грѣха любострастія, потому что въ этомъ гимнѣ испрашивается у Бога даръ цѣломудрія «luxu gemoto pessimo».

⁵⁾ Евангеліе отъ Луки, I. Когда Архангелъ сказалъ Дѣвѣ Маріи: «И вотъ зачнешь во чревѣ» (Ecce concipies). Она отвѣчала: «Какъ будетъ это, когда я мужа не знаю?» (Quomodo fiet istud, quoniam virum non cognosco).

⁶⁾ Гелика или Калисто, дочь Ликаона и нимфы Діаны. Юпитеръ, превратившись въ Діану, соблазнилъ эту нимфу, за что Діана прогнала ее отъ себя.

Удивленный горец не иначе смущается... чѣмъ каждая изъ этихъ тѣней... (стр. 173).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Продолжая путь по седьмому кругу, Данте замѣчаетъ другихъ сластолюбцевъ, которые сквозь пламя идутъ на встрѣчу первымъ; они обнимаются съ ними, приводя различные примѣры сладострастія. Данте разговариваетъ съ Гвидо Гвиничелли изъ Ареццо и съ Давіелемъ Арно изъ Прованса.

Въ то время, какъ мы шли такимъ образомъ по берегу одинъ за другимъ, добрый учитель часто говорилъ мнѣ: «берегись и помогай себѣ, если и тебя предостерегаю.»

Съ правой стороны солнце кидало свои лучи на мое плечо, и его свѣтъ освѣщаль весь западъ, измѣняя его бѣлизну въ небесный цвѣтъ.

Вслѣдствіе моея тѣни, пламя казалось еще краснѣе, и по такой странной причинѣ я видѣлъ, какъ убавлялись идущія души.

Поэтому поводу онѣ стали между собой говорить обо мнѣ и начали такъ: «вотъ у этого тѣло, кажется, не искусственное.»

Потомъ, обернувшись ко мнѣ, на сколько это было имъ воз-

можно, онѣ увѣрились въ этомъ, не выходя однако съ того пространства, гдѣ огонь не жегъ ихъ.

«О, ты, который идешь позади другихъ, не потому чтобы ты шель медленнѣе, но можешь быть изъ почтенія, отвѣчай мнѣ, который горитъ въ жадѣ и пламени.

«Не для меня только нуженъ твой отвѣтъ: всѣ эти души больше жаждутъ холодной воды, чѣмъ шибецъ или соіопъ.

«Скажи намъ, почему ты становишься подобно стѣлѣ передъ солнцемъ, точно ты еще не вошелъ въ сѣти смерти.»

Такъ говорила мнѣ одна изъ нихъ, и я бы уже объяснился съ ними, еслибы я не обратилъ вниманіе на нѣчто новое, которое мнѣ представилось тогда.

По воспламененной дорогѣ другія души шли на встрѣчу первымъ, что заставило меня смотрѣть на нихъ.

Я увидѣлъ, что съ обѣихъ сторонъ онѣ сѣйнили подвигаться впередъ и обнимались, не останавливаясь, довольныя этимъ короткимъ праздникомъ.

Такъ среди своихъ сѣрыхъ рядовъ сталкиваются муравьи, можетъ быть, чтобы разспрашивать другъ дружку о дорогѣ или о добычѣ.

Послѣ этого дружескаго привѣтствія и прежде чѣмъ идти прежнимъ шагомъ, каждая изъ нихъ, перебивая другую, кричитъ

Новоприбывшимъ: «Содомъ и Гоммора,» а первыя: «Пазифаз спряталась въ брюхѣ коровы съ тѣмъ, чтобъ ея сладострастіе привлекло быка» ¹⁾.

Потомъ, какъ журавли, которые-бы улетѣли частью къ Рифейскимъ горамъ ²⁾, частью къ странамъ песку, одинъ убѣгая отъ льда, другіе отъ солнца,

Одна толпа уходитъ, другая приходитъ, и они снова принимались, среди слезъ, пѣть свои первыя пѣсни и крики, которые имъ больше другихъ подходили.

И, какъ прежде, ко мнѣ подошли тѣ же души, которыя меня

уже спрашивали; онъ казался очень внимательнымъ и готовымъ слушать меня.

И-же, види два раза ихъ желаніе, началъ: «о, души, будьте увѣрены, что придетъ день, когда вы достигнете мира,

«Мои члены не остались тамъ ни молодыми, ни старыми, но они со мною здѣсь съ ихъ кровью и суставами.

«Я поднимаюсь по этой дорогѣ, чтобы не быть слѣпымъ; надъ нами есть Дама ³⁾, которая доставляетъ намъ эту милость; вотъ почему я тащу это смертное тѣло въ ваннъ міръ.

«Да будетъ и ваше самое большое желаніе такъ-же вскорѣ удовлетворено; да приметъ васъ въ свое лоно небо, столь полное любви и заключающее въ себѣ всѣ другія!

«Но скажите мнѣ, чтобы я могъ этимъ пополнить страницы, кто вы? — что это за толпа, которая идетъ за вами?»

Удивленный горецъ не иначе смущается въ своемъ нѣмомъ восторгѣ, когда, грубый и дикій, онъ входитъ въ городъ,

Чѣмъ каждая изъ этихъ тѣней, судя по ихъ вѣнному виду; но когда онъ освободился отъ того удивленія, которое быстро успокоивается въ великихъ сердцахъ:

«Блаженъ ты, который, для того, чтобы лучше жить, ищешь опыта въ нашихъ странахъ!» — начала та, которая обратилась къ намъ первая.

«Души, идущія не съ нами, совершили тотъ грѣхъ, за который Цезарь, во время триумфальнаго шествія, подвергался насмѣшкамъ, и его называли царицей ⁴⁾.

«Поэтому онъ удаляются, восклицая: «Содомъ!», другъ друга обвиняя въ этомъ грѣхѣ, какъ ты слышалъ, и увеличиваютъ, краснѣя, силу пламени.

«Но грѣхъ былъ двойной, какъ гермафродитъ, но такъ какъ мы не исполняли человѣческаго закона, а слѣдовали лишь нашимъ страстямъ, какъ дѣлаютъ животныя,

«То, для нашего позора, мы повторяемъ, удаляясь другъ отъ друга, имя той, которая сдѣлалась животнымъ въ деревянномъ животномъ⁵⁾».

«Но ты знаешь наши дѣйствія и то, въ чемъ мы согрѣшили; если случайно ты хочешь знать наши имена, у меня нѣтъ времени тебѣ сказать ихъ, да я и не могу сдѣлать это.

«Однако, я удовлетворю твоему желанію узнать мое имя: я — Гвидо Гвиничелли⁶⁾ и я уже очищаюсь здѣсь, потому что я покаялся передъ моимъ послѣднимъ часомъ».

То, что чувствовали, вълѣдствіе жестокости Лилкурга, два сына, увидѣвши свою мать, почувствовать и я, но, набросившись, какъ они⁷⁾,

Когда я услышалъ, какъ называлъ себя мой отецъ—отецъ многихъ другихъ, болѣе достойныхъ, чѣмъ я въ сладостныхъ и граціозныхъ приемахъ любви.

Ничего не слушая и не говоря, я долго шелъ въ задумчивости, смотря на него, но по причинѣ пламени, я не могъ подойти къ нему ближе.

Когда я насытился, глядя на него, я предложилъ себя ему въ услуги, съ тѣми увѣреніями, которыя заставляютъ вѣрить другому.

И онъ сказалъ мнѣ: «то, что ты мнѣ говоришь, оставляетъ во мнѣ такой слѣдъ, и такой яркій, что Лета не въ состояніи ни стереть его, ни ослабить.

«Но если твои слова поклялись мнѣ говорить правду, скажи мнѣ, по какой причинѣ обнаруживаешь ты, что меня любишь и словами, и взглядами?»

И онъ сказалъ ему: «ваши сладостные стихи, пока будетъ существовать современный стихъ, сдѣлаютъ навсегда дорогими чернила, написавшія ихъ».

«О, братъ! — сказалъ онъ, — вотъ этотъ, на котораго я тебѣ указываю пальцемъ, — и онъ показалъ мнѣ душу, идущую передъ нимъ, — былъ лучшимъ мастеромъ въ материнскомъ языкѣ⁸⁾».

«Въ любовной поэзіи и романтической прозѣ онъ превзошелъ всѣхъ остальныхъ, и пусть глупые люди говорятъ, что Лимузинецъ выше его ⁹⁾).

«Они обращаютъ взоры свои скорѣе на шумъ, чѣмъ на правду, и образуютъ себѣ такимъ образомъ мнѣніе прежде, чѣмъ выслушаютъ искусство и разумъ.

«Такъ многіе древніе поступали по отношенію къ Гвйтоне, давая ему изъ устъ въ уста первое мѣсто, пока, наконецъ, не побѣдила истина во мнѣніи большинства,

«Но если ты пользуешься такимъ большимъ преимуществомъ, что тебѣ дозволено войти въ монастырь, гдѣ Христосъ игумень ¹⁰⁾,

«Скажи ему изъ «Отче нашъ» то мѣсто, въ которомъ мы нуждаемся въ этомъ мірѣ, гдѣ мы не имѣемъ уже власти грѣшныи ¹¹⁾».

Потомъ, можетъ быть, для того, чтобы уступитъ свое мѣсто другому, шедшему позади его, онъ исчезъ въ пламени, какъ исчезаетъ рыба, погружаясь въ воду.

Я приблизился немного къ тому, на котораго онъ мнѣ указалъ, и я сказалъ ему, что мое желаніе приготовить почтительное привѣтствіе его имени.

И онъ любезно началъ: «мнѣ такъ нравится ваше любезное требованіе, что я не могу и не хочу скрываться отъ васъ.

«Я—Арно, который плачетъ и идетъ, напѣвая пѣсню; я вижу съ печалью прошлое безуміе, но вижу, съ радостью радость на которую надѣюсь завтра.

«Теперь прошу васъ тѣмъ могуществомъ, которое ведетъ васъ на вершину лѣстницы, вспомните во время о моемъ страданіи ¹²⁾».

Потомъ онъ исчезъ въ пламени, которое ихъ очищаетъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) См. «Адъ», пѣснь XII, гдѣ идетъ рѣчь, объ искусственной коровѣ.
- 2) Рифейскими горами греки называли какой-то сѣверный хребетъ.
- 3) Беатриче.
- 4) Светоній въ жизни Цезаря (гл. XLIX) говоритъ: «Octavius etiam quidam valetudine mentis liberius dicax, conventu maximo, cum Pompeium regem salutasset, ipsum (Caesarem) reginam salutavit... Gallico denique triumpho milites ejus inter caetera carmina, qualia currum praequentes joculariter canunt, etiam vulgatissimum istud pronuntiaverunt» и пр.
- 5) Пасифаз.
- 6) Гвидо Гвиничелли изъ Болоньи, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ въ эпоху Данте. Объ немъ Данте уже упоминалъ въ XI пѣснѣ «Чистилица».
- 7) Тоась и Эвменій, лица свою мать Гансипилу, увидѣли ее въ тотъ самый моментъ, когда Ликургъ намеревался убить ее за то, что она позволила змѣѣ укусить Офельта и Архемора, сыновей Ликурга.
- 8) Арно, извѣстный провансальскій поэтъ.
- 9) Геро Бертейль, поэтъ изъ Лиможа.
- 10) Рай.
- 11) Т. е., скажи молитву «Отче нашъ», за исключеніемъ послѣднихъ словъ: «и не введи насъ во искушеніе, и избавь насъ отъ лукаваго», — слова, въ которыхъ души, находящіяся въ Чистилицѣ, не пужаются, потому что онѣ не могутъ уже поддаваться искушенію или бояться хитростей злого духа. Въ началѣ одиннадцатой пѣсни «Чистилица» Данте перефразировалъ весь «Отче нашъ».
- 12) Арно отвѣчаетъ поэту на провансальскомъ языкѣ. Вотъ подлинный текстъ этого любопытнаго отрывка:

Tan m'abellis vostre cortes deman,
 Ch'ieu non me puosc, ni m'voil a vos cobrire;
 Jeu suis Arnaut, che plor e vai contan;
 Consiros vei la passada follor
 Et vei jauzen lo joi qu'esper denan;
 Ara vos prec, per aquella valor,
 Che us guida al som sens freich e sens calina,
 Sovegna vos atenprar ma dolor.

Когда я вошелъ туда, я-бы бросяся въ жидкое стекло, чтобы освѣжиться, до такой степени жара была безмѣрна... (стр. 179).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

По совѣту ангела поэты принуждены пройти черезъ пламя, чтобы подняться на послѣднія ступени. Виргилій ободряетъ Данте, увѣряя его, что этотъ очистительный огонь есть единственное препятствіе, которое отдѣляетъ его отъ Беатриче. Руководимые какимъ-то голосомъ, Данте, Виргилій и Стацій выходятъ изъ пламени и поднимаются, при закатѣ солнца, по крутой лѣстницѣ, на ступени которой они ложатся и засыпаютъ. Новое видѣніе Данте. Когда Данте просыпается, Виргилій, еще не оставляя его, объявляетъ ему, что онъ больше не нуждается въ путеводителѣ.

Точка, откуда солнце распространяетъ свои первые лучи на городъ, гдѣ была пролита кровь его Создателя, когда Эбра находится подъ Вѣсами;

И когда воды Ганга воспламеняются на югъ,—эта точка была теперь занята Солнцемъ; поэтому для насъ день кончился, когда Ангелъ Божій появился передъ нами ¹⁾.

Внѣ пламени онъ стоялъ на берегу и шѣлъ: «*Beati mundo corde*» ²⁾, но гораздо болѣе блестящимъ голосомъ, чѣмъ нашъ.

Потомъ: «святѣя души! дальше нельзя идти, если предварительно огонь не укуситъ васъ. Войдите въ него и не будьте глухи къ пѣснямъ, идущимъ съ другой стороны».

Такъ говорить онъ, когда мы подошли ближе къ нему. Поэтому я сдѣлала, какъ слышала его, подобно тому, кто спускается въ могилу.

Я поднялъ вверхъ мои обѣ руки, смотря на огонь и живо представляя себѣ человѣческія тѣла, которыя я видѣлъ сожигаемыми ³⁾.

Мои добрые проводители обернулись ко мнѣ и *Виргилій* сказалъ мнѣ: «сынъ мой, здѣсь, можетъ быть, можно найти страданія, но не смерть.

«*Помни, помни!* Если я тебя велъ здоровымъ на плечахъ *Геріона*, то чего не сдѣлалъ-бы я теперь, находясь ближе къ Богу ⁴⁾.

«Будь увѣренъ, что если-бы ты оставался и тысячу лѣтъ въ этомъ пламени, оно не сдѣлало-бы тебя лысымъ ни на одинъ волосъ.

«И если случайно ты думаешь, что я обманываю тебя, подойди къ пламени и, въ доказательство, пусть твои руки приближать къ огню твою платъ».

«Оставь, на будущее время, оставь всякую боязнь, обратись сюда и подвигайся впередъ съ увѣренностью». Но я, тѣмъ не менѣе, оставался неподвижнымъ, не смотря на мое сознаніе.

Когда онъ увидѣлъ меня такимъ неподвижнымъ и упрямымъ, онъ, нѣсколько смутившись, сказалъ: «вотъ видишь, сынъ мой, между *Беатриче* и тобой есть только эта стѣна».

Подобно тому, какъ при имени *Өлебэ* умирающій *Пирамъ* открылъ глаза и посмотрѣлъ на нее, когда тутовое дерево стало золотистымъ ⁵⁾,

Такъ и мое сопротивленіе ослабѣло, и я обернулся къ моему

мудрому учителю, услыхавъ это имя, которое всегда цвѣтеть въ моемъ сердцѣ.

Тогда онъ покачалъ головой и сказалъ мнѣ: «какъ? Неужели-же мы захотимъ оставаться здѣсь»? Потомъ онъ улыбнулся, какъ улыбаются ребенку, котораго побѣдилъ плодъ.

Потомъ онъ вошелъ въ огонь прежде меня, прося Стацию идти за мной,—онъ, который такъ долго находился между нами.

Когда я вошелъ туда, я-бы бросился въ жидкое стекло, чтобы освѣжиться, до такой степени жара была безмѣрна.

Мой сладостный отецъ, чтобы ободрить меня, говорилъ мнѣ о Беатриче и прибавилъ: «мнѣ кажется, что я уже вижу ея глаза».

Какой-то голосъ велъ насъ, который пѣлъ на другой сторонѣ, и слушая этотъ голосъ, мы вышли изъ пламени тамъ, гдѣ нужно подниматься вверхъ.

«Venite, benedicti Patris mei»⁶⁾). Эти слова послышались изъ-за такого свѣта, что мои побѣжденные глаза не могли смотрѣть на него.

«Солнце уходитъ, — продолжалъ голосъ, — и наступать ночь; не останавливайтесь, но ускорьте шагъ, прежде чѣмъ помрачится западъ».

Дорога подымалась прямо черезъ скалу, въ сторону востока, а передъ собой я останавливалъ лучи солнца, которое уже опускалось.

И мы уже прошли нѣсколько ступеней, когда почувствовали, мои мудрые путеводители и я, по исчезающей тѣни, что солнце закатывалось позади насъ.

И прежде чѣмъ во всѣхъ своихъ безконечныхъ частяхъ горизонтъ принялъ тотъ-же оттѣнокъ, и ночь все покрыла своимъ покрываломъ,

Каждый изъ насъ устроилъ себѣ постель на ступени; ибо природа горы скорѣе отняла у насъ силу, чѣмъ удовольствіе восходить.

Какъ козы, которыя, прежде чѣмъ насытятся, были такъ безо-

коины и сѣлы на вершинѣ горы, потомъ успокоиваются пожывая,

Въ то время, какъ солнце пламенѣеть, и остаются молчаливо въ тѣни, подъ наблюденіемъ пастуха, облокотившагося на свой посохъ и въ такомъ положеніи приемотривающаго за ними;

И какъ пастухъ, который остался за ними, и ночь стережетъ его мирное стадо, наблюдая изъ боязни, чтобы хищный звѣрь не разсѣялъ его,

Таковы и мы были въ тросъ, — я, какъ коза, а они, какъ пастухи, — окруженные со всѣхъ сторонъ пещерой.

Тамъ можно было видѣть только немного солнца, но въ этомъ немногомъ я видѣлъ звѣзды, большей величины и свѣтлѣе, чѣмъ въ обычное время.

Въ то время какъ я мечталъ и созерцалъ ихъ, меня охватилъ сонъ, — тотъ сонъ, который знаетъ вещи прежде, чѣмъ онѣ осуществятся.

Въ тотъ часъ, я думаю, когда Цитера, кажущаяся всегда пламенѣющею отъ огня любви, испускала со стороны востока свои первые лучи на гору ⁷⁾,

Мнѣ показалось, что я вижу во снѣ женщину, молодую и прекрасную, которая шла по полю, срывая цвѣты, и которая пѣла:

«Знай всякій, кто спрашиваетъ мое имя, что я — Лія ⁸⁾, и что я повсюду простираю мои прекрасныя руки, чтобы сдѣлать себѣ гирлянду.

«Я украшаю себя, чтобы понравиться моему зеркалу; но сестра моя Рахиль никогда не отворачивается отъ своего зеркала и сидитъ передъ нимъ цѣлый день.

«Ей нравится смотрѣть на свои прекрасныя глаза, какъ мнѣ нравится украшать мои руки, она смотрѣтъ, а я дѣйствовать, — вотъ что насъ удовлетворяетъ»;

И уже, передъ морцаніемъ, предшествующемъ дню, мерцаніемъ

тѣмъ болѣе приятнымъ пилигримамъ, что, возвращаясь, они больше приближаются къ своему жилищу,

Уже со всѣхъ сторонъ убѣгаль мракъ, а съ нимъ и мой сонъ. Я поэтому всталъ, видя, что мои учителя уже приподнялись.

«Тотъ сладкій плодъ⁹⁾, котораго забота смертныхъ ищетъ на столькихъ вѣтвяхъ, успокоитъ твой голодъ сегодня».

Съ такими словами обратился ко мнѣ Виргилій, и никогда еще новогодній подарокъ не доставлялъ никому такой радости, какъ эти слова доставили мнѣ.

Такое желаніе присоединилось къ моему желанію взойти на гору, что при каждомъ шагѣ я чувствовалъ, какъ растутъ новыя крылья моего полета.

Когда мы оставили за собой, внизу, всю лѣстницу, и когда мы достигли верхней ступени, Виргилій посмотрѣлъ на меня

И сказалъ мнѣ: «ты видѣлъ и временной огонь, и вѣчный, сынъ мой, и ты достигъ этого мѣста, гдѣ я самъ по себѣ уже ничего не вижу больше.

«Я привелъ тебя сюда, благодаря моему искусству и знанію; теперь бери въ руководители собственную свою волю; ты вышелъ изъ крутыхъ дорогъ, изъ узкихъ тропинокъ.

«Посмотри, какъ солнце свѣтитъ на твоемъ челѣ; посмотри на траву и цвѣты, и кустарники, которые создастъ сама собой земля.

«Прежде чѣмъ придуть, блестящіе радостью, прекрасные глаза, которыхъ слезы заставили меня прійти къ тебѣ, ты можешь ходить или присѣсть, среди всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей.

«Не ожидай больше моихъ рѣчей или моихъ совѣтовъ, твое сужденіе свободно, правильно и здраво, и я счелъ-бы ошибкой поступать не на основаніи этого сужденія.

Поэтому, ставя тебя выше меня, я вѣнчаю тебя и надѣваю на тебя митру».

ПРИМЪЧАНІЯ.

¹⁾ Т. е. солнце должно сейчас освѣтить Іерусалимъ, а такъ какъ Іерусалимъ составляетъ антиподъ мѣста, гдѣ находился поэтъ, то поэтому онъ хочетъ сказать, что ночь начинаетъ уже распространять свое покрывало на Чистилище. Въ тотъ-же самый часъ, Эбра, испанская рѣка, катитъ свои воспламененныя волны подъ знакомъ Вѣсовъ, а Гангъ, индѣйская рѣка воспламеняется на югъ, потому что въ этой части земли теперь полдень.

²⁾ «Блаженные чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ» (Beati mundo corde, quia ipsi Deum videbunt) Евангеліе отъ Матвея, 5, 8.

³⁾ Когда Данте писать эти строки, онъ должно быть вѣкоминать ужасныя слова приговора противъ него: «Igne comburatur sic quod moriatur».

⁴⁾ См. «Адъ», пѣснь XVII.

⁵⁾ Сказка о Пирамѣ и Оисѣѣ, молодомъ вавилонцѣ и молодой вавилонянкѣ (Овидій, Метаморфозы, кн. IV).

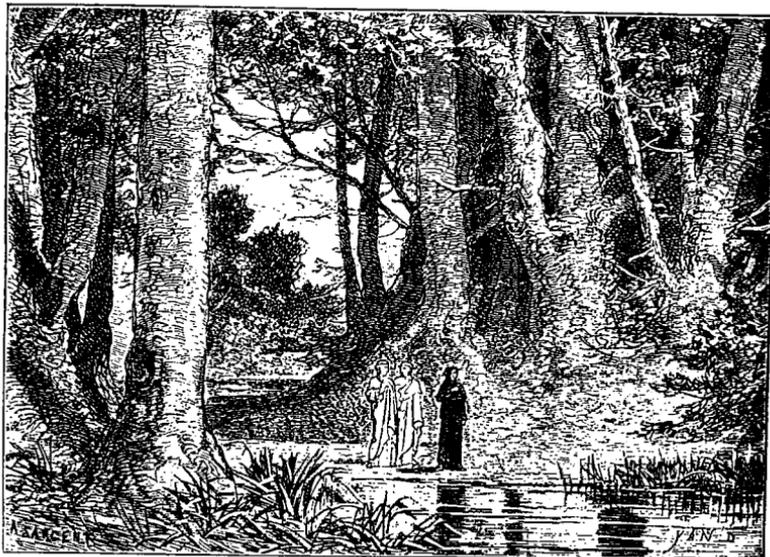
⁶⁾ Евангеліе отъ Матвея, XXV, 34. «Придите, благословенные Отца моего».

⁷⁾ Т. е. при восходѣ солнца.

⁸⁾ Лія—дочь Лабана, первая жена патриарха Іакова. Рахиль—другая дочь Лабана и вторая жена Іакова. Лія олицетворяетъ у Данте активную жизнь, а Рахиль—жизнь созерцательную.

⁹⁾ Т. е. небесныя блага.

Я остановил свои шаги и перенесъ ручей своими глазами, чтобы на другую его сторону восхищаться чрезвычайнымъ разнообразіемъ деревьев... (стр. 184).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Съ вершины горы Чистилища, три поэта подходятъ къ лѣсу земного Рая. Ихъ останавливаетъ рѣчка Лета. На противоположномъ берегу они замѣчаютъ молодую женщину, Матильду, которая поестъ, собирая цвѣты. По просьбѣ Данте, она подходитъ, объясняетъ ему чудеса Эдема и разъясняетъ ему нѣкоторыя его сомнѣнія.

Желая видѣть внутри и снаружи божественный лѣсъ, густой и могучій, умѣряющій для глазъ рождающійся день ¹⁾,

Не ожидая болѣе, я оставилъ скалу и шелъ по полю тихо, по почвѣ, благоухающей со всѣхъ сторонъ.

Мягкій, всегда одинаковый воздухъ, прикасаяся къ моему челу, точно прикасаяся къ нему восхитительный вѣтерокъ.

Листья, готовые дрожать при малѣйшемъ дуновеніи этого зе-

фига, всё склонялась назадъ въ ту сторону, гдѣ священная гора бросаетъ свою первую тѣнь ²⁾);

Но они не на столько отклонялись, чтобы на ихъ кончикахъ птицы перестали упражняться въ своемъ искусствѣ;

Полныя радости, онѣ встрѣчали пѣснями первые часы среди листьевъ, которые присоединяли свой шопотъ въ ихъ мелодіи.

Таковъ шумъ, который, отъ вѣтви къ вѣтвѣ, распространяется среди сосенъ на берегу Кіасси ³⁾, когда Эоль выпускаетъ Сирокко.

Мои замедленные шаги такъ далеко уже увлекли меня въ лѣбу, что я не могъ замѣтить мѣста, гдѣ я вошелъ.

Но вотъ я внезапно былъ остановленъ ручьемъ, который по лѣвой сторонѣ стибалъ своими крошечными волнами траву, растущую у его берега.

Вѣсь самая чистая вода земли показалась-бы съ примѣсью чего-нибудь въ сравненіи съ этою водою, въ которой ничего не скрывалось,

Хотя она и течетъ потемнѣвшая, потемнѣвшая въ постоянной тѣни, которая никогда не допускаетъ къ ней лучей солнца или луны.

Я остановилъ свои шаги и перешелъ ручей своими глазами, чтобы по другую его сторону восхищаться чрезвычайнымъ разнообразіемъ зеленѣющихъ деревьевъ.

И тамъ появилась передо мною, какъ часто появляется внезапно какой-нибудь предметъ, устраняющій вслѣдствіе удаленія всякую другую мысль,

Дама, одна одишельная, шедшая нагъвая пѣсню и собирая цвѣты, которыми вся дорога была украшена.

«О, прекрасная дама, грѣющаяся лучами любви! если я долженъ вѣрить чертамъ, которыя обыкновенно являются свидѣтельствомъ сердца,

«Соблаговолѣи,—сказала я ей,—подойти поближе къ этой рѣкѣ на столько, чтобы я могъ слышать, что ты поешь.

И тамъ появилась Дама одна единешенька, шедшая напѣвая пѣсню и
собирая цвѣты...

(Чистилище, Пѣснь XXVIII, стр. 184).

«Ты напоминаешь мнѣ мѣсто, гдѣ была Прозерпина, ⁴⁾ п какъ она была прекрасна въ то время, когда ея мать потеряла ее, ее и ея вѣшніе цвѣты».

Подобно тому, какъ кружится на сближенныхъ и уставленныхъ въ землю ногахъ пляшущая женщина, чуть-чуть выдвигая одну ногу впередъ другой,

Такъ эта дама, на золотистыхъ и голубыхъ цвѣтахъ, повернулась ко мнѣ, подобная дѣвѣ, цѣломудренно опускающей внизъ глаза;

И она удовлетворила мою просьбу, подошла къ берегу такъ близко, что ея ибжныя слова долетали до меня вполне ясно.

Какъ только она подошла къ мѣсту, гдѣ трава омывается волною прекрасной рѣки, она мнѣ оказала даръ, поднявъ свои глаза.

Не думаю, чтобы когда-либо болѣе яркій блескъ горѣлъ подъ рѣбенинами Венеры, когда ея сынъ ранилъ ее нечаянно. ⁵⁾

Она улыбалась мнѣ, стоя на противоположномъ берегу, по прежнему срывая цвѣты, которые производитъ безъ сѣмянъ эта земля.

Рѣка отдѣляла насъ только на три шага, но Геллеспонтъ, черезъ который переправился Кеерксъ и который и теперь еще служить препятствіемъ всѣмъ человѣческимъ честолюбіямъ,

Былъ не болѣе ненавистенъ Леандру, когда онъ переплывалъ его между Сестосъ и Абидосъ, чѣмъ мнѣ эта рѣка, которая тогда была недоступна мнѣ ⁶⁾.

«Вы чужеземцы,—начала она,—и можетъ быть, моя улыбка, въ этомъ мѣстѣ, избранномъ для пребыванія человѣческой природы,

«Удивляетъ и возбуждаетъ въ васъ какія-нибудь сомнѣнія, но *delectasti* псалма ⁷⁾ распространяетъ свѣтъ, который можетъ разсѣять тучи вашего пониманія,

«А ты, который стоишь передо мною и который обратился ко мнѣ съ просьбою, скажи мнѣ, хочешь-ли ты слышать что-нибудь другое, потому что я пришла сюда готовая отвѣчать на всѣ твои вопросы».

«Вода,—отвѣчала я,—и шумъ лѣса оспариваютъ во мнѣ новую вѣру въ вещи, о которыхъ я слышала и которыя противорѣчатъ тому, что я вижу».

Она сейчасъ-же сказала: «я тебѣ скажу, какимъ образомъ рождается изъ своей причины то, что заставляетъ тебя удивляться, и разсѣю тучу, которая ослѣпляетъ тебя».

«Верховное благо, которое любитъ только самимъ собою, создало человѣка для совершенія добра и дало ему это мѣсто какъ-бы въ задатокъ вѣчнаго мира».

«Вѣдѣтіе своего преступленія онъ оставался злѣе недолго; по причинѣ своего преступленія онъ измѣнилъ въ жалобы и печаль честный смѣхъ и нѣжную робость».

«Для того, чтобъ пережѣны, совершенныя тамъ, внизу, испареніями воды и земли, которыя, на сколько это имъ возможно, слѣдуютъ за тепломъ,

«Не могли воевать съ человѣкомъ, эта гора была воздвигнута къ небу, и она свободна отъ всякихъ бурь съ того мѣста, съ котораго она закрыта».

«Но такъ какъ воздухъ движется кругообразно, подъ давленіемъ перваго двигателя, если кругъ ни съ какой стороны не разорванъ,

«Эта возвышенность, подымающаяся свободно въ чистомъ воздухѣ, находится въ соприкосновеніи съ этимъ движеніемъ и заставляетъ шумѣть лѣсъ, потому что онъ густь».

«И дерево, колеблемое такимъ образомъ, имѣетъ способность насыщать воздухъ своими свойствами, и воздухъ, кружась, распространяетъ ихъ во все стороны».

«Другая же земля⁸⁾, смотря по тому, приготовлена-ли она сама собою или небомъ, создаетъ и выращиваетъ различныя деревья различныхъ свойствъ».

«Не слѣдуетъ, поэтому, удивляться, выслушавъ это, потому что деревья тамъ вырастаютъ безъ видимыхъ семянъ».

«И ты долженъ знать, что святое поле, гдѣ ты теперь находишься, полно всякаго рода сѣмянъ и имѣть въ себѣ плоды, которые ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не собираются.

«Вода, которую ты видишь, вытекаетъ не изъ источника, питаемаго испареніями, сгущенными холодомъ, какъ рѣка, наполняющаяся водой и теряющая ее;

«Но она выходитъ изъ неисчерпаемаго и вѣчнаго источника, который получаетъ въ волѣ Божіей воду и выливаетъ ее своими двумя руслами.

«Съ этой стороны—она течетъ, имѣя силу уничтожать воспоминаніе о грѣхахъ; съ другой стороны,—имѣетъ силу воскрешать память о благодѣяніяхъ.

«Съ этой стороны она называется Летою,⁹⁾ съ другой—Эвном¹⁰⁾, но она дѣйствуетъ лишь тогда, когда она вылита изъ двухъ своихъ рукавовъ.

«Ее вкусъ превосходитъ вкусъ всѣхъ другихъ водъ, и хотя твоя жажда можетъ быть на столько успокоена, чтобы тебѣ не нужно было говорить объ этомъ больше,

«Но по особой милости, я дамъ тебѣ еще королларій,¹¹⁾ и я не думаю, чтобы мои слова были тебѣ меньше дороги, если они переходятъ за предѣлы того, что я тебѣ обѣщала.

«Поэты, которые въ древности воспѣвали золотой вѣкъ и его счастливое состояніе, можетъ быть, грезили на Парнассѣ объ этомъ мѣстѣ.

«Здѣсь корень человѣческой вознесся въ невинности; здѣсь вѣчная весна¹²⁾ и всяческіе плоды; здѣсь—нектаръ, о которомъ всѣ говорятъ».

Тогда я обернулся совсѣмъ къ моимъ поэтамъ,¹³⁾ и увидѣлъ, что они съ улыбкой выслушали это послѣднее объясненіе;

И тогда я обратилъ глаза къ прекрасной дамѣ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) Поэтъ подошелъ къ Земному Раю, на вершинѣ горы Очищенія.
 2) Къ западу.
 3) Около равнины Сирокко—сырой юго-восточный вѣтеръ, дующій часто въ Римѣ.
 4) См. «Метаморфозы» Овидія.
 5) См. «Метаморфозы» Овидія, кн. X.
 6) Леандръ жилъ въ городѣ Абидосѣ на азіатскомъ берегу Геллесπονта, а Гери, которую онъ любилъ,—въ Сестосѣ, на европейскомъ берегу. Онъ каждую ночь переплывалъ Геллеспонтъ изъ Абидоса въ Сестосъ, чтобы свидѣться со своей возлюбленной (поэма Муза).
 7) Т. е. 91-й псаломъ, въ 5 стихѣ котораго говорится: «Delectasti me, Domine, in factura tua et in operibus manuum tuarum exaltabo». Прекрасная дама хочетъ сказать, что текстъ этого псалма объясняетъ, почему въ этомъ мѣстѣ останавливаются и почему чувствуютъ въ немъ непонятное счастье.
 8) Другая земля, т. е. земля, обитаемая людьми.
 9) Лета—греческое слово *Λήθη*—забвеніе.
 10) Эвнот—тоже слово греческаго происхожденія, *Εβνοια*—хорошее пониманіе.
 11) Слово королларій въ дѣйствительности означаетъ шляпу, составленную изъ всякаго рода цвѣтовъ, образующихъ какъ-бы вѣнецъ, корону; метафорически это слово употребляется вмѣсто заключенія.
 12) Намекъ на слѣдующее мѣсто у Овидія: «Ver erat aeternum», и на другое мѣсто: «Iam flumina nectaris ibantъ».
 13) Вергилій и Стацій.

Они были одѣты въ бѣлое, никогда не видно было на землѣ такой бѣлизны (стр. 191).

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Поэтъ рассказываетъ, что, послѣдовавъ за Матильдой по противоположному берегу рѣки, онъ увидѣлъ въ лѣсу ослѣпительный свѣтъ и слышалъ въ воздухѣ сладчайшее пѣніе. Затѣмъ, Данте, предупрежденный Матильдой, видитъ удивительное зрѣлище — цѣлое блестящее шествіе, въ которомъ Гриффонъ везъ триумфальную колесницу. Съ ударомъ грома, шествіе останавливается.

Переставъ говорить, она запѣла, какъ влюбленная дама, «*Beati quorum tecta sunt peccata* ¹⁾».

Потомъ, какъ нимфы, одиноко уходящія въ тѣни лѣсовъ, желающія, одна — убѣжать, другая — увидѣть солнце,

Она пошла противъ теченія воды по берегу, и я, подобно ей, маленькими шагами, послѣдовалъ за нею по другому берегу.

Не сдѣлали мы оба и ста еще шаговъ, когда оба берега сдѣлали одинаковый заворотъ, такъ что я очутился лицомъ къ востоку.

И наше шествіе длилось недолго, когда дама вся обернулась ко мнѣ, говоря: «братъ мой, смотри и слушай».

И вотъ, внезапный свѣтъ сталъ пробѣгать по дѣсу по всеѣмъ направленіямъ, столь блестящій, что я подумалъ: не молнія-ли ужь это?

Но такъ какъ молнія приходитъ такъ же быстро, какъ и уходитъ, и такъ какъ этотъ свѣтъ, чѣмъ быстрее появился, тѣмъ блестяще становился, я говорилъ въ своей мысли: «чтò же это такое?»

И сладостная мелодія распространилась по освѣщенному воздуху, и мудрое рвеніе заставило меня порицать Еву;

Ибо тамъ, гдѣ земля и небо были послушны, эта женщина, только-что созданная, не захотѣла выносить никакого покрывала передъ глазами; ²⁾

И подъ этимъ покрываломъ, еслибы она была болѣе покорна, я бы вкусилъ раньше и вкушалъ дольше это неизъяснимое блаженство.

Въ то время, какъ я шелъ пораженный среди этихъ зачатковъ вѣчной радости и желая вкушать еще болѣе великую радость,

Передъ нами, воздухъ, подобно громадному пламени, оказался воспламененнымъ надъ зелеными вѣтвями, и сладостный звукъ, который мы уже слышали, превратился въ прекрасную мелодію.

О, святые дѣвы! если, ради васъ, я въ прежнія времена выносилъ голодь, холодъ, бдѣніе, теперь я принужденъ обратиться къ вамъ за помощью.

Нужно, чтобы Геликонъ надѣлилъ меня своими водами и чтобы Урація помогла мнѣ своимъ перомъ, чтобы я могъ перевести въ стихи предметы, трудно понимаемые. ³⁾

Затѣмъ, мнѣ показалось, что я увидѣлъ семь золотыхъ деревьевъ ⁴⁾, обманутый большимъ разстояніемъ, которое находилось между нами и новымъ предметомъ;

Но когда я на столько приблизился, что обыкновенный предметъ, относительно котораго чувства ошибаются, не могъ, вслѣдствіе удаленія, потерять всеѣхъ своихъ подробностей,

Способность, управляющая разумомъ, открыла мнѣ, что это были семь свѣтильниковъ, и что голоса пѣли: Осанна ⁵)!

Эти прекрасные предметы горѣли свѣтлѣе, чѣмъ луна, когда въ небесной лазури она достигаетъ до ночи и по серединѣ своего мѣсяца.

Преполненный восторгомъ, я обернулся къ доброму Виргилію, и онъ отвѣчалъ мнѣ взглядомъ не менѣе удивленнымъ, чѣмъ былъ мой взглядъ.

Я перенесъ мой взоръ на свѣтильники, которые приближались къ намъ такъ медленно, что ихъ могли опередить молодыя жены ⁶).

Дама воскликнула мнѣ: «почему ты такъ жадно созерцаешь этотъ свѣтъ и не смотришь на тогъ, чтѣ находится за нимъ?

Тогда я увидѣлъ людей, шедшихъ за ними, какъ за путеводителями, которые были одѣты въ бѣлое ⁷); никогда не видно было на землѣ такой бѣлизны.

По лѣвой сторонѣ блестяла вода, и когда я на нее смотрѣлъ, она отражала мой лѣвый бокъ, какъ отражаетъ зеркало.

Когда я дошелъ до той точки берега, гдѣ я былъ отдѣленъ отъ этого шествія только рѣкой,—чтобы лучше видѣть, я остановилъ свои шаги.

И я увидѣлъ какъ свѣтильники поплыли впередъ, оставляя послѣ себя слѣды, полные различныхъ цвѣтовъ, и они походили на кисти, начерчивающія линіи.

Такъ что наверху совершенно ясно были видны семь линій ⁸), заключаая въ себѣ краски, изъ которыхъ солнце дѣлаетъ себѣ радугу, а Делія—поясъ ⁹).

Эти знамена все больше и больше удалялись отъ моихъ взоровъ, и, на сколько мнѣ казалось, были шаговъ на десять одинъ отъ другого.

Подъ этимъ прекраснымъ небомъ, которое я описываю, шли двадцать четыре старца, увѣнчанные цвѣтами лиліи ¹⁰).

И всё они пѣли: «благословенна ты между дочерьми Адама, и благословенна вѣчно твоя красота» ¹¹).

Когда цвѣты и свѣжая трава, находившіеся передо мной, были оставлены этими избранныками,

Подобно тому, какъ молнія слѣдуетъ за молніей въ небѣ, за двадцатью четырьмя старцами шли четыре животныхъ, увѣчанные зелеными лптьями ¹²).

Каждый имѣлъ шесть крыльевъ; перья были украшены глазами, и таковы были-бы глаза Аргуса, если-бы они были живыми.

Я не расточаю болѣе стиховъ, чтобы описывать ихъ, читатель, ибо будущія издержки такъ меня стѣсняють, что не могу быть щедрымъ теперь.

Но читай Эзекиіля, который описалъ ихъ, какъ видѣлъ, идущими изъ холодныхъ областей среди вѣтровъ, снѣга и огня ¹³),

И какими ты ихъ найдешь въ его книгахъ, такими они были здѣсь, за исключеніемъ перьевъ, относительно которыхъ Іоаннъ со мной противъ него.

Пространство между четырьмя звѣрями было занято триумфальной колесницей на двухъ колесахъ, которую везъ Грифонъ ¹⁴).

Грифонъ распростеръ свои два крыла между линіей середины и тремя другими, такъ что, пересѣкая ихъ, онъ не дѣлалъ имъ никакого вреда ¹⁵).

Эти крылья такъ высоко подымались, что не видно было имъ конца. Грифонъ имѣлъ золотые члены, въ той части своего тѣла, которая была птицей, а въ другой части его члены были бѣлые и зеленые.

Не только Римъ не обрадовалъ столь прекрасной колесницей Африканца, ¹⁶), или даже Августа, но въ сравненіи съ этой колесницей даже колесница Солнца была бы бѣдна,

Колесница Солнца, которая, отклонившись отъ своей дороги, была сожжена по просьбѣ умоляющей земли, когда Юпитеръ былъ справедливъ въ тайникахъ своей мысли.

Пространство между четырьмя зверями занято триумфальной колесницей на двух колесах, которую возят грифоны.
(Чистилище, Письмо XXIX, стр. 192).

Со стороны праваго колеса шли три пляшущія женщины; ¹⁷⁾ одна такая красная, что въ пламени ее не было видно.

Другая была такая, какъ еслибы ея тѣло и ея кости были одѣланы изъ изумруда; третья была похожа на только-что упавшій снѣгъ.

Ихъ, казалось, вела то бѣлая, то красная, и смотря на пѣніе этой послѣдней, другіе принаравливали свои шаги медленные или быстрые.

По лѣвой сторонѣ рѣзвились четыре другихъ женщинъ, одѣты въ пурпуръ ¹⁸⁾, принаравливаясь къ одной изъ нихъ, у которой было три глаза на лбу.

За этой группой, которую я описалъ, я увидѣлъ двухъ старцевъ различно одѣтыхъ, но имѣющихъ одинъ и тотъ-же суровый и спокойный видъ ¹⁹⁾.

Одинъ, казалось, былъ однимъ изъ учениковъ того великаго Гиппократы, котораго природа создала для существъ, которыя ей дороже всего.

Другой казался совершенно другого духа; у него были сіяющій и заостренный мечъ и такой, что я его испугался, будучи на другомъ берегу рѣки.

Потомъ я увидѣлъ четырехъ старцевъ скромнаго вида ²⁰⁾, а за ними шелъ одинъ старецъ, съ глазами закрытыми сномъ и съ мыслию на челѣ ²¹⁾.

И послѣдніе семь были одѣты, какъ первая группа, однако на головѣ у нихъ не было вѣнца изъ лилій,

но былъ вѣнецъ изъ розъ и другихъ цвѣтотъ; издали можно было подумать, что пламя сжигало ихъ выше бровей.

И когда колесница находилась противъ меня, грянулъ громъ и достойные старцы, которымъ было запрещено идти дальше,

Остановились тутъ вмѣстѣ съ первыми свѣтильниками.

ПРИМЪЧАНІЯ.

¹⁾ Слова из XXXI псалма: «Благословенны тѣ, которыхъ грѣхи прощены».

²⁾ Т. е. никакого покрывала невѣдѣнія. Ева хотѣла слишкомъ много знать, и тотъ-же грѣхъ она заставила совершить и Адама.

³⁾ Въ этомъ мѣстѣ Данте дѣлаетъ воззваніе къ музамъ. Геликонъ, вершина Парнасса, гдѣ рождается источникъ Пегаса, посвященный музамъ. Уранія олицетворяетъ астрономію или небесныя свѣтила. Ее изображали какъ молодую дѣвушку, одѣтую въ синее платье, увѣчанную звѣздами и держащую въ рукахъ небесный глобусъ. Она была матерью Лина и Гименея.

⁴⁾ Символь семи даровъ Духа Святого.

⁵⁾ «Osanna fili Dei, osanna in excelsis».

⁶⁾ «Молодыя жены, — говоритъ Гранжье, — имѣютъ привычку, ради сохраненія скромности и серьезности, ходить медленно». Съ своей стороны, другой комментаторъ, Вентури, думаетъ, что молодыя жены ходятъ медленно, боясь испортить свой туалетъ или разстроить украшенія, которыя не имѣютъ привычки часто носить. Эта картина Данте напоминаетъ знаменитую «Альдобрандинову свадьбу» — древнюю фреску, современную, вѣроятно, вѣку Августа, писанную по превосходному греческому образцу и найденную въ 1606 году, вблизи Santa Maria Maggiore. Эта фреска въ настоящее время находится въ римскомъ Ватиканѣ.

⁷⁾ Патріархи.

⁸⁾ Семь тайнъ.

⁹⁾ Діана или Луна, называемая также Дельей, потому что она родилась въ Делосѣ.

¹⁰⁾ Двадцать четыре книги Древняго и Новаго Заветъа.

¹¹⁾ Намекъ на слова Архангела, обращенныя къ Дѣвѣ Маріи: «Благословенна ты между женами» (Евангеліе отъ Луки, I, 28).

¹²⁾ Четыре Евангелиста.

¹³⁾ (См. Езекииль, гл. I.

¹⁴⁾ Аллегорическое изображеніе Церкви. Это видѣніе колесницы и всего шестива напоминаетъ Езекииль и Апокалипсисъ. Колесница—Церковь, два колеса—Древній и Новый Заветъ; грифонъ съ своей двойной природой—Иисусъ Христосъ.

¹⁵⁾ Было, какъ мы знаемъ, семь свѣтильниковъ, отъ которыхъ отдѣлялось семь огненныхъ линий. Крылья грифона, который везъ колесницу, разстилались надъ линіей середины и тремя другими, т. е. шестью другими, находившимися по правую и по лѣвую сторону.

¹⁶⁾ Дѣло идетъ о Сципіонѣ Африканскомъ.

¹⁷⁾ Три теологическія добродѣтели: Вѣра, — снѣжнаго цвѣта, Надежда — изумруднаго, Милосердіе — огненнаго.

¹⁸⁾ Четыре кардинальныя добродѣтели: Воздержанность, Сила, Справедливость и Благоразуміе съ тройнымъ зрѣніемъ.

¹⁹⁾ Св. Лука, который, по преданію, врачевалъ, и Св. Павель.

²⁰⁾ Святые Яковъ, Петръ, Іоаннъ и Іуда, братъ Іакова.

²¹⁾ Св. Іоаннъ. Намекъ на Апокалипсисъ.

И бросая цвѣты, пѣли: manibus o date lilia plenis (стр. 197).

ПѢСНЬ ТРИДЦАТАЯ.

Появленіе Беатриче. Съ ея появленіемъ Виргилій исчезаетъ. Ангелы, воспѣвая ей хвалу и разсыпая цвѣты, взлетаютъ надъ колесницей, на которой воссѣдаетъ Беатриче. Данте узнаетъ ее, вслѣдствіе волненія, испытываемаго имъ. Она упрекаетъ его за его заблужденія.

Когда этотъ септантріонъ перваго неба ¹⁾, который никогда не зналъ ни восхода, ни заката, ни какого-либо облака, за исключеніемъ покрывала грѣха,

И который тамъ каждому объяснялъ его долгъ, точно такъ же, какъ нашъ земной септантріонъ направляетъ того, кто повертываетъ свое кормило, чтобы войти въ пристань,

Остановился, святые старцы, шествовавшіе первыми между семью свѣтильниками и грифономъ, повернулись къ колесницѣ, какъ къ своему постоянному миру.

И одинъ изъ нихъ, точно посланный съ неба, воскликнулъ три раза: «*Veni, Sponsa de Libano*» ²⁾, и всѣ другіе заплѣли вмѣстѣ съ нимъ.

Подобно тому, какъ блаженные, при последнемъ призывѣ внезапно поднялись съ своихъ мѣсть, нагъвая аллилуйя, голосомъ снова имъ возвращеннымъ,

Точно такъ же, на этой божественной колесницѣ, встали *ad vocem tanti senis* сто служителей и посланцевъ вѣчной жизни.

Всѣ они говорили: «*benedictus qui venis*»; потомъ, бросая цвѣты на колесницу и вокругъ нея, прибавляли: «*manibus o date lilia plenis*» ³⁾.

Я уже видѣлъ, на разсвѣтѣ, восточную часть, покрытую розоватымъ отблѣнкомъ, а другую часть неба—окрашенную прекрасною ясностію,

А ликъ восходящаго солнца отуманеннымъ, такъ что, благодаря туману, умѣряющему его блескъ, глазъ долго его могъ выносить.

Точно такъ же, сквозь тучу цвѣтовъ, которые изъ рукъ ангеловъ то взлетали, то падали на колесницу и вокругъ нея, —

Подъ бѣлымъ покрываломъ, опоясанная ольвковою вѣткой, передъ моими взорами появилась женщина; ее покрывалъ зеленый плащъ, и одѣта она была въ платье огненнаго цвѣта ⁴⁾.

И духъ мой, который уже такъ давно не былъ надломанъ ни удивленіемъ, ни ужасомъ въ ея присутствіи,

Не узнавая ее съ помощью глазъ, но благодаря тайной слѣб, исходящей отъ нея, почувствовалъ великое могущество прежней любви,

Какъ только мои взоры были поражены этой высокой силой, ранившей меня прежде, чѣмъ я вышелъ изъ дѣтскаго возраста ⁵⁾,

Я обернулся налѣво съ тою непринужденностью ребенка, который бѣжитъ къ своей матери, когда онъ чего-нибудь испугался и чѣмъ-нибудь опечаленъ, —

Желая сказать Виргилию: «у меня нѣтъ ни одной капли крови, которая-бы не трепетала; я узнаю признаки моего прежняго пламени ⁶⁾»;

Но Виргилий лишилъ насъ себя ⁷⁾, Виргилий, этотъ дорогой отецъ, Виргилий, которому, ради моего спасенія, она поручала меня.

И даже этотъ земной рай, потерянный нашей древней матерью, не помѣшалъ моему лицу, обмытому рососою, затуманиться моими слезами.

«Данте, изъ за того, что Виргилий уходитъ, не плачь, не плачь еще! Тебѣ придется оклакивать другую рану».

Подобно тому какъ адмиралъ ходитъ отъ носа корабля къ кормѣ, наблюдая за тѣмъ, какъ люди управляютъ другими кораблями, и воодушевляеть ихъ,

Такъ, на лѣвой сторонѣ колесницы, когда я повернулъ голову при звукѣ моего имени, которое вълѣдствіе необходимости записы-вается здѣсь,

Я увидѣлъ женщину, появившуюся мнѣ сначала подъ покрываломъ, которая среди этого ангельскаго праздника направила свои взоры на меня съ другого берега рѣки.

Хотя покрывало, спускавшееся съ ея головы, увѣнчанное листьями Мисервы, не позволяло видѣть ея черты,

Въ позѣ царски величественной, она продолжала, какъ тотъ, который, говоря, оставляетъ самыя горячія слова подъ конецъ:

«Смотри на меня: я есмь, я есмь Беатриче! Какъ осмѣлился ты взойти на эту гору? Развѣ не зналъ ты, что здѣсь челоувѣкъ счастливъ?»

Взоры мои наклонились къ ясной волнѣ, но, увидѣвъ себя въ ней, я перевелъ ихъ на траву,—такъ сильно мой лобъ былъ отягченъ стыдомъ.

Подобно матери, которая кажется строгой своему сыну, показала мнѣ Беатриче, потому что я почувствовалъ горечь ея суровой нѣжности.

Она замолчала и ангелы сейчас-же запли: «In te, Domine, speravi»⁸⁾, но они дошли только до «Pedes meos».

Какъ снѣгъ, среди деревъ и на горахъ, образующихъ спину Италіи, замерзаетъ и твердеетъ подъ дуновеніемъ вѣтровъ Эсклавоини,

Потомъ, превратившись въ жидкость, стекаетъ, какъ только земля, лишенная тѣни, посылаетъ свое дуновеніе, подобное огню, который расплавляетъ свѣчку,

Такимъ былъ и я безъ слезъ и безъ взлоховъ прежде пѣнія тѣхъ, которыхъ звуки всегда слѣдуютъ звукамъ вѣчныхъ сферъ.

Но когда я понялъ, благодаря ихъ сладостной мелодіи, что они сочувствуютъ моимъ страданіямъ больше, чѣмъ если-бы они сказали: «женщина, зачѣмъ ты его удручаешь?»—

Ледъ, который затвердѣлъ вокругъ моего сердца, слѣлся стѣнаніями и слезами и съ томленіемъ распространился на моей груди, выходя изъ устъ и глазъ.

Но она, неподвижная на правой сторонѣ колесницы, обратилась со слѣдующими словами къ святымъ субстанціямъ:

«Вы бдите въ вѣчномъ днѣ, и ни ночь, ни сонъ не скрываетъ отъ васъ ни одинъ шагъ, совершаемый вѣкомъ въ своемъ движеніи,

«А потому я дамъ мой отвѣтъ съ большей точностью, чтобы услышалъ меня тотъ, который плачетъ на другомъ берегу, и чтобы его проступокъ и его страданіе имѣли одну и ту-же мѣру.

«Не только велѣдствіе вліянія великихъ сферъ, направляющихъ каждое зерно къ его цѣли, согласно звѣздамъ, сопровождающимъ его,

«Но также велѣдствіе изобилія божественной благодати, которая направляется на насъ и заставляетъ испаренія подыматься такъ высоко, что даже и зрѣніе не можетъ настичь ихъ,

«Вотъ этотъ въ своей новой жизни былъ виртуально такимъ, что всякая прямая привычка возбудила-бы въ немъ самыя прекрасныя послѣдствія;

«Но почва плохо засеянная и не обработанная становится тѣмъ болѣе негодной и дикою, чѣмъ болѣе она плодородна.

«Нѣкоторое время я поддерживала его своимъ лицомъ, и показывая ему свои глаза молодой дѣвушки, я вела его по прямой дорогѣ;

«Но какъ только я вступила на порогъ моего второго возраста и переѣхала жизнь, онъ оставилъ меня и отдался другимъ.

«Когда я поднялась отъ плоти къ духу, и когда я выросла въ красотѣ и добродѣтели, я сдѣлалась для него менѣе дорогой и менѣе пріятной.

«Онъ обратилъ свои взоры на ложную дорогу, следуя за обманчивымъ признакомъ блага, которое въ цѣлости не исполняетъ ни одного изъ своихъ обѣщаній.

«Не помогло и то, что я выпросила для него внушенія, которыми я призывала его въ его сновидѣнїяхъ или иначе, такъ мало онъ этимъ озабочивался.

«Онъ такъ низко упалъ, что все мои усилїя оказались-бы безплодными для его спасенія, если-бы я ему не показала преступное племя.

«Для этого я посѣтила порогъ мертвыхъ и мои просьбы и слезы были отнесены тому, который провелъ его сюда.

«Верховный законъ Бога былъ-бы нарушенъ, если-бы онъ перешелъ черезъ Лету и если-бы онъ вкусилъ ея воды, не заплативъ

«Слезами долгъ покаянїя».

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹⁾ Септантріономъ называютъ обыкновенно семь звѣздъ, образующихъ Большую Медвѣдцу. Но Данте называетъ септантріономъ семь свѣтильничковъ, о которыхъ была рѣчь въ предшествующей пѣснѣ.

²⁾ «Пѣснь пѣсней», гл. IV: «Приди, супруга, изъ Ливана».

³⁾ «Benedictus qui venis» (благословенъ грядущій) — слова народа, когда онъ увидѣлъ Иисуса Христа вступающимъ въ Иерусалимъ. (См. Евангеліе отъ Матвея, 21, 9). Ангелы прибавляютъ:—«Manibus o date lilia plenis» (бросайте лиліи полными руками)—подражаніе «Энеидѣ», пѣснь VI.

⁴⁾ Женщина эта — Беатриче или Богословіе.

⁵⁾ Данте полюбилъ Беатриче, когда ему было девять лѣтъ.

⁶⁾ Реминисценція «Энеиды» Виргилія: Agnosco veteris vestigia flammae (кн. IV).

⁷⁾ Поэзія исчезаетъ при появленіи Богословія.

⁸⁾ Начало 8-го псалма: Господи, я надѣялся на тебя!

Тогда она потащила меня къ рѣкѣ и когда я былъ погруженъ до самаго рта, увлекая меня за собой, она бѣжала по водѣ... (стр. 205).

ПѢСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Беатриче продолжаетъ свои упреки. Подавленный страданіемъ Данте слушаетъ ее молча. Онъ приподнимаетъ глаза и видитъ ее, сіяющую и обращенную къ грифону, котораго двойная природа, человѣческая и божественная, — отражается въ ея глазахъ. Впечатлѣніе, сдѣланное словами Беатриче на Данте, такъ сильно, что онъ падаетъ въ обморокъ. Матильда погружаетъ его тогда въ Лету. Послѣ этого прекрасныя танцовщицы (теологическія и кардинальныя добродѣтели), окружающія апокалиптическую колесницу, ведутъ очищеннаго поэта къ Беатриче. Онъ ее созерцаетъ и видитъ во всемъ совершенствѣ ея преобразованной красоты.

«О, ты, который находишься по той сторонѣ священной рѣчки», — прибавила она, направляя на меня остроконечье своей рѣчи, которой лезвіе показалось мнѣ столь горькимъ,

И преслѣдую меня безъ пощады: «скажи, скажи, правда-ли все это? Нужно, чтобы твое признаніе присоединилось къ этому великому обвиненію».

Мои силы были до такой степени подавлены, что мой голос заволовался, но онъ потухъ, прежде чѣмъ вышелъ изъ моихъ устъ.

Она немного подождала, потомъ сказала: «что-же ты думаешь? Отвѣчай мнѣ, если только твои печальныя воспоминанія не смыты въ тебѣ водою забвенія».

Смущеніе и страхъ, соединенные вѣсть, извлекли изъ моихъ устъ *да* такое слабое, что необходимы были глаза, чтобы его понять.

Какъ слишкомъ натянутый дугъ разрывается при спускѣ и веревку, и самый дугъ, а стрѣла достигаетъ цѣли не съ такой быстротою,

Такъ и я былъ разбитъ этой тяжелой ношей и я пролилъ столько слезъ и испустилъ столько вздоховъ, что мой голосъ ослабѣлъ въ своей силѣ.

Тогда она мнѣ сказала: «среди благодѣтельныхъ желаній, исполнившихся отъ меня, желаній, которыя вели тебя любить благо, за которыми нѣтъ другого желаемого блага,—

«Какіе непроходимые рвы или какія цѣпи ты нашелъ передъ собою, что ты до такой степени потерялъ надежду идти дальше?

«Какія наслажденія или какія прелести замѣтилъ ты на лбу другихъ, что ты такъ ухаживалъ за ними?»

Послѣ долгого горькаго вздоха, у меня едва лишь достало голоса отвѣтить, и уста уставали произносить слова.

Я сказалъ рыдая: «присущія вещи съ ихъ живыми радостями отвратили мои шаги, какъ только ваше лицо скрылось».

«Она сказала мнѣ: «если бы ты молчалъ, если бы ты отрицалъ то, въ чемъ ты сейчасъ сознался, твой проступокъ былъ-бы не менѣе извѣстенъ: столь пронизательный судья его знаетъ».

«Но когда сознаніе грѣха падаетъ съ устъ виновнаго, тогда жерновъ въ нашемъ небесномъ дворѣ обращается противъ лезвія шпаги.

«Однако, для того, чтобы ты унесъ менѣе стыда отъ своихъ

заблуждений и для того, чтобы въ другой разъ, услыхавъ сирень, ты былъ сильнѣе,

«Отстрани семя твоего плача и сдунай: ты узнаешь, что мое тѣло, которое тамъ внизу погребено, должно было вести тебя къ совершенно другой цѣли.

«Никогда еще ни природа, ни искусство не предлагало тебѣ такого наслажденія, какъ прекрасное тѣло, въ которомъ я была заключена и которое превратилось въ прахъ;

«И если это великое наслажденіе, вѣдѣніе моеи смерти, ускользнуло отъ тебя, какой смертный предметъ могъ заставить тебя потомъ любить его?

«При первой стрѣльбѣ, пущенной въ тебя лживыми благами, ты долженъ былъ поднять глаза свои къ небу, слѣдуя за мной, которая не есть ничто обманчивое.

«Ты не долженъ былъ опустить свои крылья въ ожиданіи тамъ новыхъ ранъ, или же какой-нибудь дѣвочки¹⁾ или какой-либо другой суеты кратковременной.

«Молодая птичка позволяеть стрѣлять въ себя два или три раза, но передъ глазами птицъ, давно покрытыхъ перьями, сѣти разстилаются понапрасну и понапрасну пускаются стрѣлы»²⁾.

Подобно тому, какъ дѣти, безмолвныя отъ стыда, съ глазами опущенными на землю, стоять, выслушивая и признавая свои проступки и раскапываясь,

Такъ и я стояла, и она сказала мнѣ: «если слушаешь меня, ты испытываешь столько страданія, подыми бороду, и ты испытаешь еще болѣе страданіе, смотря на меня».

Съ меньшимъ сопротивленіемъ вырывается съ корнемъ крѣпкій дубъ нашимъ вѣтромъ или вѣтромъ, дующимъ изъ страны ярба³⁾,

Чѣмъ я, по ея повелѣнію, началъ подымать подбородокъ; и когда она говорила мнѣ о бородѣ, вмѣсто лица, я почувствовалъ весь ядъ ея словъ.

Наконецъ, когда я поднялъ лицо, мои глаза замѣтили, что прекрасныя созданія перестали разбрасывать цвѣты;

И мои взоры, еще неуверенные, увидѣли Беатриче, обращенную къ священному звѣрю, составляющему одно лицо съ двумя природами.

Подъ своимъ покрываломъ и на другой сторонѣ зеленѣющей рѣки, ея красота, казалось мнѣ, на столько превосходила ея прежнюю красоту, на сколько она превосходила красоту другихъ на землѣ.

Красива раскаянія такъ сильно меня ужалила, что чѣмъ больше другія вещи заставляли меня любить ихъ, тѣмъ болѣе онѣ становились мнѣ противны.

Столь великое раскаяніе укусило меня въ сердце, что я упалъ въ безчувствіи; и что со мной тогда случилось—знаетъ та, которая была этому причиною.

Потомъ, когда сердце возвратило мнѣ вишія чувства, — я увидѣлъ надъ собою Даму ⁴⁾, которую я уже прежде видѣлъ одну; и она мнѣ сказала: «держи меня, держи меня!»

Тогда она потащила меня къ рѣкѣ и когда я былъ погруженъ до самаго рта увлекая меня за собой, она бѣжала по водѣ, легкая, какъ лодочка.

Когда я былъ уже вблизи блаженнаго берега, я услышалъ, какъ пѣли съ такой прелестію «Asperges me» ⁵⁾, что я не въ состояніи вспомнить это и тѣмъ болѣе описать.

Прекрасная Дама раскрыла руки, подняла ихъ надъ моею головою и погрузила меня такъ, что я долженъ былъ проглотить эту воду.

Затѣмъ, она меня вытащила, и такимъ образомъ обмытаго она подвела меня къ четверемъ прекраснымъ танцовщицамъ ⁶⁾, и каждая изъ нихъ окружила меня своими руками.

«Здѣсь мы—нимфы; на небѣ мы—звѣзды. Прежде, чѣмъ Беатриче спустилась въ міръ, намъ было указано быть ея слугами;

«Мы поведемъ тебя передъ ея очи; но для того, чтобы ты могъ вынести ихъ яркѣй свѣтъ, три женщины, которыя стоятъ вонъ тамъ ⁷⁾ и у которыхъ зрѣніе болѣе сильно, заострятъ твое».

Такъ сказали онѣ мнѣ нарастѣвъ; затѣмъ онѣ подвели меня къ груди грифона, тамъ, гдѣ Беатриче оборачивалась къ намъ,

И продолжали: «не сберегай своего зрѣнія; мы поставили тебя передъ изумрудами, откуда любовь уже пустила въ тебя свои стрѣлы».

Тысячи желаній, болѣе жгучихъ, чѣмъ пламя, приковали мои глаза къ блестящимъ глазамъ, которые пристально смотрѣли на грифона.

Подобно тому, какъ солнце отражается въ зеркалѣ, такъ двойной звѣрь отражался въ глазахъ Беатриче, то въ одной сторонѣ, то въ другой.

Подумаю только, читатель, былъ-ли я удивленъ, когда я увидѣлъ звѣря неподвижнаго въ самомъ себѣ и мѣняющагося въ своемъ отраженномъ изображеніи.

Въ то время, какъ полная удивленія и робости душа моя вкушала эту пищу, которая увеличиваетъ желаніе тѣхъ, которыхъ она насыщаетъ,

Три другія женщины, которыя, казалось, принадлежали къ самому высшему порядку, пѣли и плясали по-ангельски:

«Обрати, Беатриче, обрати свои свѣтлые глаза, — такова была ихъ пѣснь, — къ твоему вѣрному, который сдѣлалъ столько шаговъ, чтобы увидѣть тебя.

«Изъ милости сдѣлай намъ милость ⁸⁾, открой ему свои уста, чтобы онъ могъ увидѣть вторую красоту ⁹⁾, которую ты скрываешь».

О, сіяніе яркаго, вѣчнаго свѣта! Есть-ли такой человѣкъ, который, поблѣднѣвъ подъ тѣнію Парнаса или который утоливъ свою жажду изъ его цистерны,

Не будетъ смущенъ, пробуя изобразить тебя такою, какою ты

миѣ явилась тамъ, гдѣ небо окружаетъ тебя своей гармоніей, точно тѣню,

Когда на открытомъ воздухѣ ты передо мной предстала ¹⁰).

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

¹⁾ Въ итальянскомъ оригиналѣ стоитъ «pargoletta»—слово въ точности передаваемое словомъ «дѣвчонка». Здѣсь Данте говоритъ съ пренебреженіемъ объ этомъ предметѣ своей любви. Подъ дѣвчонкой слѣдуетъ подразумѣвать Джентулку, молодую дѣвушку, которую Данте любилъ во время своего пребыванія въ Луккѣ.

²⁾ «Frustra jacitur rete ante oculos pennatorum». (Соломонъ).

³⁾ Африканскій царь:
Despectus Iarbas
Ductoresque alii. (Энеида).

⁴⁾ Матильда.

⁵⁾ Слова I псалма.

⁶⁾ Воздержанность, Сила, Справедливость, Благоразуміе.

⁷⁾ Вѣра, Надежда, Милосердіе.

⁸⁾ Per grazia fa noi grazia.

⁹⁾ Вторая красота есть красота божественная, которую Беатриче приобрѣла уже на небѣ.

¹⁰⁾ Въ концѣ этой пѣсни поэтъ, повидимому, раздѣляетъ мнѣніе Овидія, который называетъ Парнасъ «Arx umbrosa» (Метаморфозы, I).

Подобно тому, какъ дѣти, безмолвные отъ стыда, съ глазами опущенными на землю, стоятъ, выслушивая и признавая свои проступки, такъ и я стоялъ...
(Чистилище, Пѣсь XXXI, стр. 204).

И какъ-бы для того, чтобы она не была похищена, я увидѣлъ возлѣ нея стоящаго великана... (стр. 214).

ПѢСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Насытившись созерцаніемъ Беатриче, Данте видитъ, какъ старцы, грифонъ, колесница и всѣ остальные возобновляютъ шествіе. Онъ слѣдуетъ за шествіемъ вмѣстѣ съ Матильдою и Стаціемъ. Шествіе останавливается у древа жизни. Грифонъ (Бого-человѣкъ) привязываетъ колесницу къ дереву, и дерево, лишенное листьевъ, снова зеленѣетъ. Въ то время, какъ святые угодники поютъ гимнь, поэтъ засыпаетъ.

Мои глаза были такъ напряжены, и такъ сильно стремились успокоить свою жажлу десяти лѣтъ, что всѣ другія мои чувства были какъ-бы уничтожены ¹⁾);

И они, безъ заботы о всякой другой вещи, то тутъ, то тамъ были какъ бы замурованы, до такой степени божественная улыбка держала ихъ въ ихъ прежнихъ сѣтяхъ.

И тогда насильно мое лицо было обращено нагъво этими богами, которыя говорили: «онъ слишкомъ усленно смотритъ»!

И то неприятное чувство, которое ощущается въ глазахъ, когда они поражены солнцемъ, отняло у меня на некоторое время зрѣніе.

Но когда они снова привыкли къ слабому блеску, — я говорю слабому, по сравненію съ великимъ свѣтомъ, отъ котораго я былъ оторванъ насильно, —

Я увидѣлъ, что славная милиція повернула направо и, шествуя, имѣла солнце и семь огней передъ собой.

Подобно тому, какъ подъ защитою щитовъ отрядъ устанавливается въ порядкѣ и повертывается медленно съ своимъ капитаномъ прежде, чѣмъ его движеніе будетъ замѣчено,

Такъ и милиція небеснаго царства, предшествующая колесницѣ, прошла вся, прежде чѣмъ колесница успѣла повернуть свое дышло.

Загѣмъ женщины вернулись къ колесамъ, и грифонъ привелъ въ движеніе благословенную колесницу, хотя его крылья не волновались.

Прекрасная Дама, съ помощью которой я перешелъ рѣку, и Станціи, и я, мы слѣдовали за колесомъ, которое, повертываясь, описываетъ меньшій кругъ ²).

Проходя такимъ образомъ по высокому лѣсу, пустынному вѣдствіе преступленій той, которая повѣрила змію, мы чувствовали, что наши шаги согласовались съ пѣніемъ ангеловъ.

Можетъ быть, мы прошли такое пространство, какое пробѣгаетъ пушечная стрѣла въ три полета, когда Беатриче сошла.

Я услышалъ, какъ всѣ шептали: «Адамъ!» Потомъ они окружили дерево, лишенное цвѣтовъ и листьевъ на всѣхъ своихъ вѣтвяхъ ³).

Чѣмъ выше подымается его вершина, тѣмъ больше расширяются его вѣтви; его высота привела-бы въ восторгъ индійцевъ въ ихъ лѣсахъ.

«Да будешь ты благословенъ, грифонъ, который не растерзалъ своимъ клювомъ этого дерева, сладкаго на вкусъ, но отъ котораго отощли съ болью внутри тѣ, которые цитались имъ!»

Такъ около крѣпкаго дерева кричали другіе, а звѣрь съ двойной природой отвѣчалъ: «такъ сохраняется семя всякой справедливости».

И обратившись къ дышлу, которое онъ дернулъ, грифонъ подвезъ колесницу къ подножію дерева, лишеннаго листьевъ, и привязалъ ее къ дереву.

Подобно тому, какъ наши растенія, когда великій свѣтъ падаетъ, смѣшанный съ свѣтомъ, сіяющимъ позади небесныхъ Рыбъ ⁴⁾,

Покрываются почками и каждое возстановляетъ свой цвѣтъ прежде, чѣмъ солнце запряжетъ своихъ коней подъ другой звѣздой,

Такъ, возстановляя свои цвѣта, не столь яркіе какъ цвѣтъ розы, но болѣе яркіе, чѣмъ цвѣтъ фіалки ⁵⁾, оживилось дерево, котораго вѣтви передъ тѣмъ были такъ обнажены.

Я никогда прежде не слышалъ, да и не поютъ на землѣ того гимна, который запллн тогда эти люди, и вынести его въ цѣломъ не могъ.

Еслибы я могъ воспроизвести, какъ заснули безпощадные глаза Аргуса, слушавашаго приключеніе Сиринксы, эти глаза, которымъ слишкомъ большая бдительность стоила такъ дорого ⁶⁾,

Какъ живописецъ, который по модели изображаетъ предметъ, я бы изобразилъ, какъ я заснулъ; но пусть это сдѣлаетъ тотъ, кто умѣетъ хорошо изображать сонъ.

Поэтому я перехожу къ тому моменту, когда я проснулся, и говорю, что сіяніе проникло черезъ покровъ моего сна, и какой-то голосъ воскликнулъ: «вставай! что ты дѣлаешь?»

Подобно тому, какъ при видѣ нѣжныхъ цвѣтовъ яблони, дѣлающихъ ангеловъ жадными на ея плодъ и дѣлаетъ постоянный праздникъ неба,

Петръ, Іоаннъ и Яковъ, поведенные на гору, побѣжденные и опрокинутые, встали при словѣ, которое прерывало сны болѣе глубокіе,

И увидѣли тогда, что ихъ собраніе уменьшилось Моисеемъ и Ильей, и что одѣяніе ихъ господина измѣнилось ⁷⁾;

Такимъ-то я проснулся и увидѣлъ наклоненную надо мною эту милосердную женщину, которая прежде руководила моими шагами вдоль рѣки.

Положь боязни я сказать: «сдѣ Беатриче?» А она отвѣтила мнѣ: «посмотри, она сидитъ на корняхъ дерева съ новыми листьями:

«Посмотри на собраніе, которое ее окружаетъ; другіе слѣдуютъ за грифономъ на небо съ пѣснями болѣе пѣжными и болѣе возвышенными еще».

Быль-ли ея отвѣтъ длиннѣе—я не знаю, потому что передъ моими глазами была уже та, которая закрыла мой умъ для всякаго иного вниманія.

Она одна сидѣла на голой землѣ, какъ бы оставленная при-сматривать за колесницей, которую, какъ я видѣть, была привезена къ дереву двухформными звѣрями.

Усѣвшись вокругъ нея и образуя ей какъ бы стѣну, находилось семь нимфъ, ⁸⁾ держа въ рукахъ факелы, которые не боятся ни Аквилона, ни Аустера ⁹⁾.

«Ты не на долгое время будешь обитателемъ этого лѣса и ты вѣчно будешь со мной гражданиномъ того Рима, въ которомъ Христость есть римлянинъ» ¹⁰⁾.

«А потому, ради пользы міра, живущаго зломъ, направь твои глаза на эту колесницу и, возвратившись туда, опиши то, что ты видѣлъ».

Такъ говорила Беатриче, а я былъ преданъ всѣмъ ея повеленіямъ; я направилъ свои глаза и шелъ уже туда, куда она хотѣла.

Никогда съ болѣе быстрымъ движеніемъ огонь не падаетъ изъ густой тучи, когда онъ падаетъ съ самой отдаленной точки неба,

Чѣмъ полетѣла на дерево птица Юпитера, скользя по горѣ, сбруя новые цвѣты и плоды;

И изъ всей своей силы ударила колесницу, которая согнулась какъ корабль въ опасности, ударяемый то справа, то слѣва моремъ.

Затѣмъ я увидѣлъ, какъ внутрь триумфальной колесницы проползла лисица, которая, казалось, никогда не питалась хорошей пищей.

Но моя Дама, упрекая ее за ея скверные поступки, заставила ее убѣжать такъ скоро, какъ позволили ей ея высохшія кости.

Потомъ, съ той-же стороны, откуда онъ уже прилетѣлъ, я увидѣлъ орла, спустившагося на колесницу и оставившаго ее наполненною его перьями;

И, подобно голосу, пеходящему изъ страдающихъ сердецъ, какой-то голосъ раздался съ неба: «о, моя лодка, какъ ты плохо нагружена»!

Затѣмъ мнѣ показалось, что земля раскрывается между двухъ колесъ, и оттуда я увидѣлъ выходящаго дракона, погрузившаго свой хвостъ въ колесницу.

И, подобно осѣ, вытаскивающей свое жало, такъ вытаскивая свой ядовитый хвостъ, онъ оторвалъ часть дна колесницы и ушелъ довольный, довольный.

То, что осталось отъ колесницы, подобное живучей землѣ, которая покрывается травой, покрылось перьями, оставленными орломъ, можетъ быть, съ чистымъ и доброжелательнымъ намѣреніемъ.

Одно и другое колеса, а также дышло были ими покрыты въ такое короткое время, что дольше вздохъ удерживаетъ открытыми уста.

Преображенное такимъ образомъ, священное зданіе выдвинуло изъ различныхъ своихъ частей нѣсколько головъ—три изъ дышла и одну на каждомъ углу.

Первыя были съ рогами, какъ головы быковъ, но у остальныхъ четырехъ было только по одному рогу на лбу. Подобный монстръ никогда еще не былъ виденъ.

Столь же твердая, какъ скала на горѣ, я увидѣлъ какъ съѣла въ колесницу безстыдная блудница, осмотрѣвшись вокругъ.

И какъ-бы для того, чтобы она не была похищена, я увидѣлъ возлѣ нея стоящаго великана, и оба отъ времени до времени цѣловались;

Но за то, что она направила на меня свои жадные, безстыжіе глаза, жестокій любовникъ побилъ ее отъ головы до ногъ.

Потомъ, полный ревности и ослѣпленный злостью, онъ отвязалъ уродливую колесницу и потащилъ ее такъ далеко по лѣсу, что его деревья, точно щиты, скрыли отъ меня

Блудницу и новаго монстра ¹¹⁾).

П Р И М Ѣ Ч А Н І Я .

¹⁾ Беатриче умерла въ 1290 г., а Данте приписываетъ свое странствованіе по «трехъ царствахъ» 1300 г.; значить, со смерти Беатриче прошло десять лѣтъ.

²⁾ Т. е. правое колесо, которое, при поворачиваніи колесницы направо, по необходимости, должно было, какъ слѣдъ, оставить на землѣ дугу круга меньшую, чѣмъ другое, лѣвое колесо.

³⁾ Древо познанія добра и зла, которое сдѣлалось безплоднымъ, въ слѣдствіе грѣхопаденія Адама.

⁴⁾ Т. е. смѣшанный съ лучами Овна, который слѣдуетъ за знакомъ Рыбъ или, иными словами, весной.

⁵⁾ Намекъ на слѣдующее мѣсто у св. Бернарда: «*Inspice lateris aperturam quia nec illa caret rosa. quamvis ipsa subsubea sit, propter mixturam aquae*» (Кн. 1, De Pass. Dom., cap. XLI): «Замѣчай боковое отверстіе, потому что оно имѣетъ цвѣтъ розы, хотя оно красновато, въ слѣдствіе примѣси воды».

⁶⁾ Аргусу Юнона поручила наблюдать за Ю. Меркуріемъ, которому Юпитеръ поручилъ похитить Ю, усыпить Аргуса, рассказывая ему приключенія нимфы Сиринксы, бѣжавшей отъ бога Пана, — и убилъ его во время сна.

⁷⁾ См. Евангеліе отъ Матѳея, гл. XVII, рассказъ о Преображеніи Іисуса Христа на горѣ Саворѣ.

⁸⁾ Т. е. четыре кардинальныя добродѣтели и три добродѣтели теологическія.

⁹⁾ Аквилонъ — сѣверный вѣтеръ, Аустеръ — вѣтеръ южный.

¹⁰⁾ Въ небесномъ Римѣ, т. е. въ Раю.

¹¹⁾ Весь этотъ рассказъ есть не болѣе, какъ аллегорія страданій Церкви. Колесница олицетворяетъ Церковь. Птица Юпитера — орелъ имперіи: онъ нападаетъ на колесницу. Лисица олицетворяетъ ересь, введенную императоромъ Анастасіемъ. (См. «Адъ», пѣснь одиннадцатая). Ломбарди замѣчаютъ, что Данте, по его мнѣнію, правъ, когда изображаетъ ересь въ формѣ лисицы; у блаженнаго Августина мы читаемъ: «*Vulpes insidiosos maximeque hereticos fraudulentos significant*».

Беатриче, изображающая богословіе, прогоняетъ лисицу, или ересь. Орелъ входитъ въ колесницу и наполняетъ ее своими перьями: намекъ на временныя блага, данныя Церкви императорами. Одинъ голосъ восклицаетъ: «о, моя лодка, какъ ты плохо нагружена!», потому что лодка Петра должна быть нагружена только душами, ищущими благъ небесныхъ. Драконъ, выходящій изъ земли, которая разверзается между двухъ колесъ колесницы,

выходить из ада и ударять по колесницѣ своимъ хвостомъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ, этотъ драконъ олицетворяетъ Магомета; но едва-ли это вѣрно; гораздо вѣроятнѣе мнѣніе Ломбарди, который думаетъ, что этотъ драконъ изображаетъ змія, который искушалъ первыхъ людей. Семь головъ, выходящихъ изъ колесницы, — семь смертныхъ грѣховъ. Полунагая блудница и великанъ являются символами, относительно которыхъ не все комментаторы согласны между собой. По мнѣнію Гранжье и нѣкоторыхъ другихъ, поэтъ имѣлъ здѣсь въ виду паня своего времени, а потомъ короля Филиппа Прекраснаго.

Потомъ она поставила передъ собой семь женщинъ, а позади себя, дѣлая лишь знаки, она поставила меня, Даму и мудреца... (стр. 218).

ПѢСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Беатриче со своей свитой выступаетъ впередъ. Данте сопровождаетъ ее. Беатриче аллегорически предсказываетъ, что колесница (церковь) будетъ восстановлена, а виновные будутъ наказаны. Послѣ этого Матильда погружаетъ Данте въ воды Эвноз, восстанавливающей воспоминаніе о добрѣ, которое было сдѣлано. Изъ воды онъ выходитъ вполне обновленнымъ и приготовленнымъ взойти въ Рай. Конецъ второй катитки.

«Deus, venerunt gentes»¹⁾, попеременно въ три и четыре голоса пѣли женщины, сопровождая пѣнье плачемъ;

А Беатриче, вздыхая съ соучастіемъ, слушала ихъ съ такой печалью, что даже Марія, передъ крестомъ, была не многимъ болѣе измѣнена.

Но когда другія дѣвы дали ей возможность говорить, она встала и, красная точно огонь, отвѣтила имъ:

«Modicum, et non videbitis me; et iterum», мои дорогія сестры, modicum, et vos videbitis me»²⁾.

Потомъ она поставила передъ собой семь женщинъ, а позади себя, дѣлая лишь знаки, она поставила меня, Даму и мудреца, оставшагося съ нами ³⁾.

И такимъ образомъ она шла, и я не думаю, чтобы она сдѣлала и десять шаговъ, когда ея взоры остановились на монахъ,

И спокойнымъ голосомъ она сказала: «иди скорѣе, для того, чтобы, если я обращусь къ тебѣ съ рѣчью, ты могъ лучше меня слушать».

Когда я приблизился къ ней, какъ это была моя обязанность, она мнѣ сказала: «братъ, почему, иди со мной, ты не попробуешь о чемъ-нибудь спросить меня?»

Какъ тѣ, которые съ слишкомъ большимъ почтеніемъ обращаютъ свою рѣчь къ старшимъ, такъ что имъ трудно исторгнуть изъ зубовъ живое слово,

Такъ и я, не образуя цѣлыхъ звуковъ, я началъ: «госпожа, вы знаете мои нужды и то, что можетъ ихъ удовлетворить».

Она отвѣтила мнѣ: «Я хочу, чтобы впредь ты освободился отъ всякаго страха и отъ всякаго стыда и чтобы ты не говорилъ какъ человѣкъ, который грезить».

«Знай, что дно колесницы, которое разбилъ змѣй, было и теперь не существуетъ ужъ ⁴⁾, но пусть узнаетъ виновный, что месть Бога не боится его похлебки ⁵⁾».

«Не останется на всегда безъ наслѣдниковъ орелъ, оставшій въ колесницѣ свои перья, благодаря которымъ онъ сдѣлалася монстромъ, а потомъ добычей».

«Ибо я несомнѣнно вижу и поэтому объявляю, что звѣзды уже приближаются, свободныя отъ всякаго препятствія и отъ всякаго затрудненія, и благодаря этимъ звѣздамъ наступитъ время,

«Когда число *пятьсотъ десять* и *пять* ⁶⁾, посланное Богомъ, уничтожить блудницу и этого великана, грѣшившаго съ нею.

«И можетъ быть мое предсказаніе, столь же темное, какъ Фе-

мида и Сфинксъ, не убѣдить тебя, потому что, подобно имъ, оно смущаетъ разумъ.

«Но вскорѣ факты станутъ наядами ⁷⁾, которыя развяжутъ трудный узелъ этой загадки, безъ вреда для стада и хлѣба.

«А ты замѣть эти слова, и такъ какъ они вышли отъ меня, распространий ихъ впереди людей живыхъ тою жизнію, которая ведетъ къ смерти.

«И вспомни, когда ты будешь писать ихъ, не скрой и того, какому было древо, которое дважды здѣсь было осквернено передъ тобой.

«Всякій, кто срываетъ съ него листья или искореняетъ его, оскорбляетъ Бога богохульствомъ дѣйствія, ибо Богъ создалъ его священнымъ для своего собственнаго употребленія.

«За то, что первая душа ⁸⁾ вкусила его плода, они ожидали въ страданіи и ожиданіи въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ и больше того, который показали на самомъ себѣ это преступленіе.

«Твой умъ спитъ, если онъ не понимаетъ, что была оубоенная причина на то, что это дерево столь высоко и столь широко къ вершинѣ.

«И если бы твои суетныя мысли не были какъ вода Эльемъ ⁹⁾, вокругъ твоего ума, и если бы, наслаждаясь этими мыслями, ты не запятналъ своего ума, какъ Пирамъ запятналъ плодъ тутоваго дерева ¹⁰⁾,

«То только эти обстоятельства позволять тебѣ узнать, съ правдивной пользой для самого себя, справедливость Бога въ запрещеніи, которымъ онъ окружилъ это дерево,

«Но такъ какъ твое пониманіе, я вижу, сдѣлалось каменнымъ и затуманилось въ грѣхъ, до такой степени, что свѣтъ моихъ словъ ослѣпляетъ его,

«Я хочу, чтобы ты унесъ мои слова, если не написанными, то, по крайней мѣрѣ, изображенными въ тебѣ, какъ это дѣлаетъ пилигримъ, уносящій съ собой посохъ, окруженный пальмами».

И я сказалъ: «подобно тому, какъ воскъ никогда не измѣняетъ изображеніе, отпечатуемое въ немъ печатью, такъ и мой мозгъ на будущія времена отпечатленъ вами.

«Но почему ваша желаемая рѣчь такъ высоко улетаетъ надъ мной зрѣишь, что чѣмъ больше мои глаза стремятся слѣдовать за ней, тѣмъ больше они теряютъ ее?»

«Это затѣмъ, чтобы ты узналъ, сказала она, — какую школу ты прошелъ, и чтобы ты увидѣлъ, какъ ея ученіе можетъ понять мой рѣчи,

«И чтобы ты увидѣлъ, что наша дорога на столько же удаляется отъ божественнаго пути, на сколько отъ земли удаляется небо, которое вращается скорѣе всего остального»¹¹⁾.

На это я ей отвѣчалъ: «я не помню, чтобы я когда-либо удалился отъ васъ и у меня нѣтъ угрызений въ моей совѣсти».

«Это потому, — отвѣчала она, — что ты не можешь вспомнить; подумай только, что ты только-что выпилъ воды Леты.

«И если нѣтъ дыма безъ огня¹²⁾, то это забвеніе ярко доказываетъ, что твоя воля, озабоченная другимъ, совершила и другіе проступки.

«По истинѣ, впредь мои слова будутъ на столько обнажены, на сколько нужно, чтобы обнаружить ихъ передъ твоимъ грубымъ зрѣніемъ».

И болѣе сіяющее и двигающееся болѣе медленными шагами солнце пробѣгло кругъ меридіана, который мѣняется, смотря по различнымъ положеніямъ земли, —

Когда остановились, — какъ останавливается тотъ, который идетъ впереди развѣдчикомъ передъ отрядомъ, если только не встрѣчаетъ чего-либо новаго на дорогѣ, —

Семь дамъ, подойдя къ блѣдной тѣни, такой, какую распространяютъ вокругъ себя на холодные ручьи Альпы ихъ зелеными листьями и ихъ темными вѣтвями.

Нѣсколько дальше, мнѣ показалось, что я вижу Евфратъ и Тигръ выходящими изъ одного и того же источника и, подобно двумъ друзьямъ, расходящимися съ грустью¹³⁾.

«О, свѣтъ! О, слава человеческого рода! Чтѣ это за воды, текущія здѣсь изъ одного и того же источника и расходящіяся въ своемъ теченіи?»

На эту мольбу мнѣ было сказано: «попроси Матильду, чтобы она тебѣ отвѣтила». И прекрасная Дама отвѣтила, какъ дѣлаетъ тотъ, который оправдывается въ провинности:

«Эти вещи и другія еще были ему сказаны мною, и я увѣрена, что вода Леты не стерла ихъ».

И Беатриче сказала: «можетъ быть, болѣе сильная забота, которая часто отымасть память, дѣлаетъ то, что его затемненный умъ не видитъ его глазами.

«Но вотъ Эвио, измѣняющая направленіе своего теченія; поведи его къ ней, и, по своей всегдашней привычкѣ, оживи его ослабѣвшія силы».

Какъ прекрасная душа, которая не ищетъ оправданій, но дѣлаетъ свою волю изъ воли другого, какъ только она обнаружена какимъ-нибудь знакомъ,

Такъ, какъ только я очутился возлѣ нея, прекрасная Дама пошла и сказала Стацію съ женскою граціей: «иди съ нимъ».

Если-бы у меня, читатель, было больше мѣста писать, я-бы воспѣлъ чистый нѣжный наштокъ, которымъ я-бы никогда не могъ насытиться.

Но такъ какъ все страницы этой второй кантики уже заполнены, то узда искусства не позволяетъ мнѣ идти дальше.

Я вышелъ изъ священной воды освѣженнымъ, подобно новымъ растеніямъ, возобновившимъ свои новые листья¹⁴⁾,

Очищенный и готовый подняться къ звѣздамъ¹⁵⁾.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) Цитата изъ LXXVIII псалма: «Господи, народы приплы!»
- 2) Евангеліе отъ Іоанна, 16, 16: «Вскорѣ вы не увидите меня, и опять вскорѣ увидите меня».
- 3) Т. е. Стація.
- 4) Евангелистъ въ «Апокалипсисѣ» сказалъ: «Bestia quam vidisti fuit et non est».
- 5) «Не бойся похлебки». Во время Данте, во Флоренціи существовало странное суевѣріе: флорентинцы полагали, что убійца, который въ теченіе девяти дней найдетъ возможность поѣсть похлебки на могилѣ убитаго, не можетъ быть убитъ никѣмъ изъ мести за это преступленіе.
- 6) Въ этомъ мѣстѣ поэтъ видимо подражаетъ «Апокалипсису» (гл. XVII), гдѣ сказано объ антихристѣ, что его число есть шестьсотъ шестьдесятъ шесть. Комментаторы Данте упоминаютъ разныя имена, которыя можно извлечь изъ этихъ чиселъ. Подъ *пятью стами* Данте подразумѣваетъ

букву *D*; подъ *пятью* — букву *U*; подъ *десятью* — букву *X*. Соединенныя вмѣстѣ, эти буквы образуютъ слово *Dux*, т. е. предводитель. Такимъ образомъ, Данте хочетъ здѣсь сказать, что послѣдствіе предводитель, котораго уничтожить блудницу и великана. По жившимъ въ XIII столѣтіи комментаторовъ, этимъ *Dux* является императоръ Герхардъ VIII; другие же думаютъ, что это — Кана Гранде; еще нѣкоторые видятъ въ этомъ намекъ на Угучіоне дела Фаджіола, который дѣйствительно бѣжалъ во главѣ побѣдленной арміи.

⁷⁾ Намекъ на слѣдующіе стихи Овидія («Метаморфозы», VII):

Carmina Naiades non intellecta priorum
Solvunt ingenii.

Наяды присвоили себѣ право угадывать образы Овидія. Эта богиня послала дикаго кабана, который опустошалъ окрестности Овидія.

Всѣ знаютъ загадку Сфинкса: «Какой звѣрь ходитъ сначала на четырехъ ногахъ, потомъ на двухъ, наконецъ на трехъ?» Эдипъ догадался, что этотъ звѣрь есть человѣкъ.

⁸⁾ Первая душа, т. е. Адамъ.

⁹⁾ Эльса — небольшая рѣчка въ Тосканѣ; ея вода имѣетъ свойство покрывать густымъ слоемъ виннаго камня все, что бросаютъ въ нее.

¹⁰⁾ Пирамъ передъ смертью запятналъ кровью плоть тутоваго дерева, который вслѣдствіе этого изъ бѣлага сдѣлался чернымъ. Беатриче постоянно закутываетъ свою мысль въ покрывало фигуральныхъ выраженій, какъ-бы для того, чтобы испытать пронизательность своего возлюбленнаго, какъ-бы окаменѣлаго, вслѣдствіе заблужденій, и почернѣваемаго, вслѣдствіе грѣха.

¹¹⁾ Мнѣнія мудрецовъ земли. Ихъ ученіе на столько же удаляется отъ ученія Бога, на сколько земля удалена отъ Перваго движущаго начала, которое, находясь надъ всѣми другими небесами, должно вращаться быстрее ихъ.

¹²⁾ «E se dal fumo fuoco s'argomenta» — выраженіе вполнѣ соответствующее нашей русской поговоркѣ: «Нѣтъ дыма безъ огня». Я употребилъ его здѣсь, потому что Данте употребляетъ это выраженіе въ томъ же самомъ смыслѣ, въ которомъ употребляется и русская поговорка.

¹³⁾ Во второй главѣ Книги Бытія (ст. 10, 11, 12, 13, 14) читаемъ: «Изъ Эдема выходила рѣчка для орошенія рая; и потомъ раздѣлялась на четыре рѣки. Имя одной Фисонъ: она обтекаетъ всю землю Хавила, ту, гдѣ золото; и золото той земли хорошее; тамъ бдолахъ и камень ониксъ. Имя второй рѣки Гихонъ (Геонъ): она обтекаетъ всю землю Кушъ. Имя третьей рѣки Хиддеваль (Тигръ): она протекаетъ предъ Ассирією. Четвертая рѣка

Евфратъ». Некоторые толкователи полагают, что Гихонъ и Фисонъ — только подразделения Тигра — Евфрата.

¹⁴⁾ Rifatto sì, come piante novelle
Rinnovellate di novella fronda.

¹⁵⁾ «Puro e disposto a salire alle stelle». (Очищенный и готовый подняться къ звездамъ). Этими словами *stelle* (звѣзды) оканчиваются всѣ три кантики «Божественной комедіи» — «Адъ», «Чистилище» и «Рай».

Кантика «Чистилище» заключаетъ въ себѣ 4754 стиха.

Сочинение знаменитаго ученаго И. ТЭНА, подъ названіемъ:

ЧТЕНІЯ ОБЪ ИСКУССТВѢ,

Переводъ А. Н. ЧУДИНОВА. 3 исправленное изданіе. 450 стр. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ книгѣ Тэна пять курсовъ лекцій, охватывающихъ предметъ съ различныхъ сторонъ и въ цѣломъ рядъ связанныхъ, законченныхъ этюдовъ, рисующихъ постепенно развитіе искусства въ разные времена и у разныхъ народовъ. Тэнь останавливается, преимущественно, на философіи искусства въ Италіи, Голландіи и Греціи. Книга его чрезвычайно поучительна по богатству свѣдѣній, по строгости мысли и глубинѣ художественнаго анализа.

Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Соч. Люсьена Оже. Переводъ съ французскаго, Вольфстопа. съ 21 рис. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Люсьенъ Оже принадлежитъ къ числу тѣхъ авторовъ, которые умѣютъ владѣть читателемъ, не употребляя для этого никакихъ искусственныхъ приемовъ. Благодаря живости и правдивости изложенія, заслуживаетъ полнаго вниманія читателей, ищущихъ чтенія серьезнаго, поучительнаго и, въ то же время, интереснаго. Въ особенности же она можетъ быть рекомендована юношеству, у котораго еще свѣжи въ памяти важнѣйшія свѣдѣнія по древней исторіи.

Новая книга: ЭСТЕТИКА.

Популярное изложеніе. Ученія о прекрасномъ и объ искусствѣ. Соч. Прельса, перев. съ нѣмецкаго В. Владимірова, подъ редакцію В. В. Чуйно. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 20 к.

1) Общее основаніе эстетики. 2) Обь эстетическомъ отношеніи природы. 3) О художественной дѣятельности. 4) Обь искусствѣ вообще. 5) Живопись. 6) Скульптура и архитектура. 7) Драматическая поэзія. 8) Пѣніе. 9) Вокальная музыка. 10) Инструментальная музыка о музыкальныхъ инструментахъ. 11) Танцовальное искусство. 12) Гимнастическое искусство. 13) Драматическое искусство. 14) Сценическое искусство. 15) О связи всѣхъ искусствъ вообще.

СОВРЕМЕННАЯ ЭСТЕТИКА, соч. М. Гюне. Пер. А. Н. Чудинова. Спб. 90 г. Ц. 75 к.

ПАМЯТЬ, въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Соч. профессора Т. Рибо. Переводъ подъ редакцію Д-ра В. Абленскаго. Спб. 1894 г. Ц. 80 к.

ВОЛЯ, въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Соч. профессора Т. Рибо. Переводъ подъ редакціей Д-ра В. Абленскаго. Спб. 1894 г. Ц. 80 к.

Въ работахъ профессора Рибо о «Волѣ» и «Памяти» въ нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ, мы имѣемъ случай указать на достоинства этихъ работъ, къ которымъ относятся: ясность изложенія, правильная точка зрѣнія на предметъ, строго-научный выборъ доказательныхъ фактовъ, основательность выводовъ и заключеній, приводимыхъ почтеннымъ профессоромъ, а потому мы находимъ основательнымъ рекомендовать эти сочиненія Рибо вниманію интеллигентныхъ читателей, которые серьезно интересуются не только приобрѣтеніемъ знаній, но и ознакомленіемъ со способами уясненія этихъ знаній, изощреніемъ способности находить и понимать связь и причинную зависимость среди безконечнаго разнообразія явленій нашей жизни, и достиженіемъ такимъ путемъ возможно большей осмысленности и поучительности своего личнаго опыта.

Историческое развитие ЧУВСТВА ПРИРОДЫ.

Соч. Альф. Бизе. Перев. Д. Корольчнскаго. Спб. 1891 г., 391 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Введеніе. Христіанское и языческо-симпатическое чувство природы первых десяти вѣковъ. Нашнее возрѣніе на природу въ эпоху крестовыхъ походовъ. Индивидуализмъ и сантиментальная поэзія природы въ эпоху Возрожденія. Воодушевленіе природы и путешественниково-открывателей и отношеніе католическаго мисціонизма къ природѣ. Поэзія природы у Шекспира. Красота пейзажа въ живописи. Искусственная природа въ эпоху гуманизма и рококо. Признаки возвращенія къ живой природѣ. Чувствительно-эстетическое направленіе въ поэзіи. Романтизмъ въ поэзіи природы. Представители современной поэзіи природы: Гете, Байронъ и Шелли, Ламартинъ и Викторъ Гюго. Нѣмецкіе романтики. Заключение.

ЖИЗНЬ ПТИЦЪ. Для домашняго семейнаго чтенія. Сочиненіе А. Е. Брема, переводъ Н. Страхова. Роскошное изданіе съ 24 рисунками и 3 хромотипическими таблицами, выполненными за-границею, янцъ разныхъ породъ птицъ. Спб. 1866 г. Ц. 5.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЗА ТРИ ТЫСЯЧИ ЛѢТЪ.

ЧУДЕСА ДРЕВНЕЙ СТРАНЫ ПИРАМИДЪ.

Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта, въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Сочиненіе доктора Карла Опеля. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Страхова. Съ 100 рисунками, помѣщенными въ текстъ, 8-ю литографическими и двумя хромотипическими картинами, картою долины Ніомъ и планомъ птичьяго полета египетскихъ памятниковъ Нильской долины. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ МІРА. (Sur l'origine du monde). Космогоническія теоріи древнія и современныя, критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора, съ добавленіемъ Н. Фаве (Фэйе). Членъ Парижской Академіи наукъ. Защиты гипотезы Лапласа и теорій—Кирквуда, Трубриджа, Ньюкомба, Г. Х. Дарвина, а также критики теорій Н. Фаве, изъ соч. Космогоническія гипотезы. (Les hipotèses cosmogoniques) И. Вольфа, члена Парижской Академіи, астронома обсерваторіи. 2-е изданіе. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.;

Книга эта изложена популярнымъ языкомъ и коротко знакомитъ со всѣми авторитетными ученіями, выразившимъ свое мнѣніе о происхожденіи міра. Въ прибавленіи помѣщены защиты гипотезы Лапласа и теорій Кирквуда, Трубриджа, Ньюкомба, Г. Х. Дарвина и пр. Книга напечатана убористымъ шрифтомъ и внѣшній ея видъ не заставляеть желать ничего лучшаго. Съ рисунками.

Сочиненіе знаменитаго французскаго философа Эрнеста Ренана.

Историческіе и религіозные этюды.

Подъ редакцію В. В. ЧУЙКО. Изданіе третье. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. Эрнестъ Ренанъ. Состояніе міра около половины перваго вѣка. — Пожаръ въ Римѣ. — Еврейская война. — Смерть Нерона. — Воцареніе Флавіевъ. — Разгромъ Иерусалима. — Послѣдствія истребленія Иерусалима. — Траянъ и великіе императоры. — Конецъ царствованія Траяна и возстаніе евреевъ. — Живъ Кальвинъ. — Магометъ и происхожденіе исламизма.

СКЛАДЪ У КНИГОПРДАВЦА В. И. ГУБИНСКАГО.

С.-Петербургъ, Фонтанка, № 61.

Дозволено цензурою Спб., 30 Декабря 1894 г.

Типо-Литографія И. А. Лягвинова, Немайл.-п., 12 р., № 14.

ШЕКСПИРЪ.

Соч. Гервинуса. Переводъ съ нѣмецкаго Константина Тимофѣева. Изд. 2-е, допол., 4 большихъ тома на лучш. бумагѣ. Спб. 78 г. Ц. за 4 тома 8 р.

Новая иллюстрированная книга, сочиненіе Данте Алигьери:

Божественная Комедія Адъ.

Переводъ В. В. Чуйко, со вступительною статьею переводчика о жизни и произведеніи автора. Съ 68 рисунками извѣстныхъ французскихъ художниковъ и съ портретомъ автора. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Божественная комедія—одно изъ величайшихъ созданій человѣческаго творчества. Съ появленія книги прошло болѣе 500 лѣтъ, а произведеніе это несколько не потеряло своего великаго значенія. Картина ада, муки грѣшниковъ изображены авторомъ очень сильно и производить на читателя потрясающее впечатлѣніе. 68 большихъ и малыхъ рисунковъ еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе читателя.

Поступила въ продажу новая книга: 104 рисунка къ поэмѣ ГОГОЛЯ.

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Рисоваль художникъ Агинъ, гравироваль Верпадекій. Спб. 1894 г. 4-е изданіе (большой альбомъ), вшатаанный на толстой бумагѣ. Ц. 1 р. 75 к. Альбомъ этотъ нуженъ всѣмъ лицамъ, когда-либо прочитавшимъ сочиненіе Гоголя «Мертвыя души». Рисунки есть иллюстрація этого великаго произведенія. Изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго 1894 г. Этотъ изящно изданный альбомъ художественно исполненныхъ рисунковъ къ множеству выдающихся моментовъ безсмертной поэмы Н. В. Гоголя, несомнѣнно представляетъ цѣпный вкладъ въ иллюстрированную литературу и можетъ служить украшеніемъ любой бібліотеки и гостиной. Альбому предпослано предисловіе Н. Лскова. По цѣнѣ это художественное изданіе слѣдуетъ признать безусловно дешевымъ. *Отзывъ газеты «Свѣтъ».*

ПѢСНЬ О НИБЕЛУНГАХЪ. Перев. М. Кудряшева. Спб. 1890 г. Цѣна 3 р.—за 2 р.

Переводчикъ Г. Кудряшевъ задался цѣлью передать поэму на русскій языкъ возможно ближе, строка въ строку, ничего не прибавляя и не измѣняя размѣра оригинала. Г. Кудряшевъ предпосылаетъ своему переводу весьма обширное введеніе, въ которомъ знакомитъ читателя съ исторіею поэмы, ея біографіею, содержаніемъ, другими сказаніями о Нибелунгахъ и проч.!

КУЛЬТУРА ИТАЛІИ въ эпоху Возрожденія. Сочиненіе Бурхарда. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1876 г. Ц. вмѣсто 3 р.—1 р. 50 к.

ВЕЛЯМОВИЧЪ. Психологическія основанія эстетики. Спб. 1876 г. Ц. вм. 2 р.—1 р.

ПОМПЕЯ и открытія въ ней древности. Съ очеркомъ Везувія и Геркуланума. Съ 3 рисунками. 4-е изд. Спб. 1883 г. Ц. 3 р.

Поступила въ продажу вторымъ изданіемъ и значительно дополненная книга:

ЛАССАЛЬ,

его біографія и сочиненія. Изд. подъ редакцію В. В. ЧУЙКО. Спб. 90 г. Ц. 1 р. СОЦІОЛОГІЯ. Основная задача ея и методологическія особенности, мѣсто въ ряду наукъ, раздѣленіе и связь съ біологіею и психологіею. Соч. Е. де-Роберти. Спб. Ц. 2 р.